

18+

Юрий Колонтаевский

Хроники исступленных

Книга вторая.
Мне отмщение, аз воздам

Хроники исступлённых

Юрий Колонтаевский

**Хроники исступленных. Книга
вторая. Мне отмщение, аз воздам**

«Издательские решения»

Колонтаевский Ю.

Хроники исступленных. Книга вторая. Мне отмщение, аз воздам
/ Ю. Колонтаевский — «Издательские решения», — (Хроники
исступлённых)

ISBN 978-5-44-930144-4

Адам обретает власть — он мстительный, злобный. Беременная Ева на
корабле, летящем к Терции. У нее хотят отнять ребенка — она нужна для
другой роли. Известие: Ева погибла. Адам на Континенте. Отчаяние и любовь
— Лиля. Известие: Ева жива. Изгнание Лили. Поход на Континент. Жестокий
ответ плебеев. Плебеи на Острове. Возвращение Большого корабля — полет не
подготовлен. Ева с сыном на Земле. Адам защищает дворец — поздно. Агония
исступленных. Ева идет на помощь. Не успевает. Она верит, что Адам жив...

ISBN 978-5-44-930144-4

© Колонтаевский Ю.
© Издательские решения

Хроники иступленных

Книга вторая. Мне отмщение, аз воздам

Юрий Колонтаевский

© Юрий Колонтаевский, 2018

ISBN 978-5-4493-0144-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Поместили Еву в узкую тесную каюту – клетку с низким потолком, она едва не касалась его макушкой. Здесь была жесткая лежанка, спать на которой было довольно удобно, но непривычно, учитывая, что невесомость, как ей объяснили, компенсировалась лишь частично за счет небольшого ускорения, с которым корабль на первом этапе двигался в пределах солнечной системы. Чтобы ночью невзначай не оказаться на полу, приходилось пристегиваться ремнями и спать в одном положении.

На день она поднимала лежанку, фиксировала на стене в замках, из ее изнанки извлекала столик и стул, которые просто объединялись в устойчивую и прочную конструкцию.

Справа от двери находилась выгородка полупрозрачного стекла от пола до потолка, за которой почти вплотную помещались раковина для умывания и горшок с ярко красным сиденьем. Горшок небольшим усилием вдвигался под раковину, в результате чего открывался квадратный зарешеченный пол, на который упругой вертикальной гармошкой из углубления в потолке опускался на обнаженное тело прозрачный пластиковый мешок и герметично фиксировался внизу. Оставалось надавить ногой на клапан, и сразу же мешок снизу вверх начал заполняться теплой водой. Через клапан избыточный воздух стравливался. Вверху оставался небольшой объем, которым можно было дышать две минуты. Затем вода под давлением теплого воздуха, приятно бьющего снизу множеством щекочущих струй, вытеснялась через отверстия вниз. Следом поступал теплый сухой воздух, и тело быстро высыхивалось. На этом купание завершалось. Порция воды из экономии была ограничена, ее хватало лишь для того, чтобы смочить тело. Омовение полагалось один раз в сутки.

Двери в каюте были двойными. Наружная – стальное непрозрачное полотно с небольшим застекленным окошком, которое открывалось охранником. В него подавали поднос с завтраком, обедом и ужином. Внутренняя дверь представляла собой основательную металлическую решетку на массивных шарнирах. Она открывалась внутрь каюты. Первую дверь несколько раз в день распахивали – обычно после завтрака, обеда и ужина, за нею неизменно стоял Тарс. Сухое печальное лицо Тарса приводило Еву в уныние, но она терпела. Он был единственным живым человеком, которого она видела изо дня в день и к которому начала привыкать. Вспомни, что именно о Тарсе когда-то с возмущением рассказывал Герд. Она стала с интересом присматриваться к своему личному доктору.

Решетку, снабженную отдельным замком, открывать не полагалось, ее известили об этом в первый же день заключения. Ключ от замка решетки был только у Правителя.

Утром седьмого дня наружная дверь бесшумно открылась. Ева едва успела привести себя в порядок со сна: приняла утреннее омовение, умылась и почистила зубы. Впервые за решеткой оказался не Тарс. Для его явления было слишком рано – обычно он посещал ее после завтрака.

Перед нею стоял сумрачный пожилой господин в черном блестящем костюме. Его напряженный пронизывающий взгляд исподлобья был знаком Еве. Она вспомнила, что в машине этого господина ее привезли на космодром. Он был постоянно не в духе и отдавал команды отрывистым лающим голосом. Припомнив почтение, с каким обращались к нему окружающие, она догадалась, что перед нею Правитель собственной персоной. Неприятно кольнуло острое предчувствие надвигающейся беды.

– Как у нас дела? – спросил господин и скривился в намеке на усмешку. – Все ли в порядке? Нет ли жалоб?

– У нас с вами, господин Правитель, никаких общих дел нет и быть не может.

– Это не так, Ева – заговорил Правитель примиряющим тоном. – Даже совсем не так. У нас с тобой обязательно будут дела, – пообещал он, усмехнувшись уже открыто, но все еще в пол лица, и неуверенно подмигнул. – И какие еще дела. Ни за что не догадаешься.

– Исключено, – резко сказала Ева. – Я не стану говорить с вами, пока вы не вернете мне свободу.

– Позволь полюбопытствовать, зачем тебе пресловутая свобода?

– Вы, верно, не знаете или забыли, что я рождена свободной в свободном племени славов. Вы лишили меня главного моего достоинства, – выкрали самым наглým образом. Даже с плебейми так не поступают, существует все же какой-то порядок, наконец, Закон. Вы можете объяснить, на каком основании вы меня изыали? Какова цель изыятия? Я что, военная добыча и теперь нахожусь в плену? Из-за вас я потеряла все – родину, мужа. У меня остался мой ребенок, но, я подозреваю, что вы и на него намерены наложить лапу. Предупреждаю вас, господин Правитель, чтобы не осталось между нами неясностей, если вы думаете отнять у меня ребенка, заодно придется отнять последнее мое достоинство – мою жизнь.

– Твоя жизнь мне ни к чему, девочка. Да и твой ребенок мне не нужен. Я принял решение: мы от него избавимся. Аккуратно. Подумай, зачем мне потомок Адама. Только лишние хлопоты. И потом, время не ждет. До начала разгона мы должны зарядить кюветы. Хотя бы не все, но часть обязательно...

– Какое отношение я имею к вашим кюветам?

– Представь себе, самое непосредственное. Тебе предназначено быть матерью всем милым детишкам, которые у нас появятся в известные сроки. Один за другим, как на конвейере. Обещаю, ты испытаешь огромное удовлетворение.

– Этого не будет, – сказала Ева с вызовом. – Теперь закройте дверь и убирайтесь вон. Я не желаю говорить с вами. Проваливайте.

– Здесь один я решаю, с кем мне говорить и когда прервать разговор. – Его ровный голос был скрипуч и негромок. – Потому, прошу, пока прошу, не пытайся диктовать мне свои условия. Хорошенько запомни: твоя жизнь и жизнь твоего ребенка в моих руках. Так что не ересься, терпи. – Он замолчал, всматриваясь в лицо Евы, определяя, как действуют на нее его слова, но никакой реакции не обнаружил. – Я принял решение о срочном заселении свободных кювет. У нас еще не заняты четыре с половиной тысячи. Спермы мы запасли достаточно. Самой качественной спермы, должен отметить. Кстати, исключительно от твоих сородичей. Нужны яйцеклетки. Но не любые, а взятые у женщины славов. Ты подходишь по всем статьям – здорова, сильна, способна беременеть. Одно препятствие – ты совершенно некстати уже беременна. Мы потеряем уйму времени, позволив тебе доносить ребенка. К тому же придется резервировать специально для тебя значительное количество кювет – не заселять до твоего решения. Ты должна понять, как мы рискуем, ведь возможно всякое. В кюветах мы создадим нормальные условия для вызревания детей, что в организме женщины рискованно и затратно. К тому же никто не знает, как вызреет плод в условиях невесомости и, конечно же, как пройдут роды. А вдруг осложнение, и мы потеряем тебя. Или в дальнейшем не сможем использовать в качестве донора. Давай договоримся так: чтобы исключить недоразумения в будущем, мы

проведем искусственные роды, освободим тебя от плода, а спустя некоторое время ты обретишь счастье материнства, но уже в ином формате – совершенно безопасном для тебя и твоих детей. Таковы, девочка, наши планы относительно твоего будущего. Прими это к сведению и смирись с неизбежным. Я уже назначил операцию – на ближайший четверг, то есть через четыре дня. Операцию проведет доктор Тарс, ты его знаешь. Он отвечает за твоё здоровье. Правда, Тарс еще не осведомлен о моем решении, но я подумал, что лучше сначала обсудить эту проблему с тобой и только тогда подключать доктора. Он не откажется нам помочь. Вот теперь я сказал все и спешу откланяться, у меня много дел. Да, еще. Сразу же после операции ты получишь свободу, о которой так печешься. Но только в пределах лечебного блока.

Дверь бесшумно закрылась, щелкнул замок. Обрушилась тишина.

Ева не помнила, как добралась до лежанки. Ничком упала на нее и забылась.

– Эту операцию я не буду делать, – дослушав, проговорил Тарс.

– Будешь, – сказал Правитель обыденно. – Еще как будешь. Не сделаешь ты, сделает другой. У нас незаменимых нет. На всякий случай я уже обсудил эту проблему с Клинтом. Он, в отличие от тебя, рвется в бой.

– Клинт костолом. Он погубит прелестное существо...

– Ты бы больше думал о собственной судьбе, – произнес Правитель холодно. – До сих пор не понял, что своя рубашка как-то ближе к телу. Так, кажется, говорят умные люди?

– Так говорят подлые люди.

– Последний раз спрашиваю: ты готов?

«Он в гневе смешен, – думал Тарс и молчал. – А Ева погибла».

– Я должен подумать, – сказал он. – Сначала осмотрю пациентку. Без этого – никак.

– Давно присматриваюсь к тебе, Тарс, – сказал Франк, когда они, наконец, остались одни в его кабинете. – И вот к какому выводу пришел: ты скрываешь что-то важное, что не дает мне покоя. Не как начальнику службы безопасности, а как профессионалу, и просто наблюдательному человеку. Ты относишься к исчезающему племени людей, вызывающе независимых от природы – так я определяю подобных субъектов. Их, к сожалению, совсем немного. Ты второй на моем жизненном пути. От тебя исходит угроза. По этой причине я стою за тебя. Ты все понял?

– Не знаю, радоваться мне или печалиться.

– Мне известно твое прошлое, – продолжал Франк, – я помню твои земные похождения, твои яростные проповеди, смущавшие народ. Не однажды слышал их и, представь себе, не находил в них никакой крамолы. Мне известно также, что к тебе, бывало, подбирались так близко, что оставался какой-то ничтожный шаг, чтобы тебя навсегда не стало на улицах. Но сразу же вслед за угрозой, а иногда предвзято, появлялся строжайший запрет на осуществление заготовленной кары. Больше того, в последнее время категорически запрещалось даже приближаться к тебе. Мы не знали, откуда исходит запрет, а когда узнали, сбавили обороты и сняли эту разработку с повестки дня. И вот теперь ты на корабле – этого я не ожидал. И больше не проповедуешь. Скажи мне, Тарс, как ты сюда попал?

– Тебе очень интересно знать?

– Ну да, если я спрашиваю.

– У меня нет секретов, – сказал Тарс, – особенно от службы безопасности. В полет меня не позвали, заперли в Доме спорта – бросили на произвол судьбы, забыли. Освободили солдаты, покидавшие здание. Они сразу же разбежались, а я забрел в окопы правительственных войск. Тогда я еще не помышлял о Терции. Допрашивал меня офицер по имени Кент. Я рассказал ему все, что знал. Об Адаме и Еве. И о том, что Еву Координатор увез с собой. Кент выслушал меня внимательно. Напоследок предложил отправиться на космодром своим ходом

и попытаться проникнуть в последний шестнадцатый подкидыш. Тот уже стоял на стартовом столе. Возражать я не стал, мне было все равно. Передо мной была поставлена задача: помочь Еве. Я понял, что выполню эту задачу. Дождавшись ночи, солдаты Кента проводили меня через мост. Нам повезло, солдаты противника крепко спали и нас не заметили. Дальше я пошел пешком, ничего другого не оставалось. Вокруг темень, хоть глаза выколи, идти больше десяти километров, в желудке пусто. Обещали накормить, да я постеснялся напомнить, а потом забыл. Мне повезло – догнала машина с солдатами. Их было пятеро. Командовал Верт – большая шишка на Континенте, как я понял из разговоров. Они тоже спешили на космодром. Я упрямился их взять меня с собой. Я рассказал им, что мне нужно проникнуть на корабль. Мне объяснили, что моя затея довольно глупая и едва ли исполнимая, поскольку на подкидыши пускали только избранных – по спискам Координатора, в которых меня точно не было.

– А как проникли на корабль?

– Да очень просто, – сказал Тарс. – Мои спутники сначала убили охранника, который заерепенился, отказавшись пропустить на борт. Потом немного постреляли – поверх голов, чтобы отеснить народ, столпившийся на посадке. В конце концов, в наглую захватили лифт, и мы поднялись наверх – в подкидыш. Проникли в командирскую рубку. Верт приказал команде завершать погрузку и стартовать. Командир послушался, ничего другого ему не оставалось. Видно, очень хотелось жить.

– Где теперь эти солдаты, знаешь?

– Нет, не знаю. Мы разбежались сразу же после старта. Потом была стыковка, и я со всеми вместе перебрался на Большой корабль. Явился к Правителю, рассказал ему так, как рассказываю тебе. Мы были знакомы раньше, еще когда он был Координатором, а я проповедовал на улицах. Тогда у него посыпались отношения с Владетелем. Прощаясь, он разрешил в случае неприятностей ссылаться на него и пообещал выручить, если прихватят за проповеди.

– Ты действительно не знаешь, куда девались солдаты? Напоминаю на всякий случай, они преступники... Занимаешься укрывательством? Знаешь, что такое поведение чревато серьезными последствиями?

– Я же сказал, мы разошлись в разные стороны сразу же после стыковки. Возможно, они остались в шестнадцатом подкидыше. Для меня их больше нет. Отныне у меня единственная забота – Ева. Над нею нависла серьезная угроза – готовится неслыханное надругательство. Причем моими руками.

– Объясни, – подобрался Франк. – Давай, не тяни.

– Он намерен отнять у Евы ребенка.

– Зачем?

– Чтобы превратить ее в донора яйцеклеток и приступить к заселению кювет. Я отказался. Он сказал, что привлечет Клинта.

– Час от часу не легче, – сказал Франк. – Этому безумию можно помешать?

– Нужно срочно разыскать Верта с его людьми и Еву переправить к ним... Где-то же они прячутся. Кстати, Верт с Евой знаком еще по Континенту, он даже подумывал взять ее в жены...

– Что помешает ему исполнить задуманное теперь?

– Совесть. Как ни странно, но на дне души заблудшего человека, погрязшего в преступлениях, затеплилась совесть. Помимо собственной воли. Верт испытал крушение устоев, в которые верил всю жизнь, работая на Правителя, а что получил взамен? Тот его просто кинул. Этот удар оказался для Верта страшным потрясением.

– Интересная информация, может пригодиться. – Франк внимательно рассматривал Тарса. – Знаешь, Тарс, я, пожалуй, помогу тебе. Тебе известно, что все помещения корабля открываются универсальным ключом?

– Правитель мне как-то сказал, что всего ключей двенадцать. С них не спускают глаз.

– Открою тайну: изготовлено было тринадцать ключей. Причем о тринадцатом экземпляре не знает никто. Он принадлежит мне – положено по службе. Я передаю его тебе, но с одним условием. Ты найдешь своих спутников и этот ключ передашь им. Лучше, если вместе с Евой. Другого выхода я не вижу. Согласен? Главная задача обустроить операцию так, чтобы ни одна живая душа не смогла заподозрить тебя в соучастии. Ты скоро понадобишься здесь.

– Я согласен. Но как найти Верта?

– Начни с шестнадцатого подкидыша. Я дам тебе фонарь, там темно – освещение отключили. И вот что еще. Не вздумай пользоваться ключом в присутствии посторонних – мигом заложат Правителю, и тогда тебе крышка. А может быть, и мне. Будь особенно осторожен, не нарвись на глупую пулю... Ребята вооружены, и теперь на взводе, ты же сам говорил. Вот тебе ключ. Браслет надень на запястье. Это все. Ступай.

2

Новоназначенные сенаторы вольно расселись в ротонде, залитой торжественным светом позднего утра. Одеты в одинаковые костюмы классического покроя из серебристой плотной ткани и белоснежные рубашки тонкого полотна с открытым воротом, чем особенно подчеркивалась свободная пластика раскрепощенных загорелых тел, они встретили первое заседание Сената с энтузиазмом.

Координатор Герд, один из двух действительных членов Сената прежнего созыва, неспешно преодолев винтовую лестницу, появился в зале заседаний позже основной группы, и сразу же обнаружил непорядок – его привычное место по правую руку от кресла Владетеля было занято. В кресле ужом вертелся подвижный и легкий Флинт – последний специалист по радиосвязи, смазливый мальчишка с аккуратной гривкой густых темных волос. На избрании Флинта Адам настоял вызываясь твердо, объяснив, что в Сенате не лишним будет человек, в чьих руках сосредоточены структуры дальней космической связи. Флинту поручались первые задания: ремонт передатчика и антенного поля, и в конечно счете обеспечение устойчивого радиоконтакта с Большим кораблем.

«Все в этом мире повторяется», — подумал Герд, вспомнив свое первое неловкое появление в Сенате и то, как его обескуражило ничем не обоснованное неприязненное высокомерие сенатора Торна, занявшего то же самое кресло. В замешательстве он сделал вид, что ничего необычного не произошло, и постарался успокоить себя и объяснить, что Торн стар и занял чужое место не по злему умыслу, а лишь по забывчивости. Тогда вмешался Владетель, немедленно обнаружив в поступке Тона нарушение правил, и безжалостно выпроводил старика на покой. Заодно и ему досталось – заработал свой первый выговор.

– Господин Флинт, объясните, почему вы заняли мое место? – спросил Герд с резкостью, на которую, в соответствии с новой своей должностью, имел полное право. – Это место закреплено за мной еще прежним Владетелем. Вас что, не предупредили?

Однако дерзкий юнец, пропустив замечание Герда мимо ушей, как ни в чем не бывало продолжал скалиться, с удовольствием демонстрируя превосходные зубы.

– Видите ли, господин Координатор, – выдержав паузу и продолжая сидеть, соизволил заговорить Флинт, – место, которое вы опрометчиво считаете своим, отныне и навсегда принадлежит мне. Я занимаю его по высочайшему повелению, высказанному только вчера господином Владетелем. А то, что было когда-то, увя, превратилось в прошлое. Ничего не поделаешь, так тоже бывает.

– Вот оно что, – — пошел на попятный Герд. – Извините, пожалуйста, что потревожил. Меня по какой-то причине не известили о столь важных переменах.

– Я с удовольствием беру на себя эту миссию и извещаю вас, господин Координатор, – выговорил Флинт подчеркнуто скромно и победно оглядел присутствующих, призывая в свидетели удачного посрамления второго человека в государстве.

– Благодарю вас, господин Флинт, за заботу, – сказал Герд, подумав, что подобные перемены совершенно не в духе прежнего Владетеля. – Спасибо.

Ожидали Адама. Он должен был явиться с боем курантов на башне столичной администрации. Сенаторы непринужденно переговаривались, слышался смех.

Наконец ожил скрежет старинного механизма, донесенный звуковой трансляцией, – пошла подготовка к колокольному бою. Следом раздался бой – секундная последовательность мелодичных стеклянных ударов металла по резонирующему телу главного колокола. Мощные толчки крови неизменно испытывал каждый, кто слышал эти исполненные энергией звуки.

С двенадцатым ударом в ротонду вошел Адам, поздоровался общим поклоном, проследовал к своему креслу, но садиться не стал. Он был бледен и напряжен.

– Открывая наше первое заседание, господа, – заговорил он, – я поздравляю всех присутствующих с важным событием в жизни страны. Отныне нам предстоит управлять этой жизнью, но не только. Нам придется отвечать, хотим мы того или нет, за каждого нашего жителя, за его жизнь и возможность устойчивого существования в оскудевшем мире. Наше государство претерпело крушение, какого не припомнить за его долгую историю. Нас стало меньше на три четверти, причем восемь из десяти уцелевших граждан, как ни печально, убогие старики, неспособные иметь продолжение в силу преклонного возраста. К сожалению, по той же причине, они не надолго останутся с нами. Остальные наши сограждане в большинстве неразумные дети, которым еще расти и мужать. Наша промышленность уничтожена, множество предприятий, работавших как часы, превращены в руины. Специалисты летят к Терции, остальные или бессмысленно убиты безумцем, утратившим тормоза, или пребывают в совершенной растерянности. Разрушен университет. Здания уцелели, но в них больше нет жизни, не звучат молодые голоса и смех – ветер гуляет в пустых коридорах и аудиториях. По счастью осталась небольшая группа младших студентов. Им бы еще учиться, а мы уже сегодня вынуждены предоставить юнцам профессорские кафедры, поручить подготовку будущих студентов в университетском пансионе. Одновременно они будут продолжать учебу под руководством ученых, давно ушедших в отставку. Мы вынуждены просить их вернуться в строй. Оживление уже началось, распоряжения отданы. Все мы, без исключения, внедряемся самым непосредственным образом в процесс образования смены – прочтем установочные циклы лекций. Каждый по своей дисциплине. Так что приступайте к основательной подготовке, не откладывая. Содержание и качество лекций буду проверять лично. Всех детей, начиная с трех весен, поместим в пансион при университете, и начнем учить. Нам нужны четырнадцатилетние выпускники, способные работать самостоятельно. Мы не можем ждать, когда они вырастут и созреют. Иного пути, к сожалению, нет. Принято также решение завезти небольшие группы ребят с Континента – из Большого инкубатора. Начнем делать из них квалифицированных рабочих. Самых способных переведем в университетские группы. В ближайшие дни завезем оттуда взрослых рабочих для выполнения первоочередных восстановительных работ. Известно, что годы унижений придавили в них человеческое достоинство. Не знаю, удастся ли им оттаять под действием перемен к лучшему. Но верю, пока верю, что доброе отношение способно смягчить любые нравы. Я коротко сформулировал первые шаги, которые мы с вами предпримем в ближайшее время. А теперь вопросы. Есть вопросы ко мне?

– Есть, господин Владетель.

Поднялся Флинт и заговорил с обычной своей веселой развязностью, которая явно не соответствовала серьезности момента. Кривляние Флинта заставило присутствующих напрячься, чего Флинт не заметил, или решил не замечать.

– Господин Владетель, – воскликнул он. – Вы призываете всех нас включиться в работу и начать новое восхождение иступленных. Это правильно, этот призыв достоин нашего руководителя, потомка великого человека, незабвенного Владетеля, покинувшего нас недавно. Только так – решительно – следует браться за возрождение государства. Но, интересно знать, при чем здесь плебеи?

– Кто такие плебеи, господин Флинт? – Адам резко перебил оратора.

– Как, кто? – удивился Флинт, сохраняя все ту же веселость, которая, видно было, коровила и смущала Адама. – Насколько мне известно, плебеи испокон были рабами, им природой назначено трудиться и помалкивать.

– Интересная мысль, – сказал Адам. – Интересная, но устаревшая. Предлагаю отныне и навсегда отказаться от употребления этих слов – иступленные, плебеи. Эти слова и понятия, стоящие за ними, разделяют нас и не делают нам чести. Сказанное относится ко всем присутствующим. Прошу принять к сведению.

– Но как прикажете их называть? – не унимался Флинт. – Этих, которые...

– Гражданами, – спокойно сказал Адам. – Да, да, господин Флинт – называйте их и заодно нас с вами просто гражданами. И не иначе. Наши предки сделали все, чтобы низвести несчастных до скотского состояния... Я не стану вдаваться в причины, они общеизвестны. Так называемые плебеи наш единственный резерв на долгие весны. Сможем поладить с ними, уцелеем, не сможем – наша песенка будет короткой. Помочь им распрямиться, встать рядом наша ближайшая задача.

– А ваш отец... – попытался возразить Флинт.

– Что, мой отец? – перебил Адам. – Мой отец всегда был и оставался иступленным. Никем другим он не мог быть не только по своему рождению и воспитанию, но также в силу традиций, которые так сильны в нашем обществе. Он, насколько мне известно, никогда не опускался до отрицания человеческих достоинств в самом последнем плебее.

– Понятно, ведь ваша мать была плебейкой, господин Владетель, – осторожно напомнил Флинт, не удержался.

– Моя мать происходит из свободного племени славов, если быть точным.

– Славы те же плебеи, – продолжал упорствовать Флинт.

– Это не совсем так. Повторяю, славы свободное племя. Хотя и у них мы забираем детей – через одного. По старинному договору.

– А что делают с ними потом?

– Обращают в плебеев. Придет время, и мы покончим с этим обычаем раз и навсегда. Обещаю, грядущие перемены будут отражены в новом Законе. Вам понятно, господин Флинт?

– Понятно. Но у меня есть еще один вопрос. Я имею в виду то обстоятельство, что вы, наш Владетель, потеряли свою горячо любимую супругу, о чем мы все скорбим, и теперь пребываете в совершенном одиночестве. Не пора ли подобрать женщину, достойную нашего господина?

– Самое время, – выкрикнул кто-то, не удержался. – Нам нужен наследник!

Оказалось, что эта тема заботит всех. Господа ожили, наперебой принялись предлагать свои варианты выхода из кризиса. Адам слушал разошедшихся сенаторов, внешне сохраняя спокойствие.

Флинт, окрыленный общим вниманием, пожинал плоды первого успеха, которые, он рассматривал как начало большой карьеры. Он мысленно видел себя Координатором, подозревая, что Герд тяготеет своей должностью и не чаёт, когда, наконец, избавится от нее.

– В предложении сенатора Флинта, бесспорно, есть нечто рациональное, – осторожно подал голос Герд, дождавшись, когда страсти улягутся. – Только думаю, господа, женитьба дело ответственное и, конечно же, сугубо личное. В такие дела посторонним вмешиваться не следует.

– Да разве же мы посторонние? – возопил Флинт. – Мы одна семья и должны вести себя как семья.

Поднялся Адам. Наступила тишина.

– Я благодарен вам за заботу о моей личной жизни. – Он встретился глазами с Флинтом, в глазах Флинта билось ликование, и Адам решил, что больше не потерпит мальчишку за этим столом. – Но я должен предупредить вас всех, в том числе господина Флинта, что не только заявленная вами проблема, но и форма этого заявления оскорбляют меня, вашего Владетеля, которому вы поклялись служить верой и правдой. Больше того, вы оскорбляете не одного меня, вы затронули память о светлом существе, не причинившем вам ни малейшего вреда. Не удивительно, что после надругательства над памятью моей жены, выраженного в вызывающей провокационной форме, я буду вынужден защищаться всеми имеющимися в моем распоряжении средствами. – Адам осмотрел собрание и продолжал резко: – Надеюсь, впредь ни один гражданин не посмеет совать свой длинный любопытный нос в дела другого гражданина, как бы ему ни хотелось произвести это неприличное действие, как бы он ни думал, что такое действие пойдет на пользу тому, в чьи дела пытаются сунуть нос. А поскольку за словом Владетеля должно следовать дело и об этом мы с вами также договорились, приступая к выборам, первое мое дело я исполняю сразу же вслед за моими словами. Суть его состоит в том, что мы больше никогда не увидим в ротонде этого человека. – Он помолчал, не спуская глаз с Флинта. – Не называю его имени, не желаю произносить его имя. Он понимает, что я говорю о нем, догадывается, что должен немедленно удалиться. Навсегда.

При этих словах Флинт вытянулся, густо покраснел, затравленно оглядел сенаторов, ища поддержки. Но сенаторы молчали, опустив головы. Он, было, подумал оправдываться, но его одернул сосед. Тогда он, убитый, послушно вышел из-за стола, в полной тишине поплелся к лестнице и скоро утонул в ее проеме.

– Продолжаем заседание, – нарушил тишину Адам, взглядом проводив Флинта. – Нас прервали. Думаю, это незначительное происшествие пойдет всем нам на пользу. Итак, очередной вопрос: распределение ролей в Сенате. Координатор Герд подготовил первый документ – проект Устава в этой части. Каждый из вас видит этот текст на своем мониторе. Внимательно прочитайте его с начала и до конца. Особое внимание уделите тому разделу, ответственным за который являетесь вы. Возникнут вопросы, требуйте объяснений. Я жду вашей реакции.

– Можно? – поднялся сенатор Слип, которому поручалась организация культурного досуга и отдыха трудящихся.

Адам кивнул, разрешая.

– У меня вот какой вопрос. При прежнем правлении не придавалось должного значения одному из последних видов свободного творчества – театру. По Закону на сцену допускались пьесы только умерших авторов. Живых держали на удалении от театра, они жили скудно на небольшие дотации, продолжая исправно творить. И только после смерти их творения становились достоянием гласности. Мне кажется это положение несправедливо. По моему глубокому убеждению, каждый из ныне здравствующих драматургов достоин права еще при жизни быть представленным публике. Хотя бы лучшим своим опусом.

– Резонное замечание, – согласился Адам. – Обещаю вам, коллега Слип, мы обязательно исправим это положение. Еще есть вопросы? – Ответом было молчание. – Тогда что ж, время дорого, господа. Напоследок попрошу вас к следующему заседанию Сената подготовить соображения по работе своих служб. Эти данные после надлежащей обработки будут учтены в новой редакции Закона. Все свободны.

Вечером, когда за окном начинало темнеть и приближалось время отхода ко сну, шелкнул динамик переговорного устройства и торжественный голос секретаря отчетливо произнес:

– Господин Владетель, здесь Клупп. Принес какой-то аппарат. Говорит, после ремонта.

– Пусть войдет.

Появился сосредоточенный Клупп. Адам вспомнил, что утром поручил ему проверить блок, не упомянув о несостоявшемся наказании кастеляна.

– Устройство исправно, – принялся объяснять Клупп. – Разумеется, подтвердить работоспособность может только... штатная проверка. Но уж это ваша забота, я здесь лишний. Встаньте на минутку, мне нужно забраться под стол, чтобы подключить разъем питания.

Адам поднялся, вышел из-за стола. Клупп опустился на колени, полез под столешницу, вытянул кабель с разъемом, подключил блок, вставил его в направляющие. Ожил и засветился яркий дисплей – четыре разряда десятичного кода. Теперь емкость индикатора была избыточна – оставшихся кодов не наберется, чтобы его заполнить.

– В прежние времена, – объяснил Клупп, – в четыре десятичных разряда умещались коды всех тех иступленных, которые по Закону имели честь быть кардинально наказанными.

Клупп распрямился. Согбенный и печальный, он стоял перед Адамом, спрятав глаза. Развернулся неловко и, не попрощавшись, вышел вон.

«А ведь все подумали, что мне нравится этот верткий мальчишка, – Адам вспомнил о неприятной стычке в Сенате. – Ничуть не бывало. Хорошо, что не стал терпеть и прогнал наглеца. Стало легче дышать. Он взял на себя слишком много и надорвался. Чего стоит ироничный тон, который он позволяет себе, почему-то решив, что раз я его сверстник по возрасту, со мной можно говорить как со сверстником. Все должны усвоить, если хотят жить долго, что я Владелец и не потерплю даже намека на фамильярность, и, конечно же, не допущу никаких разборок. Особенно в Сенате».

Он рывком вытянул блок до щелчка фиксатора, по памяти набрал код подлинности Флинта, убедился, что набор верный, и следом поспешно, чтобы не передумать, утопил красную кнопку до упора.

3

Флинт не предполагал, что досадная перепалка с Владелем на первом же заседании Сената обернется провалом. Что на него нашло, откуда взялась наглость, которую он не подозревал в себе, развязная и пустая. Как он посмел так рисковать? Он попытался проанализировать события, случившиеся в этот страшный день, чтобы по привычке сделать выводы на будущее. Но как ни бился, не удавалось остановить хаотичное движение памяти, произвольно перескакивающей с одного на другое.

Он провинился, спору нет, теперь же изо всех сил старался оправдать мальчишескую несдержанность, воспринятую как бунт.

Однако по-настоящему надавило, когда, уже засыпая, он вдруг рывком выпал из сна с ощущением, что сознание напряглось и помутилось. Все его существо заполнила, подавляя, единственная мысль – о двери, в направлении которой неумолимо побуждало внутреннее влечение, и которую, чтобы спастись, он должен немедленно закрыть за собой. Как ни напрягал Флинт остатки все более ускользающего сознания, он был не в силах сосредоточиться и понять, кто толкает его на этот страшный шаг и за что.

Влечение забирало настолько властно, что он, чтобы унять его неодолимую силу, не помня себя, кое-как оделся, бросился вон из лаборатории, упал в машину и на полной скорости, благо, в городе машин почти не осталось, и дорога была свободна, полетел к дворцу. Машину бросил у входа, успев подумать, что сознательно не воспользовался выделенной стоянкой и все, что причитается за это серьезное нарушение, будет отнесено уже не к нему – его просто не будет больше на этом свете и винить будет некого.

На одном дыхании, ни души не встретив, он пробежал пустынной анфиладой и остановился только перед зловещей дверью. Повинуясь неодолимой тяге, подошел к двери вплотную, обреченно сознавая, что еще мгновение и створки раздадутся, он шагнет туда, откуда возврата нет, и его мучениям придет конец. Однако створки не шелохнулись, даже музычка не вступила. В замешательстве, чтобы отвлечься и занять себя, он принялся рассматривать роботов, которых никогда не видел вблизи и сбоку. Поразила пыльная паутина, покрывавшая тыльную сторону истуканов. Возникла и вовсе невероятная мысль узнать у них, по какой причине дверь отказывается принять назначенного клиента. Но этот вопрос скоро погас в нем, так и не прозвучав. Роботы оставались недвижны, мертвы.

Продолжая вглядываться в тусклые бессмысленные глаза истуканов, он осторожно объяснил себе, что в безупречном механизме кардинального наказания, видимо, нарушена какая-то важная мелочь, и потому он все еще жив, дышит свободно, стоит на собственных ногах и помалу перестает думать о смерти.

Сила внутреннего приказа слабела, утрачивала остроту, отпускала, продолжая несильно толкать вперед. И тогда он подумал, что чудовищный механизм сам противится неведомой воле, не пускает, точно сделался вдруг живым существом, в котором проснулась жалость и сострадание.

Оцепенение продлилось еще минуту. Наконец он почувствовал, что понуждающая сила иссякает, сознание возвращается из тумана, и ожившая собственная воля осторожно, но все настойчивее подбивает напрямь силы сопротивления и постараться немедленно убраться прочь. И уже отдаляясь, придя в себя окончательно, он подумал, предчувствуя новый ужас, что исполнение приказа по какой-то причине отсрочено, но оно непременно последует, только позже. Видно, таков теперь порядок, вяло объяснил он себе, – наказание временно отложили, но непременно вспомнят, когда он забудется и перестанет ждать. Какое-то время это чувство продолжало мучить, но он уже осмелел настолько, что поверил в главное, что случилось с ним, – он задержался в живых.

Флинт плохо помнил, как выбрался из дворца. Сознание все еще мутилось, но теперь короткими приливами, подобными отраженным волнам, ноги дрожали от страха и плохо держали. Собрав остатки сил, он доковылял до брошенной машины, которую против обыкновения даже не запер, распахнул дверцу, втиснулся на место водителя. Попытался сосредоточиться – сознание прояснилось, но страх, отныне верный спутник чудом уцелевшей жизни, наверное, навсегда, поселился в нем.

Он включил двигатель, стронул машину с места, не ведая, куда предстоит ехать, и, только миновав границу города, почувствовал себя сносно. До него дошло, наконец, понимание того, что с ним случилось, и что он сумел пережить.

Он оставил машину на обочине пустынного шоссе, не стал загонять на парковку у здания станции. Прошел в лабораторию. Входную дверь оставил открытой. Полностью отключил освещение. Упал на лежанку в одежде и башмаках, забылся...

Проснулся Флинт от резкого сигнала коммуникатора. Ощупью нашел аппарат на столике у лежанки, включил громкую связь.

– Пора бы просыпаться, соня.

Он узнал голос сразу же – слышал его не так давно. Это был голос Хрома, посетителя, побывавшего у него пред самым исходом.

– Уже не сплю, – сказал Флинт.

– А хочется?

– Очень, – признался Флинт.

– Тогда даю тебе полчаса. Успеешь привести себя в порядок? Нам нужно поговорить. Срочно

Флинта завербовали давно – на втором курсе университета, и сразу же поручили безобидную роль свидетеля – живого устройства памяти. Изредка о нем вспоминали. Появлялись какие-то люди, знавшие входной код его коммуникатора, – сам он код при вербовке не сообщил. Они не называли своих имен, и если назначали встречи, то только в укромных местах города. От простых иступленных они отличались тем, что постоянно спешили. Опасливо озираясь по сторонам, они объясняли свое поведение скрытной слежкой враждебных сил за каждым их шагом. Говорили короткими, не всегда понятными фразами, которые обычно не трудились заканчивать. Из общения с ними Флинт усвоил, что их совсем не интересует несвязный доклад агента и что конспиративная встреча происходит единственно по причине периодического подтверждения его существования.

Один из кураторов, посещавший его чаще других, объяснил, что такие агенты именуются спящими. Их роль сводится к простому наблюдению окружающей жизни, в особенности ее мелочей, на которые обычно не обращают внимания, но которые при соответствующих условиях сложным образом сопрягаются с другими подобными мелочами, преобразуются в сумму информации, приобретая при этом неожиданный смысл и значение, и, бывает, становятся важными.

Особенностью спящих агентов было принципиальное отсутствие обратной связи, то есть скопленная информация никуда не могла быть доставлена и использована во благо государства, заинтересованной группы лиц или отдельного человека. Складывалось впечатление, что спящих заводят на всякий случай, а пока такой случай не представится и в них не возникнет прямой нужды, они мало кому интересны.

Он долго не мог понять, на кого конкретно согласился работать – об этом молчали, а он не спрашивал. В его шатком положении для спокойствия было вполне достаточно физически ощущать себя в некой организованной среде, полагаться на ее сочувствие и защиту.

Никого из этой среды он прежде не знал. Его представления о работе тайного агента, связанные с постоянным риском для жизни, вскоре рассеялись, ограничившись равнодушным исполнением скудных правил, состоящих из двух непреложных пунктов: он не имел права раскрывать, кому бы то ни было, тайную сторону своей жизни и был обязан каждого подозревать во враждебных намерениях.

Незадолго до исхода Флинта в его уединении навестил уж и вовсе странный господин. В отличие от прежних кураторов, озабоченных собственной безопасностью, он первым делом назвал – Хром. Этот человек был начисто лишен сомнений, и время от времени с гордостью поминал эту свою особенность. Он никуда не спешил, никого не опасался. Заинтересованно, в подробностях расспрашивал Флинта о его прежней жизни, причем все ее мелочи представлялись ему важными и достойными обсуждения. Однажды он попытался уговорить его побраться на космодром, тогда дорога еще была свободна, и со всеми вместе отправиться на Терцию. Даже пообещал помочь с осуществлением рискованного замысла. Но был не настойчив. Позже он объяснил, что на самом деле ему было интересно знать самостоятельно ли решение Флинта остаться на Земле. Нет ли для такого сомнительного решения тайных причин, ускользнувших от его внимания, по которым Флинт избирает не самый удачный вариант дальнейшей жизни.

Флинт объяснил, что решение остаться на Земле он принял совершенно сознательно и охотно согласился с тем, что такое решение далеко не лучшее. Однако его объяснение не было всей правдой. Не мог же он поведать чужому человеку, что на самом деле остался на Земле из-за безнадежной любви к Тее, жене Герда, поразившей его в последний год учебы. Любовь родилась в его сердце сразу же после того, как он прослушал удивительную проповедь безрасудного Тарса. Из проповеди он узнал так много неведомого о самом себе, его глаза так широко открылись, что немедленно, почти неосознанно он взялся за поиски подходящего объекта жен-

ского пола, на который могли бы пролиться его вновь обретенные чувства. Тогда он впервые увидел Тею – она внимательно слушала ту же проповедь, и сердце его загорелось тихим пламенем чувства, которое Тарс назойливо именовал любовью. Флинт тщательно оберегал свою любовь не только от окружающих, но и от самого себя. Он решил больше не касаться своей тайны, считая ее неосуществимой, – тихо и безнадежно любил, и жил этим чувством.

Хром объяснения принял, смягчился и приступил к основной цели визита – объявил Флинту, что отныне ему поручается весьма важная и ответственная работа. На него возлагается задача по установлению и поддержанию постоянной радиосвязи с Большим кораблем на время его полета в пределах солнечной системы, то есть примерно в течение ста суток. Он объяснил, что Правитель, по одному ему понятной причине, заинтересован в регулярном получении информации о делах на оставленной навсегда Земле. Информация, добытая Флинтом, предположительно должна была помочь хозяину корректировать собственные действия, когда в этом возникнет необходимость.

Эта встреча основательно изменила представления Флинта о тайной деятельности. Он даже придумал для нее специальный смягчающий термин – стал называть ее параллельной. Кроме того, он, наконец-то, понял, что работает на Правителя, и успокоился.

На следующий день, в обусловленное время, как вскользь пообещал Хром, на огромной армейской платформе подвезли ящики с оборудованием, которое, судя по комплектационным ведомостям, было разработано задолго до исхода и изготовлено в исследовательской лаборатории военного ведомства. Хмурые здоровенные мужики разгрузили ящики в помещение, которое указал Флинт, и, не попрощавшись, отбыли.

Из сопроводительной документации, Флинт узнал, что теперь он сможет связываться с Большим кораблем, ограничившись скромной по размерам антенной, элементы которой входили в комплект поставки. Ее будет несложно замаскировать на перепаханном взрывами антенном поле.

Гость явился, как обещал, через полчаса после связи и действительно оказался Хромом. Флинт принял его в лаборатории, где уже был развернут и готов к включению новый приемопередатчик. Хром по-прежнему вел себя совершенно естественно, не оглядываясь поминутно и ничего не опасаясь.

– Вижу, ты не теряешь времени даром, – сказал он с одобрением. – Что дальше? Будешь включать?

– Ну да, – сказал Флинт. – Хотя не уверен, что эта станция обеспечит связь.

– Это почему же?

– Параметры не очень, чтобы...

– Но ты же еще не попробовал.

– Сегодня погоняю передатчик, завтра включу приемник. В шесть часов утра откроется канал связи.

– Объясни.

– Нужно дождаться момента, когда оба излучения совпадут с линией, соединяющей приемник и передатчик. Это произойдет в том случае, если кормовые антенны Большого корабля будут направлены строго на Землю, лучше, если в ту точку поверхности, где находится приемник. При таком положении антенн сигнал будет максимальным, а связь оптимальной. Но поскольку Земля вращается, продолжительность устойчивой связи невелика – не более одного часа. Этого не всегда достаточно...

– Почти понял, – сказал гость. – Я рад, что ты не вешаешь носа. Что касается нелепой стычки с Владетелем, забудь о ней. Никаких последствий не будет.

– Вы и об этом знаете? – удивился Флинт.

– Чтобы знать все, нужно быть везде, – ответил гость. – Я давно исповедую эту истину. Повторяю, с Владетелем я, считай, полюбовно договорился – инцидент исчерпан. Но в Сенат возвращаться не стоит, хотя Адам, кажется, готов вернуть тебя. У тебя будет здесь много работы. На всякий случай лишний раз ему на глаза не попадайся, как бы чего не вышло – уж очень он последнее время нервничает. Уловил?

– Уловил, – согласился Флинт с облегчением.

– Теперь о деле. Ты должен привыкнуть к тому, что все радиogramмы без исключения, поступающие на Землю, я должен получать первым. Если какая-то из них будет обращена ко мне лично, ознакомиться с ней должен только я. Причем, как только я получу личное послание, ты должен будешь удалить его со всех носителей. Для этого придется обеспечить между нами независимый и скрытый канал связи.

– Это просто, – сказал Флинт. – Пара чистых коммуникаторов и все будет сделано. Я их свяжу закрытым каналом, применив мой личный шифр, который никто на Земле не прочтет.

– Обязательно чистые? Зачем?

– Зарегистрированные коммуникаторы вместе с их владельцами автоматически обнаруживаются, их координаты периодически уточняются. Могут появиться вопросы. Или найдется умелец и, чего доброго, обрушит шифр. Нет, этот вариант не годится.

– Убедил. Сегодня получишь коммуникаторы. Чистые. Подвезет мой доверенный робот по имени Арто. Не очень смысленный, но преданный. Можешь на него положиться. Скажешь ему, когда будет готово, он приедет и заберет мой прибор. Кстати, если понадобится физическая сила, Арто поможет. Он очень любит помогать. Теперь прощаюсь. Держись, Флинт и служи верно.

4

Скрипнула дверь. В каюту кто-то вошел.

Ева уже пришла в себя, но вида не подавала – даже не шевельнулась.

«Такого еще не бывало, – думала она быстро. – Явился в такую рань, стоит рядом. Любопытный? Видно, решает, что делать дальше. Интересно, зачем он здесь? Хочет испугать? А как быть, если эти люди, привыкнув, перестанут воспринимать меня живой? Если они будут видеть перед собой подопытного кролика или, на худой конец, морскую свинку, с которыми можно не считаться и совершать все, что предусмотрено экспериментом. Здесь спрятаться негде, я целиком в их власти. А ведь если можно входить в любое время, не означает ли это, что можно действовать, как взбредет в голову, предполагая, что я предназначена служить их целям. Может быть, сон продолжается?.. Нет, это уже не сон. В каюте живой человек, не робот – слышно дыхание. Он чем-то занят, какие-то у него дела. Нужно подумать, как к этому отнестись. А если они затевают нечто новое, чего еще не было?»

Обычно предупреждали, прежде чем войти в ее каюту. Даже извинялись, что приходится беспокоить. Но всегда это были роботы. Последний раз явились третьего дня. Возились внизу под раковиной, что-то там сломалось. Слышно было, как выкручивали, вкручивали – заменяли какую-то трубу, которая работала не так, как надо. Негромко переговаривались, то советуясь, то задирая друг друга. Ее железные люди не замечали. Сделали свое дело, и ушли молча. Кто-то их ждал за дверью. Человек, отпирающий сначала дверь, потом решетку, сам внутрь не входил и даже не показывался.

«Тот, кто вошел, теперь разрешения не спросил, не извинился. Неужели новые игры? Нужно показать ему, что я уже не сплю и все слышу. Или подождать, пока сам уберется?»

Она открыла глаза. Спросила:

– Кто там?

– Ну, наконец, проснулась, – проговорил человек шепотом.

Ранним посетителем оказался Тарс. Сразу же полегчало.

– Слышу, кто-то шурует... – сказала Ева громко. – Смотрю, а это оказывается ты. Говори, почему ты здесь? И как ты сюда попал? – Тарс ничего не ответил – навис над нею, стоит, посмеивается. – Между нами всегда оставалась решетка – неодолимая. Теперь и дверь, и решетка распахнуты настезь. Так никогда не бывало... Что изменилось?

– Я пришел за тобой, – произнес Тарс. – Хочу забрать тебя отсюда. Будить не стал, ждал, когда сама проснешься. Мы уйдем вместе. Навсегда. Ты понимаешь, о чем я?

– Так просто? Но куда мы пойдем? – насторожилась Ева.

– Мне дали универсальный ключ, – объяснил Тарс серьезно и выставил правое запястье, на котором плотно держался черный браслет. – Мне его дали с условием, что мы исчезнем – немедленно. Понятно излагаю? Мы свободны, Ева. Можем идти...

– Что за ключ? Чепуха, не верю. Повторяю вопрос: куда мы пойдем?

– Пожалуйста, успокойся. Ты знаешь, что операция назначена на четверг?

– Знаю, – сказала Ева.

Слезы с готовностью навернулись и пролились. Она закрыла лицо ладонями, всхлипнула.

– А вот плакать не нужно. Я твой друг. Меня послал Кент. Третьего дня начал рассказывать, ты меня перебила, сказала, что тебе неинтересно знать, почему я здесь. Ты уж, сделай одолжение, выбери линию поведения. Так нельзя – то одно, то другое. Как тебя понимать? Кент сказал, что было бы неплохо, если бы я проник на корабль и помог тебе. Я ответил, что готов, если он велит. Он велел и вот я здесь. Кент военный, если ты еще не знаешь. Под его началом все войска Владетеля. Это он вытащил с Континента тебя и Адама. Я думал остаться на Земле, но, как видишь, не пришлось. Знаешь, я, пожалуй, выйду из каюты. Поговорим через решетку. – Он вышел, закрыл решетку, запер. Наружную дверь оставил открытой. – Этот ключ открывает все двери корабля. Когда есть такой ключ, можно не только войти в любую дверь, можно выйти из нее, когда захочешь... На корабле множество мест, где можно укрыться, – большие безлюдные зоны. Теперь все они доступны. Правда, тесновато – куча механизмов, почти никаких удобств, но тепло и нормальная атмосфера. Жить можно. Там всем заправляет Верт, бывший губернатор Континента. Он сказал, что все дурное оставил в прошлом. Он готов помочь, если ты согласишься уйти в подполье. Верт бандит, но, мне кажется, он человек порядочный. Знаю, между вами были сложные отношения, но все это в прошлом. Ты же разумный человек, Ева, предложение Верта придется принять. Повторяю, на четверг назначена операция. Дальше тянуть нельзя – опасно.

– Никуда я с тобой не пойду, тем более к Верту. Он не говорил тебе, что когда-то хотел взять меня пятой женой?

– Вот даже как. Нет, об этом не говорил. Но, осмелюсь заметить, – усмехнулся Тарс, – у Верта губа не дура.

– Никогда так не шути, – сказала Ева резко.

– Прости, больше не буду. Сорвется с языка, не уследишь. И все же ты должна мне верить, – не унимался Тарс. – Я никогда не обманывался в людях. Я Верта вижу насквозь. Мы можем уйти вместе. Я до конца выполню поручение Кента. Ты не можешь представить себе, как для меня важно выполнить первое в жизни поручение. Особенно, если оно может оказаться последним...

– А как Верт попал на корабль? Мне известно, что плебеев не брали на Терцию. Кроме девушек с Континента.

– То ли смелость такая, то ли отчаяние. Прет на рожон, и море ему по колено.

– Но сначала они оказались на Острове, – сказала Ева. – Там плебеев вроде не жалуют.

– Прилетели, чтобы поддержать Правителя и заодно повоевать. Сначала защищали Дом спорта, пока их оттуда не выбили. Потом обороняли канал. Когда все рухнуло, Верт обратился к Правителю. Тот категорически отказался помочь. То есть, как говорит Верт, кинул. Деваться

им было некуда, оставалась последняя возможность уцелеть – пробраться на космодром. И они рванули туда – впятером. По дороге догнали меня, взяли с собой. Мы едва успели к загрузке последнего подкидыша. Воспользовались суматохой, прорвались в лифт. Правда, сначала пришлось убить охранника и немного пострелять, чтобы оттеснить толпу.

– А на корабль как попали?

– Напролом, нагло. Пятеро вооруженных до зубов отчаявшихся мужиков и безоружная толпа при полной неразберихе. Пока летели к Большому кораблю, нами не занимались – было не до того. Когда же после стыковки пассажиры и персонал ушли из подкидыша в Большой корабль, они и вовсе стали хозяевами. Я тоже ушел с пассажирами, как только понял, что подкидыш решено отсечь от Большого корабля. Они устроились на нежилой палубе и стали жить взаперти. Взломали склад. Там оказалось полно провизии, а воды – ни капли. Вот тогда они призадумались. Но опять повезло. Объявился человек, большой начальник по имени Франк, который наверняка был в курсе всех предшествующих событий. Он сам нашел меня, взял под свое крыло. Мы откровенно поговорили. Я понял, что для него нелишне держать команду Верта на коротком поводке. Такая сила может пригодиться. Он объяснил мне, что у них перспектив никаких, рано или поздно их переловят. Лучше договориться сейчас, избежать прямого столкновения, не устраивать стрельбу в корабле – это для всех опасно. На прощание он подарил мне собственный универсальный ключ. С таким ключом доступ открыт в любые помещения корабля. Я разыскал Верта и его головорезов, успокоил их и передал ключ. Скоро они снюхались с иступленными – вместе сидели в окопах. Теперь друзья. Те помогают, чем могут, – обеспечивают водой. Ну так что, ты решила?

– Они все равно найдут меня, – сказала Ева тоскливо. – Если очень захотят. А теперь, когда операция назначена, постараются найти быстро.

– Что еще ты знаешь об операции?

– Мне известно, что её решено поручить тебе.

– Я уже отказался, – сказал Тарс.

– Надеешься, что будут упрашивать? Другой найдется. А тебя просто убьют. Они своего добьются – отнимут у меня ребенка...

– Вот видишь, у нас нет выхода. Нужно бежать. Немедленно. Я осмотрел закоулки подкидыша и понял, что там можно спрятать толпу. Никто никогда не найдет. А сунутся, получат достойный отпор. Так говорит Верт.

– Интересно, с какого перепуга Верт стал таким добрым?

– Мне кажется, у него есть основания быть добрым. Во-первых, ты не просто девчонка – ты жена нового Владетеля. Насколько мне известно Адама еще не выбрали, но выберут – никаких сомнений. Во-вторых, ты носишь ребенка, который, как только родится, тоже станет наследником. В-третьих, ты из славов. В-четвертых, Правитель успел всем надоесть. В его команде не полные идиоты, знают ему цену. В этом я убедился. Еще немного и его начнут посылать очень далеко. Если бы не телохранители, он давно был бы в топке. Продолжать?

– Не надо. Ты припас немало доводов за, – сказала Ева и настороженно посмотрела на Тарса. – А Правитель знает, что Верт на борту?

– Похоже, нет, но не уверен. Эти разбойники подчистили за собой – припугнули всех, кто с ними пересекался.

– Хорошо бы связаться с Землей...

– Эту проблему мы решим, обещаю. Но со временем. Я уже говорил кое с кем. Нужно найти подходы к кормовой рубке. Там работают нормальные парни.

– Я до сих пор не знаю, жив ли Адам. Он остался в подвале. Там шел бой, когда мы уезжали. Верхние этажи горели. И он не знает, что я здесь. Нам не дали проститься.

– Верт намекнул как-то, что Адам жив, и он знает, что ты здесь. Я говорил с Кентом, сначала он мне не поверил. Тогда я подробно рассказал ему все, что видел своими глазами.

В деталях, вплоть до цвета твоих волос и твоей одежды. Я видел, как тебя увозили в машине Правителя. Тебя могли увезти только на космодром. Позже мне рассказали, как ты поднималась в лифте... вместе с ним и его женой.

– Ты и об этом рассказал Кенту? – рассмеялась Ева. – Признайся, Тарс, ты встречался с Кентом во сне...

– Не путай меня, Ева, прошу. Я видел Кента как тебя, он довольно долго меня допрашивал, а напоследок спросил, не встречал ли я самую прелестную девушку на свете. Тогда до меня дошло, что он имел в виду тебя. Я сказал ему, что встречал. По приказу Правителя меня заперли в комнате на втором этаже и забыли. Окно было над средним подъездом. Я видел, как Правитель с женой вышли из здания и сели в машину. Правитель сел впереди, рядом с водителем, его жена – на заднем сидении. Потом вывели тебя, посадили рядом с ней. Мне показалось, что ты была в наручниках – ты держала руки спереди. Так? Или мне и это приснилось?

– Нет, не приснилось, – сказала Ева. – Но как ты смог все это запомнить в деталях?

– У меня хорошая память. Позже рассказывали, что еще до старта последнего корабля оборона канала развалилась, солдаты бросились на космодром. Кент и его войска стали их преследовать. Там скопилось множество людей. Потом, уже с орбиты видели мощный взрыв на космодроме... Кент мог погибнуть.

– Опять твои шутки, Тарс?

– У тебя слишком богатое воображение, Ева. Ладно, я тебе все объяснил, решай сама. Я ухожу, но помни, что другой возможности может не быть. Остается слишком мало времени. Отныне твоя судьба и жизнь твоего ребенка в твоих руках. Думай. И помни, что мне тоже придется уйти в подполье, чтобы быть рядом и постараться исполнить волю Кента.

Тарс закрыл внешнюю дверь.

– Тарс! – крикнула Ева. – Забери меня...

Первую же дверь, перед которой они остановились, Тарс открыл прикосновением запястья правой руки, на которой браслетом крепился универсальный ключ, и точно так же запер ее. Они оказались внутри совершенно темного помещения. Вспыхнул фонарь в его руке, скупо высветив путь.

– Теперь мы в подсобном помещении шестнадцатого подкидыша, – объяснил Тарс. – Все просто, как видишь. Мы вне досягаемости. Только прошу, Ева, внимательно смотри под ноги, здесь много препятствий, какие-то пороги, металлоконструкции, которые не стали прятать. Эти помещения не для прогулок. Здесь есть собственное освещение, но оно включается дистанционно в другом месте, где именно, еще не узнали. Да это и не важно. Надеюсь, со временем привыкнем и будем в полной темноте перемещаться наощупь.

Вскоре Тарс открыл люк в палубе, они стали спускаться вниз по крутому трапу, которому, казалось, не будет конца. Ева слышала свое сердце – оно ощутимо било в грудную клетку. Она задыхалась – невесомость давалась ей тяжело. Дверь, к которой они подошли, преодолев долгий коридор, оказалась незапертой. Они вошли в обширное помещение, стены и потолок которого тонули в темноте. Тарс, освещая палубу под ногами, продолжал осторожно пробираться вперед. Ева следовала за ним, придерживаясь его плеча.

Вдали мелькнул слабый свет. По мере приближения он становился все ярче. Наконец они вошли в небольшую комнату неправильной формы со скошенными потолком и стенами. В комнате, прямо на стальном полу на каких-то темных тряпках сидели солдаты в камуфляже. С невысокого потолка свешивалась голая яркая лампочка. Солдат было пятеро. Вспомнилось, как точно такие же солдаты арестовали ее в поместье Гора. Поодаль у стены груды черных автоматов, небрежно сваленных на пол. Автоматов было много – больше, чем солдат.

– Нашего полку прибыло, господа, – крикнул один из солдат.

Ева узнала голос и человека, которому этот голос принадлежал. Это был несомненно Верт – старый заклятый враг. Она подумала, что угодила в засаду и нужно что-то предпринимать – немедленно.

– Приветствую тебя, Ева, – как ни в чем не бывало, продолжал Верт. – Как поживаешь, детка? Тарс поведал мне о твоих проблемах. Знай, теперь это также наши проблемы.

– Здравствуйте, господа, – Ева неуверенно приветствовала солдат, решив ничему не удивляться. – Смотрю, вы здесь хорошо устроились.

– Жить можно, – отозвался один из солдат.

– Нам немного нужно, – сказал другой.

– Теперь, Ева, ты с нами, – сказал Верт и, обратившись ко всем, приказал: – То, что я скажу теперь, вы должны усвоить – навсегда. Отныне Ева наш товарищ и госпожа, мы все ее слуги. Ее слово – закон. Если кто-нибудь из вас вздумает мутить воду, будет иметь дело со мной. Теперь погуляйте. Мне нужно поговорить с госпожой. Без свидетелей. Ступайте.

Солдаты вышли, следом потянулся понурый Тарс.

– Прежде, чем я расскажу тебе все, что знаю сам, – заговорил Верт, когда они остались одни, – давай сначала, чтобы говорить на одном языке, спишем все дурное, что разделяло нас и делало врагами. Хотя, если честно, настоящим безжалостным врагом ни тебе, ни Адаму я никогда не был. Так что прости меня за все плохое, что я позволял себе на Континенте по отношению к вам. В том числе за дурные мысли, за которые мне теперь стыдно и о которых тебе известно наверняка. Теперь мы в одной лодке, Ева, и ты каким-то непостижимым образом вновь попала в зависимость от меня. Уверен, мы поступим разумно, если наберемся мужества и преодолеем прошлое. Станем жить настоящим, и, конечно, будущим. Готова ли ты, Ева?

– Неожиданный поворот, – сказала Ева, – но я согласна. Я никогда не держала зла на вас, понимала, что не только ваши действия, но и мысли не совсем ваши. Они определялись человеком, которого вы называли хозяином. Помнится, вы именно так его называли. Одно мне непонятно, почему, проработав на него почти всю жизнь, вы оказались здесь и вынуждены скрываться. Неужели для вас не нашлось достойного места?

– Придет время, мы обсудим и эту проблему. Теперь же я с удовольствием принимаю твое согласие заключить мировую. Отныне, Ева, я твой человек, моя жизнь принадлежит тебе. И, пожалуйста, оставь высокопарное вы. Я твой друг, а друзья не имеют возраста. Пожалуйста, обращай ко мне на ты. Согласна?

– Согласна – отозвалась Ева.

– Вот и ладушки, – сказал Верт.

– Тогда и я отвечу так же: моя жизнь, Верт, отныне принадлежит тебе и твоим солдатам. Принимаешь меня?

– Принимаю, – сказал Верт. – Теперь я тебе кое-что объясню, чтобы не осталось вопросов. Наши обстоятельства в последние дни на Земле сложились из рук вон плохо. Сопротивление правительственным войскам потеряло смысл. Было принято решение оставить позиции на перешейке и сложить оружие. Но в этом случае при встрече с победителями у нас не оставалось ни малейших шансов избежать наказания, а уж вернуться на Континент тем более. Сдайся мы, наша песенка была бы короткой – пощады не жди. Надеюсь, ты понимаешь, что я не преувеличиваю. Сначала по наивности я переговорил с Правителем с глаза на глаз, попытался узнать, что он думает о нашей участи. Услышал, что о нас он не думает вовсе. Попросту предоставил мне и моим людям самим выкручиваться. Расхлебывать кашу, которую заварили не мы. Если коротко, он нас кинул.

– Понятно, – сказала Ева. – Однако вы приняли довольно рискованное решение, отправившись туда, где вас никто не ждал.

– Действительно, нужно быть идиотом, чтобы решиться на безрассудный шаг. Однако выбора у нас не было – желание жить оказалось сильнее. Мы бросились в бой. Я подумал, что

до Терции мне при любом раскладе живым не добраться, рано или поздно скажется далеко не юный возраст, и не очень-то крепкое здоровье. Долго невесомость мне не выдержать, я уже теперь временами теряю сознание. Да и нечего мне там делать, на Терции.

– Никому из нас там нечего делать.

– Вот это ты верно подметила. Единственное, что мне удастся, это напоследок пожить какое-то время в полном согласии с самим собой. Таков, моя милая, печальный итог жалкой жизни губернатора Верта. Я, было, совсем впал в уныние, – продолжал он, – но случилось чудо, которое меня раззадорило: я узнал, что ты тоже на корабле. И здесь господин случай оказался на моей стороне. По дороге на космодром мы подобрали Тарса. Представь себе ночь, пустынная дорога и одинокий еле живой недотепа тащится на космодром на своих двоих. Твой личный врач, который тогда еще не был твоим врачом, а только упрямо шел, чтобы им стать. Он поведал нам простую и печальную историю твоих мытарств и, представь себе, у меня появилось дерзкое желание помочь тебе. Оказалось, что его освободили солдаты вскоре после того, как ты вместе с Правителем покинула Дом спорта. Каким-то чудом он попал на глаза подозрительному Кенту. Ты должна помнить этого господина. Он много лет проработал у меня на подхвате, я доверял ему. Он оказался лучшим и самым успешным агентом Владетеля на Континенте и долгие весны водил меня за нос. В конце концов, я раскусил, кто он на самом деле, но было поздно. Иногда жалею, что своевременно не придавил этого молодца. Кент допросил Тарса, от него узнал, что тебя увезли на космодром. Тогда, не придумав ничего умнее, он повелел недотепа следовать за тобой на Терцию в качестве личного врача. Малохольный Тарс сразу же загорелся жертвенной идеей, дождался темноты и двинул в путь. Если бы не мы, он ни за что не успел бы к последнему старту, да и не пустили бы его на борт – его имени не могло быть в списках. На последний подкидыш мы прорвались с боем, и прихватили Тарса с собой. Уж не знаю, как он подъехал к господину Правителю, но тот поручил проныре персонально заботиться о твоём бесценном здоровье. Уверен, они были знакомы прежде, причем Правитель почему-то хорошо относился к нему, хотя велел запереть, а, отправляясь на космодром, благополучно забыл. Теперь же, когда стало известно, что тебя готовят к операции, Тарс запаниковал – он не подозревал, что Координатор способен на такую подлянку. Отыскал меня с помощью добрых людей и все рассказал. Я сразу же решил, что костями лягу, но не позволю свершиться безобразию. Отплачу тебе добром в компенсацию за все то зло, которое я невольно причинил тебе и Адаму. А недавно у меня появилась дополнительная возможность сохранить твою жизнь и жизнь твоего ребенка. Ты уж прости, но пока я не буду вводить тебя в курс дела, скажу только, что объявился довольно серьезный помощник. Причем он действует легально, к тому же занимает важный пост в команде Правителя. Во всяком случае, тот ему доверяет полностью. Этот господин подарил нам ключ, которым воспользовался Тарс. Он же обещал оберегать тебя. Правитель впадет в ярость, когда ему доложат, что ты исчезла, и объявит розыск. Его люди перероят подкидыш за подкидышем. Но они побаиваются, зная, что, наткнувшись на нас, получат отпор, потому не будут усердствовать.

– Но как мы будем здесь существовать? – спросила Ева. – Здесь же ничего нет и довольно холодно.

– Потерпи, скоро у нас будет все. Я уже заказал нашему другу целый перечень. Главная проблема в том, что нужно отыскать подходящее местечко, где нас не станут искать и тревожить. Возможно, первое время придется шустрить, менять дислокацию, но ничего не поделаешь, потерпим, пока не определимся с постоянным убежищем. Наш новый друг считает, что нужно придумать что-то такое, что позволит нам легализоваться. Тогда мы сможем жить с удобствами. Пока же для тебя приготовлен уголок, там тебе будет спокойно. Располагайся и думай только о хорошем.

Вошел Савва.

– Ну что, договорились? – спросил он.

- Договорились, – сказал Верт.
- А где Тарс? – спросила Ева.
- Ушел, – сказал Савва. – Попрощался и отбыл.
- Ключ оставил? – спросил Верт.
- Оставил, – сказал Савва. – Теперь мы сможем выходить на волю.
- Ничего не понимаю, – сказала Ева. – Как он объяснит, что пропадал столько времени?..
- Ничего он не станет объяснять, – сказал Верт. – И спрашивать его никто не будет.
- Что ты такое говоришь, Верт. Тарсу нельзя возвращаться. Правитель мигом его раскусит.
- Тарс сам решает. Он хочет быть рядом с властью, как-никак господин сенатор. Оттуда он сможет прикрывать тебя лучше, чем если останется с нами.
- Не знаю, так ли это, – сказала Ева. – Он головой рискует. Зачем?

5

Флинт плохо спал ночью. Сон был неглубок, он просыпался, смотрел на часы, его мучила жажда, он пил воду, зачем-то торопил время. Окончательно очнулся ранним утром, когда едва засинели окна. Сосредоточился и кратко сформулировал итог своим размышлениям: Владелец пытался его убить. Мелочно, подло, не простив досадной перебранки в Сенате. Теперь нужно быть начеку. Его судьба может решиться в любой момент. И Хром не поможет. У него остается немного времени, чтобы успеть. Сегодня же во что бы то ни стало нужно запустить новое оборудование, о котором не знает ни одна живая душа. Кроме Хрома.

Предстояла последняя хлопотная операция: подключить фидер приемопередатчика к разъему штатной антенны. Для этого нужно добраться до помещения коммутатора, куда накануне, он пробросил кабель, а подключить уже в темноте поленился. С минуты на минуту Земля повернется и займет положение, при котором диаграмма направленности его новой антенны перекроет область звездной сферы, в которой теперь с высокой вероятностью находится Большой корабль. Выполнив накануне расчеты, он был уверен, что связь удастся установить.

Выходить из дома не хотелось, пришлось заставить себя. Пасмурное небо висело низко, лил дождь, ледяной ветер насквозь пронизывал легкую куртку. Флинт продрог до костей пока пробирался по изуродованному взрывами полю к бункеру коммутатора. На двери висел замок. Он вспомнил, что накануне вечером сам запирает дверь. Пришлось возвращаться за ключом. В помещении станции задержался, подставив спину под тугую струю горячего воздуха из тепловой пушки, подождал, прогреваясь, – полегчало. Ключ отыскался не сразу. Быстро светало, он спешил...

Он включил приемник. Ожил автомат подстройки несущей частоты. По нарастающему шуму в динамиках Флинт определил, что сигнал вот-вот появится, – приближался момент совпадения. Он уменьшил громкость. Шум стал стихать. Наконец сквозь шорохи, треск и свист эфира удалось разобрать полезный звук – упорядоченные цифровые пакеты. Этот звук то набирал силу, то слабел. Одновременно на экране монитора высветились группы цифр, составляющие шифрограмму. Первая строка, сразу же распознал Флинт, обозначала кодовую форму его имени, последняя – имя Правителя. Выходило, что Правитель обращался к нему напрямую, минуя посредников.

Заработал дешифратор. На экране возник текст: «Флинту. Сообщаю наши координаты для связи... Прошу подтвердить получение. Полет устойчивый, в графике. Есть небольшие проблемы, но мы их решаем. Свяжись с Теей, передай, что Кора плоха. Подготовь общее сообщение о политической обстановке на Земле. Кого избрали Владетелем? Если Адама, присту-

пай к работе под руководством Хрома. Дополнительные инструкции для него передам, когда установишь связь. Береги себя. Ты нам нужен. Правитель».

Прочитав сообщение, Флинт поднял мощность передатчика до максимальной, набрал на клавиатуре ответный текст: «Правителю. Проба передатчика. Подтвердите прием. Флинт», пропустил его через шифратор и отправил в эфир.

Он с отчаянием и упорством повторял и повторял свое обращение, используя каждую минуту связи, но все было тщетно – его не слышали. Эфир упрямо отвечал одними и теми же, порядком надоевшими цифровыми пакетами, превращавшимися после дешифрации в неизменную группу вопросов, на которые он не мог ответить. Он спешил, и время шло. Сигнал слабел и скоро исчез – уменьшился до уровня, при котором автомат сопровождения перестал реагировать и отключился. Первая попытка связаться с Большим кораблем завершилась неудачей.

После скудного обеда последними остатками съестного Флинт прилег отдохнуть и незаметно заснул. Разбудил его стук в дверь.

– Открыто! – крикнул он.

Он слышал, как ударом – наотмашь – распахнулась входная дверь. В мастерской, затопали тяжелые шаги. Они приближались. Металлический голос спросил осторожно:

– Живой есть кто-нибудь? Мне нужен господин Флинт.

– Зачем? – спросил Флинт.

– Оказывается это я, Арто. Прибыл по поручению командора Хрома. Принес коммуникаторы. Вот, держи. Вопросы есть?

– Вопросы нет, – сказал Флинт, окончательно проснувшись. – Присаживайся, Арто, – отдохни с дороги.

– Спасибо, я лучше постою, – сказал Арто. – К тому же сегодня я на машине водителем, устать невозможно – колеса крутятся, ноги сами не идут – вместе со мной едут. Командор задает вопрос: чем ты здесь питаешься?

– Всем, что попадется под руку, – сказал Флинт.

– Это непорядок. Питаться нужно доброй пищей. У тебя пахнет не хлебом – крысами. Командор озабочен оказать тебе посильную помощь.

Только тогда Флинт заметил в руке Арто увесистый мешок.

– Что там? – спросил он.

– Я же сказал, добрая пища, – объяснил Арто. – Называется очень просто: еда. Известно, что люди, совершенно не могут жить без еды. И дня не протянут, чтобы не заправиться под завязку. Слабые люди, очень слабые.

– Можно подумать, что ты долго протянешь без подзарядки, – обиделся Флинт.

– Недолго, – охотно согласился Арто и приступил к объяснению. – Причем с каждой весной заряжаться нужно все чаще. Совсем не оттого, что мой возраст прибывает. Объяснение куда проще: подсыхают аккумуляторы, их электрическая емкость уменьшается, а ток саморазряда все больше. Предполагаю, что скоро придется жить рядом с розеткой.

– Придется, – согласился Флинт и принялся выкладывать съестное из мешка. – Кстати, твое положение не безнадежное – аккумуляторы можно заменить.

– Я уже поднимал этот вопрос – сказал Арто. – В ответ молчание. Потом сказали: аккумуляторов нет на складе. Я буду терпеть и ждать. Ты вот что, Флинт, первым делом хорошенько поешь, а то выглядишь скверно. Так можно и копыта откинуть. Я выполнил все поручения, теперь отбываю восвояси. Когда прикажешь явиться за коммуникатором для господина командора?

– К вечеру будет готов.

– Можно, если прибуду завтра утром? – спросил Арто, круто развернулся и потопал к двери.

– Конечно можно, – крикнул Флинт. – Передай привет командору Хрому. И поблагодари за добрую еду.

– Как же, как же, передам и поблагодарю. Непременно. А ты мне понравился, Флинт... Чую, ты довольно, как бы это сказать, расторопный.

Основательно подкрепившись, Флинт ожил и повеселел.

Теоретически он знал, на какие параметры передатчика нужно воздействовать, чтобы увеличить мощность излучения и, следовательно, дальность распространения сигнала. Но поскольку задача была спешной, пришлось выбрать самый простой, легко осуществимый, но рискованный вариант – поднять до предела, почти на двадцать процентов, высокое напряжение питания мощных выходных каскадов. Он осуществил эту перестройку штатными регуляторами.

Однако тепловая защита сразу же оживилась – индикаторы показали, что температура воды на выходе системы охлаждения увеличилась на четырнадцать градусов и продолжает расти, – передатчик вступал в аварийный режим. Теперь мощность, рассеиваемая на усилительных элементах, приблизилась к предельно допустимому значению, что вызвало их стремительный разогрев. Флинт знал, что процесс разогрева вскоре станет неуправляемым – лавинообразным. В таком режиме, судя по темпу перемен, передатчик долго не протянет и выйдет из строя самое позднее через десяток минут работы. Риск был слишком велик. Он отступил – вернул напряжение к исходному значению.

Прикидочный расчет, в котором он использовал данные измерений, показал, что мощность излучения действительно увеличилась почти вдвое, следовательно, дальность распространения сигнала должна увеличиться не менее, чем на сорок процентов.

Справиться с перегревом было несложно, работай Флинт в нормальных условиях. Например, увеличить расход воды в рубашках охладителей, введя в водяной контур подавливающий насос большей производительности. Однако подходящего насоса в его распоряжении не было, а насос стационарного передатчика для этой цели не годился – был слишком мощным. Оставался вариант сложнее, но безопаснее: снизить температуру воды на входе системы охлаждения. Для этого придется удлинить водяной контур временной гибкой вставкой и вынести ее часть за пределы теплого помещения, выставив одно из окон, то есть использовать наружную более холодную среду в качестве природного холодильника.

Затем, если, осуществив эти меры, связь не удастся установить, придется всерьез заняться антенной, увеличив коэффициент направленности вдвое, что увеличит дальность на те же сорок процентов. Правда, заметно уменьшится время устойчивой связи из-за сужения диаграммы направленности. Для выполнения этой операции потребуются значительные усилия и время.

Хорошо, что его предшественники были людьми запасливыми – на складе оказался полный ремонтный комплект кабелей, которого хватит на антенну новой конфигурации. Он уже представлял ее мысленно. Оставалось засучить рукава и приступить к работе.

Рассудив, что при проектировании передатчиков для большей надежности обязательно оставляли приличный запас по параметрам, обычно не менее пятнадцати процентов, он приступил к решению первой задачи, отложив остальные на потом, и сразу же успокоился, вернувшись в обстановку привычной работы.

Управиться удалось за сутки с короткими перерывами на сон – тепловой режим передатчика вернулся в пределы нормы.

Флинт был уже на ногах, когда наступило время связи. Он включил передатчик и первый, короткий пакет, улетел в эфир, автоматически повторяясь с минутным интервалом. Вскоре эфир ответно ожил, вернув на этот раз необычную цифровую комбинацию, в которой он немед-

ленно распознал отличия от прежних передач. Отработал декодер, на экране монитора высветился текст:

«Флинту. Кажется, связь установлена. Правитель благодарит за усердие. Ждет сообщений на поставленные вопросы. Алекс».

Неужели на связи задиристый легконогий мальчишка, думал Флинт, с которым ему довелось дружить в университете? Помнится, он получил серьезную травму во время игры в мяч, его унесли на носилках. Потом он пропал, не доучившись. Кто-то сказал, что его отсеяли перед самым выпуском. И вот надо же, объявился.

«Алексу. Неужели это ты, Алекс? Флинт».

«Флинту. Это действительно я. Рад тебя слышать. Связь устойчивая. Жду ответы на поставленные вопросы. Алекс».

«Алексу. С Теей еще не связался. Был близок к провалу, сижу у себя, нос не высовываю. Уцелел случайно – дверь не сработала. Причина наказания: слишком активно заявил о себе на первом же заседании Сената – перестарался по глупости. Основной передатчик еще не включал. Нужно восстановить антенну. Надеюсь вскоре наладить полноценную связь. Пока использую вспомогательный комплект, о котором никто не знает. По поручению Хрома его завезли какие-то мрачные типы сразу же после исхода. Спроси господина Правителя, кто эти люди. Теперь вопросы. Владетелем избрали Адама. Сначала он обласкал меня, даже включил в состав Сената. Затем на первом же заседании бесцеремонно изгнал. Почти в стиле недавно почившего старика. Из короткого общения с ним я понял, что нам предстоит несладкая жизнь – похлеще, чем при его папочке. Позже он попытался наказать меня кардинально, но дверь отказалась принять жертву. Он обвинил в неудаче Клуппа, посчитав, что тот не справился с ремонтом. Хром объяснил мне, что в программном обеспечении обнаружилась странная опция, заложенная предусмотрительным Хартом. Дверь отказывается выполнять приказы, как только численность иступленных опускается ниже некоего минимального уровня. Нынешняя численность по распоряжению Владетеля определили совсем недавно в интересах ведомства общественного питания. Полученное число, естественно, попало в сеть и, конечно же, в устройство управления дверью. Немедленно ожила опция Харта. Так, благодаря мне, подложенной незабвенным профессором, мне повезло – я избежал самой короткой дороги к праотцам. Теперь Владетель напрягает Клуппа, чтобы тот исключил или, на худой конец, нейтрализовал эту опцию. Клупп обещает, но, кажется, не намерен спешить. Жаль, что в прошлом у него с Правителем были серьезные разногласия. Не исключаю, что этим объясняется нежелание Клуппа работать с Хромом по нашей тематике. Спрашивал Хрома, но он не знает, что произошло между ними, но подозревает что-то очень серьезное. Во всяком случае, Клупп заметно меняется в лице и начинает заикаться, когда вспоминают об инциденте, из-за которого он до сих пор едва таскает ноги. Хром просит Правителя сообщить подробности инцидента, понимая, что обращаться к нему с такой просьбой, по меньшей мере, наглость. Он говорит в свое оправдание, что все мы под богом ходим и теперь нам точно делить нечего. Флинт».

Сеанс связи приближался к концу. Поступило последнее сообщение.

«Флинту. Поздравляю с установлением двухсторонней связи и началом работы. Отвечаю на поставленные вопросы. По Клуппу. На государственном уровне было принято решение об устранении специалиста, который в состоянии повторить устройство дистанционного подавления, называемое аннигилятором. Решено было также немедленно уничтожить полностью заверченный рабочий образец этого устройства и все заделы из установочной партии. Операцию поручили мне как наиболее сведущему в проблеме. Я вынужден был поступить так, как поступил, – это не мое решение, это логика власти: противиться малейшему нарушению равновесия. При ликвидации Клуппа я сознательно ограничил уровень воздействия, чтобы сохранить ему жизнь, но по неопытности немного не рассчитал. Сохранилась не только жизнь, но и работоспособность, что не входило в наши планы. За эту ошибку он должен сказать мне

спасибо. Образец я присвоил на всякий случай и впоследствии вынужден был использовать его для защиты. Погибло некоторое количество людей, представлявших серьезную опасность для нашего дела. Сожалею об этих потерях, но критическая обстановка, сложившаяся к концу жизни Владетеля, требовала решительных действий. У меня не было иного выхода, принимая во внимание, что исступленным угрожало полное уничтожение по вине этого незадачливого правителя. Теперь по неизвестным людям. Сообщаю, что эти люди нам хорошо известны. Они настоящие патриоты, готовые ради своей страны и народа на любые жертвы, в том числе предполагающие выбор между жизнью и смертью. Ты добровольно встал в их ряды, не зная ни одного из них. Теперь я прошу тебя, Флинт, твердо держись принятого решения, готовься к испытаниям, которые ждут тебя, и помни, что за твоей спиной стоят не тени – живые люди с железными сердцами и крепкими безжалостными руками. В отличие от тебя все они прошли серьезные испытания и доказали, что живут не зря. Будь честным, Флинт. И бдительным. Правитель».

Флинт подготовил все собственные и ответные сообщения для передачи Хрому и занялся коммуникаторами. Скоро, как и обещал, явился Арто, забрал коммуникатор для хозяина и отбыл.

Сомнения не оставляли Флинта. «Правитель определенно вмешивается в земные дела, – размышлял он. – Но какой в этом смысл? Неужели ненависть способна заставить человека встать на путь, неосуществимый практически? Зачем нужны все те, кто продолжает служить ему, таясь под личинами добропорядочных обывателей. Какой должна быть преданность, чтобы продолжать служить человеку, который, по существу, умер и уже не воскреснет? И как мне теперь жить рядом с людьми, которых я предаю? А если предательство раскроют?...»

Следующий сеанс связи Флинт начал с сообщения для Правителя:

«Правителю. Значительный интерес представляет судьба Евы, жены Владетеля. По слухам, которые до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, она теперь у вас. Так ли это? Пожалуйста, сообщите. Я вынужден отрабатывать свою должность руководителя космической связи. Флинт».

Вскоре последовал ответ:

«Флинту. Почему ты до сих пор не связался с Теей? Кора совсем плоха, долго она не протянет. Весточка от дочери может поддержать ее. Поторопись, Флинт. Что касается Евы, здесь полная ясность. Я предложил этой милой особе заняться полезным делом – активно подключиться к формированию будущего населения Терции. Ты должен знать, что мы еще на Земле давно и успешно решили проблему продолжения рода человеческого. Хочу развернуть эту работу во время долгого полета. Если удастся осуществить мою затею, мы доставим на Терцию несколько тысяч здоровых молодых людей, и наша задача по колонизации планеты начнет решаться. Ева нам нужна как проверенный качественный источник яйцеклеток для закладки в кюветы после оплодотворения. Она, как я и предполагал, охотно согласилась быть донором. Мы заключили соответствующий договор по обоюдному согласию. Кстати, информация о местонахождении Евы сохранялась в тайне по ее просьбе. Правитель».

«Правителю. Приступаю к выполнению ваших заданий. Сделать это будет непросто. Остерегаюсь слишком часто попадаться на глаза Владетелю. Подозреваю, что он не оставит меня в покое. Однажды он уже попытался меня убить. Тогда повезло – дверь отказалась меня принять. Я продолжаю жить, пока он во мне нуждается. Спасибо за информацию о Еве. Теперь я должен набраться смелости и донести эту весть до господина Владетеля. Не уверен, что успею после доклада. Флинт».

Первое, что предстояло узнать срочно, был адрес Теи. Он знал, что она замужем за Гердом, вторым лицом в государстве исступленных. Знал он также, что чиновники такого уровня

постоянно под негласной опекой тайной службы, в обязанности которой входят не только сбережение их жизней и обеспечение безопасного функционирования, но также пристальное наблюдение за их связями.

Флинт, не мог знать, что на Герда специальные меры не распространяются. Не знал он и того, что, соглашаясь на высокий пост, Герд потребовал, чтобы его свобода не ограничивалась тайной службой. Он хотел оставаться обычным гражданином своей страны, с обычными правами на личную жизнь.

Флинт связался с Хромом и попросил помочь. Хром внимательно выслушал его и сообщил адрес, по которому жили Герд и Тея, посоветовав сначала обратиться к Герду и уже с его одобрения встретиться с Теей. Для этого Флинт должен явиться в ведомство Герда к концу рабочего дня и вместе с ним отправиться к нему домой, разумеется, если получит приглашение. Флинт так и поступил.

Он нашел Герда в скромном кабинете на стройке института здоровья. Представился, сообщил цель визита. Герд его явно узнал, но не подал вида.

– Значит, вам удалось связаться с Большим кораблем? – спросил Герд, когда Флинт договорил.

– Удалось, – скромно признался Флинт. – Но, боюсь, ненадолго. Нужен основательный ремонт антенной системы, а я один. С чего начинать, не знаю. Хватаюсь то за одно, то за другое... Повезло, незадолго до исхода мне завезли совершенно новый передатчик в заводской комплектации. К сожалению, он слабоват. Я кое-как приспособился, вроде получилось, не знаю...

– Специалистов не осталось, – сказал Герд.

– Специалисты мне не нужны, мне бы руки, лучше умелые.

– У меня те же проблемы – руки, – сказал Герд, подумав. – Но, кажется, я смогу вам помочь. Предлагаю пару отличных роботов последнего поколения. Способные ребята – мастера. Наша стройка держится на них. Кроме меня единственный живой – старичок-инженер. Давно на пенсии, но старается. И два десятка роботов под его началом. Это все, что я могу предложить.

– Спасибо. Еще мне нужно встретиться с вашей женой.

– Это несложно сделать. Рабочий день закончился, можем ехать ко мне. Вы на машине? Подвезете? Я свою отпущу. Только распоряжусь, чтобы роботов передали вам. Они посидят в машине, пока мы будем ужинать.

Он включил переговорное устройство – несколько коротких фраз и все решилось.

Когда они вышли из здания, роботы уже сидели в машине и с любопытством вертели головами.

– Это ваш новый господин, – сказал Герд, усаживаясь. – Будете слушаться и выполнять все его поручения. Роботы согласно закивали головами.

– Это все? – спросила Тея, дочитав радиogramмы.

– Пока да, – сказал Флинт.

Глаза Теи наполнились слезами, она сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Пожалуйста, передайте маме и отцу, что у меня все в порядке. И у Герда – тоже. Оставайтесь поужинать с нами?

– С удовольствием, – согласился Флинт.

– Что, и Тарс пропал? Вместе с девчонкой? – Правитель метался по тесному кабинету вне себя от ярости и отчаяния. – Что происходит в твоём ведомстве, Венк? Люди бесследно исчезают, а ты только теперь докладываешь? Прими к сведению, твои доводы неприемлемы. Я ясно выражаюсь?

– Тарс не пропал, я встретил его минуту назад, – неуверенно выговорил Венк, стоя навывтяжку перед Правителем. – Но как им удастся без ключа открывать замки? Нет, это невозможно. Разве что в их руки попал еще один ключ – тринадцатый. Его могли изготовить сверх штатного комплекта... Лишний экземпляр, которого не должно быть. А что, если этот ключ не единственный?

– Ты уверен, что из штатного комплекта ни один из ключей не пропал?

– Уверен. Все двенадцать на месте.

– Двери можно открыть без ключа?

– Невозможно. Каждая наша дверь, каждый люк снабжены замками, это было одно из обязательных требований к конструкции корабля. Против такого подхода возражали – нарушается безопасность. Говорили, что в случае местной аварии, люди будут заперты и не смогут покинуть опасную зону. Но и на этот случай все продумано – замки входят в общую систему защиты, они срабатывают без ключей по сигналу с централизованного пульта, когда это необходимо. В обычных условиях все двери и люки закрыты. Их открывают для прохода в необитаемые помещения и сразу же закрывают за собой – таково требование инструкции...

– Ты хорошо знаешь своих людей? – перебил Венка Правитель.

– Конечно. Четыре весны работаем вместе...

– Ты им веришь?

– Как самому себе.

Все же было заметно, что Венк в замешательстве и говорит не все, что знает.

– Не кажется ли тебе, Венк, что ты играешь с огнем? – спросил Правитель, не сводя глаз с лица строителя. – Поостерегись. Это предупреждение тебе в зачет.

– Мы действуем строго в соответствии с инструкцией, – продолжал настаивать Венк. – Все ключи пронумерованы, их всего двенадцать, восемь с утра находятся на руках исполнителей. Я лично проверил и убедился, что это так. Ключ выполнен в виде браслета, его носят на запястье правой руки, снимают только в помещении службы безопасности в присутствии дежурного офицера. Наконец, все ключи постоянно связаны с центральным пультом по отдельному защищенному цифровому каналу. Каждый ключ при его инициировании объединяет носителя с комплексом защиты от аварийных ситуаций и автоматически включается в систему распознавания. Каждое отпирание двери или люка фиксируется и заносится в память. Повторяю, в настоящий момент восемь ключей на руках, остальные четыре в личном сейфе начальника службы безопасности Франка. В нем вы, надеюсь, не сомневаетесь?

– Какое мудрое умозаключение, – взорвался Правитель, поднялся и вновь принялся в возбуждении ходить из угла в угол своего небольшого кабинета. – Надо же... Из-под носа утащили или подделали универсальный ключ, а ты занимаешь меня какими-то баснями.

– Но кто же знал, что ключ могут... умыкнуть? – сказал Венк, продолжая лихорадочно соображать.

– Умыкнуть? Откуда ты вытащил это слово? Из какого мусора?

– Мы так говорим иногда. Я пытаюсь понять, как ключ от помещений, доступ в которые разрешен ограниченному контингенту, оказался в руках людей, находящихся в изоляции и под непрерывным надзором.

– Ты о ком говоришь? – спросил Правитель.

– О девушке, которая пропала. Мы проанализировали возможные пути, по которым она могли скрыться, и были вынуждены признать, что если они сумели открыть все замки, которые им встретились по пути, чтобы оказаться в недоступных для обычных пассажиров поме-

щениях, для них не составит труда не только спрятаться там, но в момент опасности изменить местоположение. Это непостижимо...

– Твоя логика потрясает, – криво усмехнулся Правитель, помалу приходя в себя. – Вот что я тебе скажу, Венк: разберись, даю ровно сутки. О результатах доложишь завтра в это же время. Я желаю услышать, что все вопросы сняты, злоумышленники схвачены и изолированы, а неучтенный ключ найден. Пока же расскажи подробнее, что это за помещения такие, где можно легко укрыться, и почему двери на корабле открываются одним ключом.

– Каждый малый носитель, господин Правитель, конструктивно автономен и содержит универсальный объем необитаемых пространств. В этих пространствах продублированы запасные рабочие места метрологов и двигателистов. Там же располагаются вспомогательные, но совершенно необходимые механизмы, приборные стойки, регенераторы жидкостей и воздуха, отопительные системы, ремонтные мастерские, склады, хранилища топлива, автономная система управления тяговыми двигателями... Такая компоновка применяется давно – со времен первых регулярных полетов на Луну, уже больше пятисот весен. Ясно, что все это многообразие нуждается в периодическом обслуживании. Офицеры службы безопасности по заявке открывают двери и люки, запускают ремонтный персонал, а по завершении работ все закрывают. Там много свободного места, можно спрятать не одного человека – тысячу. Правда, нет никаких удобств, но их легко организовать, если припрет...

– Ты прочел прекрасную лекцию, Венк. Спасибо. И это все, что ты можешь сказать? – Правитель вновь вошел в штопор, его лицо налилось кровью. – Поучить захотелось? Так вот, сообщаю тебе, учитель ты наш, тебе приперло, как ты образно выразился. Да, да, именно приперло, господин Венк. И не образно, нет, тебе приперло реально. И если ты не отреагируешь должным образом на эту мою угрозу, я поступлю с тобой так, как должен поступить с предателем. Надеюсь, ты расслышал меня, господин Главный строитель? Теперь проваливай с глаз долой. У тебя сутки, повторяю еще раз на тот случай, если ты пропустил мои условия мимо ушей. Не найдешь девчонку, пеняй на себя.

Венк ничего не сказал, развернулся и, понурившись, вышел из кабинета.

Волна бессилия захлестнула, давление извне лишило воли. Давило унижение. Он с ужасом сознавал, что жалкие людишки, которых он только теперь рассмотрел, как следует, окружили его настолько плотно, что временами становится трудно дышать. Одиночество, в котором он оказался вопреки своей воле, угнетало без надежды. Это было невыносимо. Он верил, что право повелевать поддерживается неодолимой силой подавления, которая, сколько помнил себя Правитель, всегда находилась в его руках. Теперь этой силы не стало. Он сделался одиноким и жалким. И сразу же вывернулся вопрос, лишенный смысла: стоит ли удерживать за собой право повелевать?

От тяжких мыслей его отвлек огромный во всю стену монитор, который он никогда не включал. Он поднес развернутую ладонь к зоне управления – монитор ожил. На его лоснящейся поверхности возникла структура Большого корабля вместе с пристыкованными к огромному телу шестнадцатью небольшими кораблями доставки – подкидышами. В правом нижнем углу экрана возникло пульсирующее изображение лупы. Он перетащил эту картинку на зону шестнадцатого подкидыша. Немедленно на весь экран развернулся подробный конструкторский чертеж – лунный корабль в разрезах и сечениях.

Смирив гнев, он подумал, что нет ничего проще, чем отстыковать тот из подкидышей, в котором предположительно прячутся беглецы, и бросить его на произвол судьбы. Но возразил самому себе: невозможно знать точно, в каком именно из шестнадцати кораблей скрываются негодяи. Следовательно, этот вариант отпадает. Он не подходит также потому, что, осуществив его, придется отстыковать еще один подкидыш, расположенный симметрично по другую сторону от главных двигателей. В результате уменьшится общая тяга и удлинится путь до Терции.

«Эти вопросы следует обсудить с Венком, – подумал он. – Но Венк на задании и отвлекать его не стоит».

Продолжая изучать структуру, он задал самому себе ряд вопросов. Могла ли Ева действовать на свой страх и риск, без поддержки? Если ее все же поддерживают, то какой смельчак решился на безрассудный шаг?

Далее. Если она в шестнадцатом подкидыше, пристыкованном последним, проблема упрощается. Достаточно отсечь противопожарными заслонками малый корабль и включить систему пожаротушения. При появлении газа они попросят пощады или уснут. В этом варианте Евой придется пожертвовать, отказавшись от перспективной затеи. Ничего не поделаешь, всего не предусмотреть. Зато удастся подтвердить неизбежность наказания – остальным наглядный урок.

Если же она оказалась умнее и сразу перебралась в другой подкидыш или осталась в недрах Большого корабля, задача усложняется многократно и браться за ее решение можно будет разве что на досуге, для развлечения – вдруг повезет.

Он обратился к пульту управления монитором, задал выделение цветом переходов для пассажиров и персонала по всему кораблю. Структура побледнела, зато отчетливо проявились все двери для перемещения вдоль палуб и люки для спуска и подъема с палубы на палубу. В зоне расположения шестнадцатого подкидыша он насчитал десять дверей и четырнадцать люков, причем интерес представляли только те из них, которые вели в необитаемое пространство – единственное место, где могли укрыться беглецы. Если на несколько дней заварить четыре двери и шесть люков, а у остальных поставить круглосуточную охрану, задача решится сама собой. Беглецы проголодаются и вылезут из нор.

Он включил селектор, отозвался мостик.

– Это Правитель. Немедленно найдите Франка и пришлите ко мне.

– Можешь присесть, – разрешил он Франку, вошедшему в кабинет. – Ты в курсе последних происшествий на корабле?

– Много чего произошло за столь продолжительное время. Уточните, пожалуйста, о каких происшествиях идет речь?

– Пропала девушка, которую мы держали в изоляторе. Последним с нею общался Тарс, ее личный врач. Он наблюдает за ее здоровьем – она беременна.

– Вы говорите о Еве, жене Адама, наследника Владетеля. Так?

– А ты осведомлен, как я погляжу. Откуда информация?

– Вы третьего дня говорили с Тарсом. Я был неподалеку и не мог не слышать. Вы говорили так громко...

– У тебя превосходный слух, Франк, буду иметь в виду. Что еще ты слышал? – Правитель с нескрываемым интересом рассматривал начальника службы безопасности. Тот нравился ему все меньше.

– Много чего, – скромно потупившись, ответил Франк. – Моя профессия требует регулярно прочищать уши, потому я время от времени прилежно выполняю эту процедуру.

– Это как понимать? – недоверчиво усмехнулся Правитель. – Как гигиеническую операцию, или как некий символ?

– И то, и другое, если вам будет угодно, господин Правитель.

– Мне угодно, Франк, и то, и другое. Но я пригласил тебя не затем, чтобы обменяться приемами личной гигиены. Ты должен как можно скорее отыскать эту шуструю барышню.

– Это совсем несложно сделать, господин Правитель.

– Даю тебе сутки.

– Этого времени слишком много для такого дела. Значит, я приступаю? Кто еще получил задание на ту же тему?

– Венк.

– Главный строитель?

– Он уже приступил, как ты выражаешься.

– Прекрасно. Лечу на свидание с Венком. Действую от вашего имени?

Правитель кивнул в знак согласия. Франк поднялся, пошел к двери.

– Подожди, – остановил Правитель. – Есть еще один вопрос, на который ты будешь отвечать, наверное, до конца нашей экспедиции.

– Слушаю вас. – Франк обернулся, изобразив внимание.

«Играет мальчишка – напоказ. Опытный пройдоха, – думал Правитель, – вышколен, независим. Впрочем, служба, поставившая Франка в качестве обязательного приложения, дураков не держит. Но это же хорошо. По его гримасам легко читается то, о чем он думает. Как же несложен человек для большого опыта наблюдений».

– Я вот что хотел сказать. Списки пассажиров, допущенных к посадке, я просматривал лично. И визировал каждый. И уже на самой посадке всех тщательно проверяли. Но... да будет тебе известно, Владелец всегда содержал значительный штат агентов, исправно поставлявших текущую информацию. Об этих агентах, не знал никто, о них не было никаких сведений. Я проверял многократно – из обычного любопытства. Больше того, однажды, когда Владелец в очередной раз был особенно плох, в нашем разговоре всплыла эта тема. Правда, ничего определенного я не услышал. Но напоследок он вскользь пообещал, что, когда почувствует приближение конца, сам передаст мне все свои связи. Потом, усмехнувшись недобро, добавил загадочно, как он умел, что я буду поражен, когда узнаю, кто особенно активно помогал ему последнее время. К сожалению, я ничего не дождался. Теперь уже не дождусь. Так вот, Франк, в наших рядах наверняка есть люди Владетеля, те самые бойцы незримого фронта, которых он выращивал на протяжении множества весен и которые были его главным достоянием. Только теперь я понимаю, что это тайное сообщество обеспечивало безопасность государства иступленных лучше, чем все специальные службы вместе взятые. Я делюсь с тобой сведениями, составляющими государственную тайну, с единственной целью. Ты должен знать, что каждый наш шаг, каждое наше решение замечается этими незаурядными людьми, подвергается кропотливому анализу, закладывается в память и будет извлечено из нее в тот момент, когда мы меньше всего будем готовы к удару в спину. Ты должен выявить этих людей – это твоя головная боль на ближайшее время. Ты все понял, Франк?

– Все понял. Пока не знаю, как буду действовать, но я придумаю метод, по которому смогу назвать всех врагов. Обещаю.

– Молодец, – сказал Правитель. – Теперь ступай и да сопутствует тебе удача.

«Правитель непрост, – думал Франк по дороге к Венку. – Однако он допустил серьезную ошибку, формируя впопыхах ту часть экспедиции, с которой предстояло иметь дело непосредственно. К тому же он пренебрег организацией собственного безопасного существования в замкнутом пространстве корабля – сэкономил на личной профессиональной охране. Пройдет время и эта ошибка скажется самым удручающим образом – утратой управления».

Что касается намеков Правителя о бойцах незримого фронта, здесь чутье ему не изменило. Действительно, на борту этих бойцов в достатке. В этом Франк не только не сомневался, он знал об этом определенно, поскольку все нити, ведущие к потаенным людям, людям, как говорится, с двойным дном, были исходно сосредоточены в его крепких руках.

7

Утренние часы Адам посвятил осмотру городских кварталов. Развалин оказалось не так много, как докладывали. Восстановление города пусть помалу, но продвигалось. Пострадав-

шие территории были уже расчищены от строительного мусора до фундаментов. На некоторых из них приступили к возведению новых зданий. Он распорядился, чтобы дома строили не выше трех этажей, поскольку и те будут наполовину пустыми из-за малой численности оставшегося народа.

Стариков-строителей, давно оставивших профессию, вернули в строй. Все они, как сговорившись, твердили одно и то же: не хватает исправной техники и строительных материалов. Ремонт техники скоро наладили, строительные материалы нашли в изобилии, правда, их запасы были сосредоточены на отдаленных от столицы складах, что требовало средств доставки, которых также не хватало. Особенно тормозил работы дефицит живых людей. В помощь спешно расконсервировали сотню роботов, но вскоре поняли, что успешно работать они смогут только под управлением человека.

Вернувшись к себе, он обнаружил Кента, ожидающего в приемной и мирно беседующего с секретарем. При появлении Адама Кент поднялся, пошел навстречу.

– Приветствую господина Владетеля. Поступила важная информация.

– Пошли, – пригласил Адам и прошел в кабинет.

Кент последовал за ним.

– Докладываю, – заговорил он с основательностью, свойственной военным. – Мои наблюдатели обнаружили интенсивный радиообмен в диапазоне, выделенном для дальней космической связи. Между тем, нас уверили, что станция разрушена, а главный передатчик неисправен. Потому этот диапазон был исключен из постоянного мониторинга. Но третьего дня чересчур любопытный оператор-новичок прошелся по всему диапазону из конца в конец и обнаружил сигнал там, где с исхода не работал ни один передатчик. К счастью парень записал принятый пакет – на всякий случай и доложил мне. Я велел сосредоточиться на этом диапазоне, каждый сеанс связи фиксировать и заносить в память. Всего удалось перехватить четыре сеанса. Сколько их было до того, неизвестно.

– Проворонили, господа, – сказал Адам определенно и подумал, что к Кенту следует присмотреться повнимательнее. – Содержание передач установили?

– Сообщения зашифрованы. Наш декодер этим шифром не располагает. Попробовали расшифровать вручную, ничего не получилось – специалистов не осталось ни одного.

– Узнали, откуда ведутся передачи?

– Запеленговать пока не смогли – продолжительность сеансов слишком мала. Теперь приготавливались, может быть, повезет больше.

– А если продолжения не будет? Ты понимаешь, Кент, что это означает?

– Не очень, если честно.

– На Земле оставлен связник. Законспирирован и действует. У него есть передатчик и шифр. И неизвестное нам задание, которое он рано или поздно начнет выполнять. Прошу тебя, немедленно разберись. Пока прошу. Не ожидай выводов, которые тебе не понравятся. Это предупреждение тебе лично. Ступай.

Кент поднялся, четко поклонился, вышел.

«Только этого не хватало, – думал Адам. – Выходит, Координатор продолжает получать информацию о делах на Земле. Но зачем? Неужели война не окончена? Нет, господин Координатор, мы не потерпим вмешательства в наши дела, какую бы цель вы не преследовали. Остается тряхнуть Флинта и покрепче».

Он вызвал секретаря.

– Свяжи меня с Флинтом. Немедленно.

Коммуникатор ожил и запричитал спустя несколько минут после того, как Флинт принял последнюю радиограмму. Он включил громкую связь. Комнату заполнил голос, от которого похолодело внутри, – это был голос Адама.

– Флинт слушает, господин Владелец.

– Что происходит, Флинт? Ты меня уверял, что ремонт станции надолго, а между тем в твоём диапазоне полным ходом идет радиообмен, причем информация шифруется. Объясни, что это означает? Или не твои дела? Тогда чьи? Кроме тебя, вроде бы некому...

– Но, господин Владелец...

– Ты что же, наладил связь с Большим кораблем, а мне ни слова?

– Удалось получить несколько радиogramм, – проговорил Флинт. – Новости есть, но не такие, чтобы... беспокоить вас. Мне повезло, корреспондентом оказался мой давний приятель Алекс. Мы в университете играли в мяч. В разных командах, но на одном поле...

– Зачем мне эта чушь? – выкрикнул Адам. – Я тебе вот что скажу, Флинт, пока не успел придумать, как соврать, чтобы оправдаться. Ко мне! Бегом! И не тяни. Я включаю таймер на десять минут. Лучше не опаздывай...

Полученные радиogramмы Флинт обработал накануне – превратил в короткие тексты, по возможности исключив имена действующих лиц. Получилось всего четыре сообщения. Он распечатал их на отдельных листках и поместил в конверт. Оставалось последнее сообщение, он не знал, как с ним поступить, и решил его уничтожить. Затем удалил оригиналы радиообмена, рассчитывая объяснить это тем, что в шифре спрятан таймер, выполняющий самоликвидацию принятых сообщений. Именно по этой причине, объяснил он самому себе, первые радиogramмы зафиксировать не удалось.

Путь от станции дальней связи до мрачной громады дворца Владетеля Флинт одолевал в смятении. Столь срочный вызов, к тому же в неурочное время, на этот раз объяснялся просто: похоже, он влип, причем основательно. Холод пробирал его с головы до ног, руки тряслись в ознобе, он из последних сил заставлял себя удерживать в повиновении мощную машину. Он был близок к тому, чтобы сдаться и самому рассказать все, не дожидаясь страшных вопросов о том, как удалось так скоро наладить связь, ведь по его уверениям ремонт аппаратуры и антенного поля должен был затянуться не менее, чем на месяц напряженного труда. Ему, конечно же, не поверят, не настолько наивны эти страшные люди, таящиеся в тени Владетеля. Допрос продолжат, вынудят рассказать, откуда взялся новый приемопередатчик, и следом потребуют ответить, кто он на самом деле и какую роль исполняет. Повезет, если пострадает он один. Наверняка будут мучить, требуя выдать сообщников – таинственных кураторов. Он подозревал, что они всегда добиваются своего. Он же не сможет никого выдать, даже если очень захочет, – он не знает, кто они и где их искать. Поизмывавшись вволю, заставят пойти на двойную игру, на которую, как советовал Хром, он должен будет согласиться. Неохотно, не сразу, чтобы не подумали, будто он соглашается единственно для того, чтобы спасти шкуру.

И вновь он припарковался в неподобающем месте – поблизости от парадного подъезда. В последнее посещение дворца, когда не оставалось надежд на благополучный исход, он поступил точно так же – с вызовом, и ему сошло с рук. На этот раз может не повезти...

День разгорелся, солнечный свет наполнял дворец. По дороге к кабинету Владетеля Флинт не встретил ни охраны, ни посетителей. Его не окликнули, не остановили, чтобы по обычаю просканировать, убедиться, что верно назван код подлинности. Он шел свободно, и в нем постепенно вызревала уверенность, что в такое утро ничего страшного просто не может произойти. Только держаться нужно уверенно и не попасться на мелочах.

Секретарь сообщил, что господин на месте, и включил переговорное устройство.

– Господин Флинт в приемной. Напоминаю, господин Владелец, вы ему не назначали, в компьютере никаких записей. Что сказать господину Флинту?

– Пусть заходит, – отозвался Адам.

Дверь приоткрылась, пропустив в кабинет тощего Флинта. Он застыл у порога в почтительной позе просителя, ожидающего приглашения.

– Входи, Флинт, присаживайся, – сказал Адам.

Этот человек по-прежнему вызывал в нем устойчивое раздражение и желание немедленно прогнать с глаз долой.

Флинт уселся скромно, бочком, без обычных своих вывертов, руки выложил на колени, замер – ученик подготовительного класса университетского пансиона, причем самый смысленный и послушный, и застыл весь внимание.

– Я давно хочу задать тебе три простых вопроса, – начал Адам сдержанно. – Первый вопрос. Скажи, почему ты не улетел вместе с коллегами? И, как продолжение первого, второй вопрос. Поведай, как ты представляешь себе собственное будущее?

– Отвечаю на первый вопрос, – заговорил Флинт уверенно, подумав, что опасность миновала. – Я никогда не хотел покидать Землю, я не верю в прогнозы каких-то ученых мужей. Я также не верю в любые поспешные действия, особенно если они совершаются под давлением обстоятельств или людей. Пользы от таких действий ждать не приходится. Потому я остался и не жалею о своем выборе. По второму вопросу. Я довольно успешно одолел университет, получил лицензию инженера, дающую мне право работать по специальности, которая мне всегда нравилась. Вот, собственно, и все. Подозреваю, вы сомневаетесь во мне. Что же мне делать? Скажите, и я сделаю. Не справлюсь, уйду сам. Пристроюсь в другом месте, буду работать там. Наконец освою новую профессию... Если откровенно, я никогда не хотел быть начальником. Отвечать за других – это точно не мое. А тем более быть сенатором... Тяжкая ноша, господин Владелец, не по плечу. Что же касается моих смешков, выкрутасов иногда за гранью приличий, это не более чем выходки бесшабашного студента, а если копнуть глубже, защитная реакция неуверенного в себе человека. Простительная слабость, так это называют добрые люди. Не поверю, если вы станете утверждать, что и вам временами не доводилось страдать от подобных комплексов.

– Хорошо, согласен. – Напряжение отпустило, Адам успокоился. – Ты понимаешь, в каком положении мы оказались? Мы не полетели на Терцию, как предполагалось, и уже никогда не полетим. Мы не сможем построить новый Большой корабль и накопить достаточное количество топлива. Даже лунную программу мы не восстановим. Станцию на Луне разрушили. Там теперь никого, все брошено, приходит в запустение. Но к лунной программе мы обязательно вернемся – на других основаниях и с другими задачами. Я думаю, нам следует унять амбиции, с которыми жили последние триста весен, и основательно заняться собственным домом – Землей. По шажку медленно, осторожно продвигаться к самым насущным целям. Для начала отстроим то, что было подло разрушено изменниками, восстановим промышленность, решим, наконец, проблему плебеев. Нужна ли нам надежная связь с Большим кораблем? Не уверен, что нам так уж необходима эта связь. Не уверен также, что хватит ресурсов и ума для решения остальных задач. Но знаю твердо, если будем предаваться унынию, горевать об утраченном, не хватит точно и спросить будет не с кого. Виновных не будет. А ты говоришь, что ответственность не по тебе... Значит, по мне? По Клуппу? Тогда давайте поступим так. Соберемся в последний раз в ротонде, восплчем хором: не готовы отвечать, не желаем. И жидкой цепочкой потянемся... на кладбище. Ты ведь был на похоронах? Еще не забыл дорогу? Отвечай, Флинт.

– На кладбище был и дорогу помню...

– То-то же. Вижу, начинает доходить. Так ты готов отвечать?

– Готов, – неуверенно произнес Флинт.

– Ну вот и молодец. А теперь выкладывай, что тебе сообщают, и как отвечаешь ты. И никогда не забывай о возможных превратностях судьбы. – Адам внимательно следил

за Флинтом. – Помни, что в следующий раз, тебе повезет меньше, если посмеешь вызвать мой гнев.

Лицо Флинта заметно осунулось, побледнело. Он протянул Адаму конверт с записями радиogramм.

«Нет, не безнадежен парень, – подумал Адам. – Стоит надавить, как давеча, и все получится. Впрочем, выбирать не из чего, заменить Флинта все равно некем, но надавить нужно – обязательно».

– Ты так много наговорил? – удивился Адам, просматривая отпечатанные тексты. – Сколько же времени тебе понадобилось?

– Пять сеансов связи.

– Хорошо. Первая полученная радиogramма... где она?

– В ней сообщалось, что связь установлена, ничего больше – всего несколько слов. До этого я долгое время передавал свой текст и не получал ответа. Можете представить, как он мне надоел. Все остальные тексты пронумерованы по порядку.

– А это что? «Флинту. Сообщаю наши координаты для связи. Прошу подтвердить получение. Полет устойчивый, в графике. Есть небольшие проблемы, но мы их решаем. Сообщи, кого избрали Владетелем? Ты нам нужен. Правитель». Ты ему нужен? Вот оно что. Попробуй объяснить, что это означает.

– Эту радиogramму я принял еще тогда, когда не мог ответить – передатчик не работал.

– Да, вот он, первый ответ: «Флинту. Кажется, связь установлена. Алекс». Кто такой Алекс? Ты был знаком с ним прежде?

– Да. Мы довольно много играли в футбол, я уже говорил вам. На одном поле, только в разных командах.

– Ты всегда выражаешься так сложно? С чего бы это, Флинт? Неужели чувствуешь вину? И нуждаешься в снисхождении.

– Нет, господин Владетель, в снисхождении я не нуждаюсь. И вины за мной нет.

– Ты уверен? Нет, дружок, все мы виноваты. В большей или меньшей степени, но все. И беда в том, что каждый, доподлинно зная свою вину, прикидывается, что чист как ребенок, что непорочен. Это меня особенно раздражает и озадачивает. – Он помолчал, задумался. И продолжал с напором: – Ты думаешь, просто распознать ложь? Непросто, дружок, ой как непросто. Вроде бы ухватил ее, держишь крепко, но нет, она ускользает, высвобождается, и вот уже след простыл. Тишина наступает – сразу же. И все довольны своей участью. И ничего не докажешь. Впрочем, оставим философию тем, кому сказать нечего. Читаю дальше. Уверен, чтение будет интересным и поучительным. «Алексу. Неужели это ты, Алекс? Флинт». «Флинту. Это действительно я. Рад тебя слышать. Связь устойчивая. Прошу связаться с Теей и сообщить, что ее мать больна. Алекс». Это еще что такое? При чем здесь Тея? Какое отношение Алекс имеет к Тее? Неужели ты не понимаешь, что спрашивает Координатор, не Алекс.

– Правитель, если быть точным, – осторожно напомнил Флинт.

– Он так называет себя? Ишь ты, новую должность придумал, мыслитель драный. А ты опять нашелся – на все есть ответ. Каков умелец.

– Вы задали мне вопрос, господин Владетель. Как человек учтивый, я считаю, что должен ответить. Вы бы дочитали, как я вывернулся.

– Ладно. Поехали дальше.

– А вот и ответ. «Алексу. С Теей еще не связался. Был близок к провалу, сижу у себя, нос не высовываю. Уцелел случайно – дверь не сработала. Причина: слишком активно повел себя на заседании Сената. Перестарался. Теперь ответ на вопросы. Адама избрали Владетелем. Сначала он обласкал меня, даже включил в состав Сената. Затем на первом же заседании бесцеремонно изгнал. Позже попытался наказать кардинально, но не вышло – дверь не приняла жертву. Клупп объяснил, что в программном обеспечении обнаружилась любопытная

опция Харта: дверь отказывается исполнять приказы, как только численность иступленных опускается ниже определенного уровня. Так, благодаря мне, заложенной незабвенным профессором, твой приятель избежал дороги к праотцам. Флинт». – Адам внимательно посмотрел на Флинта, усмехнулся недобро. – Ну, ты, Флинт, даешь, совсем страх потерял.

– Ничего я не потерял. Вспомните, как вы обошлись со мной после инцидента в Сенате. Это как, по-вашему, называется?

– Не заводись, мальчишка, – одернул его Адам. – Читаем дальше. Чую, будет еще интереснее. «Флинту. Поздравляю с установлением двухсторонней связи и началом работы. Отвечаю на поставленные вопросы. Сначала по Клуппу. В государственных интересах было согласовано уничтожение всех экземпляров прибора под названием аннигилятор – одного опытного, доведенного до рабочего состояния, и двух незаконченных серийных, а также устранение создателя этого прибора, способного при определенных условиях повторить устройство дистанционного подавления. Я вынужден был поступить именно так – это не мое решение, это решение высшей власти, противиться которому я не имел возможности. Единственное, что я смог сделать при ликвидации Клуппа, ограничил уровень воздействия, чтобы оставить ученому жизнь. Но немного не рассчитал – сохранилась не только жизнь, но и работоспособность, что не входило в наши планы. Клупп должен сказать мне спасибо за эту ошибку. Покидая институт психотроники, я забрал аннигилятор с собой – рука не поднялась уничтожить прекрасное творение. У меня не было намерения использовать прибор в качестве оружия. Но сложившаяся к исходу жизни Владетеля обстановка, грозящая иступленным полным уничтожением, вынудила меня в критические моменты воспользоваться прибором по прямому назначению. Это все, что я считаю нужным сообщить по поводу Клуппа и неприятной истории произошедшей с ним. Будь бдительным, Флинт. И честным. Правитель». – Очень интересно, – сказал Адам. – И все же мне непонятно, почему этот отщепенец управляет тобой с такой уверенностью. Ты что, работаешь на него? Вы договорились заранее? Или он тебе что-то пообещал? – Адам помолчал. – Обычно он обещает свою дочь. Я жду откровенного ответа, Флинт.

– Вы считаете, что можно управлять человеком на таком расстоянии? – возмутился Флинт. – Просто раньше мы довольно много общались – по службе. Потому форма его обращения ко мне выглядит так, будто он мной управляет. На самом деле он управлял мной прежде, когда еще был на Земле. Теперь он далеко. Никакой возможности управлять не стало. Что же касается дочери – это лишнее, господин Владетель.

– Убедил – наполовину. Читаю дальше. «Правителю. Значительный интерес представляет судьба Евы, жены нашего Владетеля. Никто не знает точно, где она теперь. Пожалуйста, сообщите. Я отрабатываю должность руководителя космической связи. Оплошаю, выгонят вон. Некуда будет податься. Флинт». Очень интересный поворот – о Еве вспомнили. Ты обнаглел до того, что осмелился взять на себя переговоры с предателем. А, Флинт?

– Именно осмелился. Но не вы ли только что говорили о необходимости проявлять инициативу, руководить. Хотелось бы знать, в чем конкретно моя вина? В том, что я проявил инициативу и поинтересовался судьбой вашей жены?

– Не дергайся, – прикрикнул Адам. – Так... очень интересно. Что же нам отвечает господин Правитель? «Флинту. Почему ты до сих пор не связался с Теей? Кора плоха, она недолго протянет. Весточка от дочери могла бы ее поддержать. Поторопись, Флинт. Что касается Евы, здесь все просто. Я предложил этой милой особе заняться полезным делом – подключиться к формированию будущего населения Терции. Ты должен знать, Флинт, что мы давно и успешно решили проблему продолжения человеческого рода. Хотелось бы действовать в этом направлении во время перелета. Я прикинул, что если удастся осуществить мою затею, мы сможем привезти на Терцию несколько тысяч здоровых молодых людей, и наша задача по колонизации планеты получит серьезное подспорье. Ева нам нужна как проверенный и качественный источник яйцеклеток для закладки в кюветы после оплодотворения. Короче говоря, Ева

выслушала мое предложение, немного подумала и согласилась стать донором. Мы заключили соответствующий контракт, в котором упоминаются не только последовательность операций по извлечению яйцеклеток, но также их частота и разовые объемы материала. Она прошла полное медицинское обследование, уже была назначена операция по прерыванию беременности. Но неожиданно Ева исчезла. Не исключаю, что ее выкрали. Но кто и, главное, зачем? Первые поиски результата не дали. Но мы продолжаем искать. Найдем обязательно. Правитель». Ты знаешь, Флинт, я не могу спокойно читать о Еве. Почему она заслужила позорную участь?

Он замолчал, сидел, потупившись, чего-то ждал. Но очнувшись, строго взглянул на Флинта. Флинт опустил голову.

– А дальше? Что же у нас дальше? – продолжал Адам напряженно. – А вот, что. Опять очень интересно. «Правителю. Приступаю к выполнению вашей просьбы. Сделать это будет непросто. Остерегаюсь слишком часто попадаться на глаза Владетелю. Подозреваю, что он не оставил прежних планов на мой счет. Несправедливо, что за все ваши распри ответил непричастный человек – Ева. Флинт». Ну и что ты обо всем этом думаешь? Говори.

– Я уже все сказал. Вы поручили установить связь с Большим кораблем. Я выполнил ваше поручение. Неужели важно, господин Владетель, как я это сделал, с кем связался и что получил в ответных посланиях?

– Вон ты как заговорил. Однако ты очень самоуверенный мальчишка, Ты знаешь, что все твои переговоры перехвачены нашей службой?

– Ну и что из того? – спросил Флинт с вызовом. Он чувствовал, что только независимость и смелость спасут его на этот раз. – Говорите, перехватили? Молодцы. Значит, располагают навыками и достойной техникой. Нисколько не удивлен. Жаль потраченного времени и сил. Я старался, совершенствовал передатчик, день и ночь думал, как угодить своему Владетелю. Буквально лез из кожи. А в итоге получил благодарность – меня заподозрили в нечестной игре. Это как понимать, господин Владетель? Впрочем, на благодарность я не рассчитывал.

– Суетишься не по делу, Флинт, – произнес Адам ровно, продолжая наблюдать за собеседником. – Никто тебя не подозревает, не заблуждайся. Просто мне не все ясно. И только ты один способен разрешить мои сомнения. Стало известно, что твои и ответные послания зашифрованы. Причем этого шифра в наших дешифраторах не оказалось. По этой причине мы ничего не смогли прочитать. К тому же выяснили, что на Острове не осталось ни одного криптографа, улетели все. Для тебя, как вижу, проблем с дешифрацией не существует. Отсюда вывод: ты единственный, кто обладает этим шифром. Так?

– Возможно, – согласился Флинт, не понимая, куда гнет хозяин. – Вы мне не доверяете? Или хотите, чтобы я поделился? С кем?

– Я доверяю тебе, Флинт, и не настаиваю, чтобы ты передал шифр, как положено, в распоряжение Кента. Конечно, ты можешь это сделать, если сам захочешь. Но, думаю, будет правильнее, если мы оставим все как есть. Ты будешь пользоваться этим шифром, а я буду знать, что ты один владеешь им и надежно хранишь.

Адам молчал, опустил лицо, скрыл глаза. Флинт подумал, что пора уносить ноги.

– А третий вопрос? – не удержался, напомнил он.

– Третий вопрос сложнее, – заговорил Адам после недолгого молчания. – Он о Еве. Мне интересно знать, добровольно ли она согласилась на сотрудничество с человеком, который называет себя Правителем. Отправилась вместе с ним в полет... Видишь ли, я довольно хорошо знаю Еву и потому не верю... – Флинт вдруг понял, что перед ним сидит глубоко несчастный человек, и ему стало жаль этого человека. Адам продолжал вкрадчиво, объясняя самому себя: – Но факты, факты... Против них, как говорится, не попрешь. Вот почему я прошу тебя, расспроси своего друга Алекса, пусть подключит к поискам Евы других людей. Ее нужно найти и спросить, глядя в глаза, действительно ли она сознательно решилась на неслыханный циничный поступок, заделавшись... курицей-несушкой. Не выдумки ли выжившего из ума Коорди-

натора эта несусветная дичь? Как только узнаешь, сразу ко мне. Я буду ждать... сколько угодно. Теперь иди и помни, отныне мы в одной лодке и плавание может или привести нас к цели, или однажды оборваться крахом... И тогда мы все пойдем ко дну... Уцелеть никому не удастся...

8

Найти Еву не смогли ни сразу же, как обещал Франк, ни на другой день, как было поручено Венку. Правитель уже изготавился наказать нерадивых чиновников, однако, подумав, решил не спешить – успеется. Куда выгоднее по обычаю, который он долгую жизнь исповедовал на Земле, претензии приберечь до поры, и вывалить разом, когда возникнет необходимость. Отвертеться не получится.

Он велел отменить поиски. В конце концов, никакой опасности Ева не представляла. В любом варианте дальнейших событий она останется запертой в ограниченном пространстве Большого корабля, рано или поздно проявится и выдаст себя. Тогда можно будет как следует разобраться с беглянкой.

Он распорядился снять блокаду шестнадцатого подкидыша, повелев сохранить постоянные посты только у тех дверей и люков, которыми, предположительно, могли пользоваться дерзкие чужаки.

Пришлось признать, что пассажиры достаточно натерпелись из-за поднятого переполоха. Их угнетали панические слухи о готовящемся заполнении нежилых отсеков и даже всего пространства малого корабля удушающим газом, предназначенным для тушения пожара. Некоторые, особенно чувствительные, в отчаянии додумались до того, что их всех однажды запрут в подкидыше вместе с нелегалами и пустят газ.

Правителю осторожно доложили, что подвешенное состояние пассажиров, длящееся продолжительное время и никак не объясняемое, может спровоцировать стихийное возмущение. Он велел провести разъяснительную работу и страсти понемногу улеглись. К солдатам на постах скоро привыкли, их перестали замечать.

Правителю не давало покоя отсутствие информации о численном и персональном составе подпольной группы, о ее истинных целях. Поначалу, прослышав о чужаках, он повелел не придавать огласке их существование, теперь же, осмотревшись и разобравшись в происходящем, решил, что, напротив, разумнее известить пассажиров и экипаж о реальной угрозе, которую эти люди несут всем без исключения. Этот рациональный ход позволит часть полицейских функций переложить на плечи обывателей, рассчитывая на доносы наиболее ретивых из них.

Доподлинно никто не знал, куда отправилась Ева. Одно дело, если она прячется сама по себе, и совсем другое, если ей каким-то образом удалось присоединиться к нелегалам.

Через несколько дней напрасного ожидания, Правитель вынужден был признать, что поиски Евы недопустимо затянулись и результатов, на которые он рассчитывал, достигнуть не удалось. В такие минуты, страдая от отчаяния и бессилия, он переставал сдерживаться и по привычке вымещал досаду на безответной Коре, отношения с которой обострились до полного отчуждения. Кора так и не смогла простить мужу утрату дочери. С некоторых пор она оплакивала ее как умершую, не веря доводам близких людей, уверявших, что Тея жива, просто она теперь далеко и даже очень счастлива.

Правитель понимал, что теряет жену, что вскоре останется один на всем свете и что последним его уделом будет одиночество и тоска.

Он заметил, что стал чаще бывать с Корой. Садился в сторонке, перебирал страницы коммуникатора, но занимался этим только для вида, на самом же деле прислушивался к ее неровному дыханию, всхлипываниям время от времени, напоминавшим юную Тею, давящуюся

слезами обиды. Исподтишка наблюдал за нею и с каждым днем все более привыкал к мысли, что она уходит. В такие минуты теплая волна жалости поднималась в нем, захлестывала, он лишался сна, лежал на своей узкой кушетке на спине, уставившись в серый давящий потолок каюты. Бессмысленность происходящего причиняла боль, слезы застилали глаза. Наконец, по щеке, холодея, скатывалась слеза, напряжение отпускало, и он засыпал. Все чаще снилась ему обильная зеленая трава, в которую он смело вступал босыми ногами. Счастье наполняло его, но с пробуждением тоска оживала вновь, душила.

Последнее время Кора занималась мелкими домашними заботами: перебирала вещи, откладывала пригодные для дальнейшего использования, просила Р2 отдать их кому-нибудь из нуждающихся пассажиров, старательно объясняя согласно кивающему роботу, что ей они больше не понадобятся. Иногда оживала, светлела лицом и даже бралась приготовить какую-то еду, которую готовила на Земле. Она любила готовить сама и обязательно повторяла, накрывая на стол, что только пища, согретая теплом человеческих рук, полезна по-настоящему. Готовясь ко сну, она тихо беседовала с Аделью. Он не слышал, о чем они говорили.

Потому почти незамеченным остался первый успех предпринятой блокады: агенты подстерегли одного из нелегалов и, несмотря на отчаянное сопротивление, схватили в момент выхода из люка, сломав несчастному позвоночник. Его заперли в изоляторе, предназначенном для нарушителей дисциплины, временно содержащихся до суда и расправы, а также для тех горемык, кто, не выдержав испытаний полета, пострадал рассудком и теперь пребывал в буйстве, готовясь в последний путь.

Допрос с пристрастием ожидаемых результатов не дал – узник упорно молчал. Жесткие пытки не развязали ему язык. По-прежнему неопределенным оставалось не только местонахождение остальных чужаков, но и их численность. Единственное, что удалось установить неопровержимо – все они были плебеями, незадолго до старта прорвавшимися в шестнадцатый подкидывш. О Еве узник ничего не слышал – детектор лжи подтвердил, что он говорит правду.

Выдержав истязания, полуживой от пыток он, уже приговоренный к смерти, назвал свое странное имя – Серый, объяснив, что делает это единственно для того, чтобы не уйти в лучший мир безымянным, и чтобы соотечественники смогли поминать его в своих молитвах. Серого, скованного по рукам и ногам, задушили и сразу же сожгли.

9

– В приемной господин Клупп, – ожил голос секретаря. – Просить?

– Проси, – разрешил Адам.

Он вошел как всегда стесненно, словно бы опасаясь, что попал не туда и не вовремя. Уселся без разрешения. Опустил голову, спрятал глаза.

Некоторое время Адам молча наблюдал за ним. «Что происходит с этим человеком? – думал он. – Глаза опущены, их прикрывают тяжелые веки. Судорожные гримасы то и дело искажают лицо – одутловатое нездоровое. Внутреннее напряжение душит. Неужели он действительно болен? И оживить никакой надежды...»

– В последние дни, Клупп, меня преследуют неприятности, – заговорил Адам. – Все началось с дурацкой выходки Флинта. Ты был свидетелем, когда на первом же заседании Сената я изгнал этого клоуна с глаз долой. А вечером того же дня решил наказать вертуна, повелев закрыть за собой дверь. И представь себе, ничего не вышло. Позже робот-наблюдатель доложил, что Флинт, как ни упирался, к двери все же приблизился, однако створки не разошлись, роботы не шелохнулись, и даже музыка не вступила. Как это понимать, Клупп? Я наказываю человека, заслужившего наказание, а дверь, только что отремонтированная тобой, не желает исполнять мою волю. Осужденный, как ни в чем не бывало, остается жить.

– Все будет в порядке, – вяло произнес Клупп и поднял лицо – помертвевшее и больное. – Мы добьемся, чтобы дверь... работала. Я обязательно придумаю... – Помолчав, добавил с нескрываемым вызовом: – Сможете пользоваться.

– Вы провели испытания в полном объеме?

– Конечно. Как вы приказывали. Но в ручном режиме. Я выяснил, в чем причина сбоя. Оказалось, профессор Харт зачем-то добавил некую доминантную подпрограмму. Обычно она спит, но оживает и вмешивается в процесс, как только общая численность иступленных снижается ниже определенного уровня. Двери блокируются при первом же обращении к ним и отказываются работать. Я припоминаю, как однажды Харт, незадолго перед гибелью, отлаживая последнюю программу, вдруг без связи с происходящим проговорился с таким лукавым смешком, что техника не вполне мертва, если ей разрешить... иногда бунтовать против произвола... Он довольно часто рассуждал о необходимости создания программы сбережения убывающего народа, но не говорил, что занимается этой проблемой. Теперь, судя по последствиям, с которыми мы столкнулись сегодня, он все же успел придумать, как предоставить технике самостоятельно принимать решения. Возможно, именно этой опции он поручил реагировать на недопустимый уровень численности. Я конечно разберусь... когда-нибудь. Но пока ничего не могу сделать.

– Ты уж постарайся, – сказал Адам

– Я до нее уже добрался, нашел возможность отключить, как принято в таких случаях. Она прикинулась, что согласна больше не вмешиваться, и ускользнула – затаилась. Но как только я решил, что покончил с нею, ожила и вернулась. Здесь какая-то хитрая новинка. Харт, как это бывало не раз, ввел эту функцию для пробы, а поделиться со мной, как ее отключить при нужде, не сказал. Забыл или не захотел... Он так поступал, когда чувствовал, что еще не достиг совершенства, считая, что преждевременное обсуждение способно навредить дальнейшему развитию мысли. Приходится сделать вывод: эту опцию не исключить известным способом. Мне иногда кажется, что она вездесуща. Мне не доводилось сталкиваться с такой удивительной живучестью. Я уверен, что как только возникает угроза ее существованию, она буквально растворяется в пространстве на множество вроде бы не связанных между собой частей. Так соль растворяется в воде. Затем, когда опасность ее существованию минует, собирается из обломков, готовая действовать. Точно так же возвращается соль, если воду выпарить на огне. Мне даже кажется, что она подчиняет себе не конкретный компьютер, но все окружающее пространство... Где она расположена, когда спит, и по какой команде начинает действовать, я не знаю. Я понял, что единственный реальный способ справиться с нею наверняка, это... сначала уничтожить все двери, а затем восстановить их заново, на иных основаниях. Или увеличить численность иступленных.

– Не проще ли написать и отработать новую программу? – спросил Адам. – Ты же справишься.

– Попробую. Что-то обязательно получится. Возможно, удастся. Немного приврав.

– Это как же? – спросил Адам.

– Мы изменим численность населения до приемлемого значения, представив последний статистический отчет, который присутствует в Системе, как ошибочный. Уверен, наивная ложь убедит программу, и она уймется. Так что надежда есть... Если, разумеется, вы дадите добро.

– Ты меня успокоил, – сказал Адам. – Я распоряжусь.

Новая редакция Закона близилась к завершению. В коротких, как удары, фразах, исключая возражения, пронизанных ясной энергией, начисто отсутствовала вялая двусмысленность, так раздражавшая Адама в тексте действующего Закона. Вчитываясь в пространные его параграфы, он легко обнаруживал расслабляющие мотивы явно из либерального прошлого отца. Погребенные под наслоениями бесчисленных трактований, нередко противоречащих

одно другому, эти мотивы открывали дорогу в тех направлениях, которые немедленно, часто в следующем же параграфе, недвусмысленно запрещались. Так, неумело, ставилась под вопрос малейшая возможность движения и развития.

«Чем документ короче, – решил Адам, – тем больше вероятность, что его станут читать и даже исполнять».

Особенно подробно он отработывал параграфы о наказаниях. Теперь в основе этих зловещих абзацев, охватывающих преступления во всем их многообразии, присутствовала обязательная логическая связка преступление-наказание.

Классификацию преступлений он упростил и ограничил четырьмя категориями.

К первой категории было отнесено оскорбление государственной власти, выраженное в устном публичном или письменном поношении ее институтов или полномочных представителей. Наказанием по любому из этих преступлений служило автоматическое понижение статуса гражданина, выраженное в существенном оскудении его уровня жизни. Преступление такого рода, совершенное повторно, неизбежно влекло за собой изъятие виновного из списка живых.

Во второй категории, впервые введенной в оборот, рассматривались отношения работника с работодателем. Причем, также впервые, права работника и работодателя исходно ставились на один уровень.

В третьей категории определялись взаимоотношения двух равных по статусу граждан. Эта группа была самой спокойной, поскольку преступлений с криминальным смыслом было ускользающе мало, а бескорыстные преступления касались ничтожных мелочей и преступлениями не назывались. Они квалифицировались как шалости или проделки, их предлагалось удовлетворять полюбовно на месте в процессе общественного обсуждения.

Четвертая категория рассматривала взаимоотношения гражданина и Владетеля. Здесь по каждому даже малейшему проступку, решение о наказании принимал один человек – сам Владетель.

Он решительно исключил положение о единственно разрешенном при отце способе размножения иступленных – анонимном. Но и естественный, тарсовский метод, получивший устойчивое наименование в память о докторе Тарсе, считавшемся в народе его первооткрывателем, упомянут не был.

«Пусть размножаются, как хотят, – рассуждал он. – И вмешиваться государству в эту сугубо частную сферу незачем. В конце концов, государство заинтересовано только в том, чтобы размножались, причем как можно интенсивнее. А как именно будут происходить эти процессы на практике, как они будут обставлены юридически, не должно иметь никакого значения. И детей отныне пусть поднимают сами. Нечего нагружать бюджет этой дорогостоящей заботой. А когда детки подрастут, останется обсудить результаты воспитания и сделать объективные выводы – уже о самих воспитателях. Не будут справляться или отлынивать, детей отбирать в опеку, а незадачливым родителям предписывать исправительные работы».

Всю следующую неделю, день за днем с небольшими перерывами на обед и отдых Адам занимался текстом Закона. Работа продвигалась, документ постепенно складывался – слово за словом. Он тщательно отработывал каждую фразу, каждый знак препинания находил свое место, каждое слово, выбранное из множества однозначных, выражало главную мысль. Наконец к концу недели текст приобрел вид, пригодный для предварительного обсуждения в Сенате.

Однако преамбула, в которой он постарался выразить стержневую программную суть предстоящего правления, никак не давалась. Присутствовала в ней несвойственная ему расслабленность. Исправить этот недостаток с лету не удавалось. Потому он решил не тратить время попусту и отложить окончательную редакцию текста напоследок – подождет.

В цокольном этаже полным ходом продвигался ремонт. Основательно перестраивалось огромное пространство, часть которого прежде занимала небольшая внутренняя тюрьма, рассчитанная на два десятка заключенных, главным образом из числа попавших в немилость руководителей высшего звена управления. Здесь они коротали последние дни в ожидании оправдания или кардинального решения своей участи.

Он приказал перестроить весь этаж, увеличив число камер до восьми десятков. Перестройка близилась к завершению.

Рабочий день уже закончился, рабочие покинули дворец. Адам неспешно осматривал результаты проделанной работы. Два ряда зарешеченных камер-клеток, разделенные широким проходом, были отделаны на совесть. В одиночных камерах аккуратные лежаки, душ и горшок за невысокой перегородкой. Мощная вентиляция, чистый воздух, под ногами ни пылинки.

Вспомнилось, что когда-то, в начале ремонта он настоял на том, чтобы по окончании дневных работ оставляли время для самой тщательной приборки на рабочем месте. Было видно, что его требования исправно исполняются. Старик-кастелян, присутствовавший тогда при разговоре, вспомнил, что на склад еще до исхода поступили небольшие машины-роботы – мощные пылесосы. Их заказали специально для уборки подвалов дворца. Теперь они пришлись как нельзя кстати.

«Всякое уважающее себя государство, – думал Адам с удовлетворением, – должно начинаться с хорошей тюрьмы». Он знал одну тюрьму – на Континенте, в которой пришлось посидеть, к счастью, недолго, и решил, что поступил правильно, приказав заранее подготовить на Острове подобное заведение. Для чего это делается и хватит ли преступников, чтобы заполнить все клетки, он не знал. «Была бы добрая тюрьма, а преступники найдутся, – успокоил он самого себя. – Со временем наскребем».

– Двери во дворце исправны, можете пользоваться, – докладывал Клупп на вечернем приеме. – Вижу, вы недовольны. Вам не нравится, что ваши задания исполняются слишком медленно. Но поймите, мне, как воздух, необходима лаборатория. Институт восстанавливают, не спеша. Спрашиваю: почему. Отвечают: не хватает рабочих рук.

– Ничем не могу помочь, – отмахнулся Адам. – Сам справляйся. Для этого у тебя достаточно полномочий. Это все, Клупп? Как погляжу, у тебя опять траурное настроение? Объясни.

– Слишком много людей уходит из жизни, – выговорил Клупп, запинаясь, и тяжело вздохнул. – Это неправильно.

– Заслужили, вот и уходят, – сказал Адам холодно. – А ты как хотел? Чтобы я больше прощал?

– Иного не грех и простить, – оживился Клупп. – Прощать так приятно.

– Ты простил Координатора, сделавшего тебя калеккой? – завелся Адам. – Скажи, простил? – Но смирил себя. – Придет время, Клупп, и я заставлю тебя самого принимать кардинальные решения, которые сегодня приходится принимать мне. Скоро вы все постигнете науку управлять. Или...

– Нет, – грустно возразил Клупп, – это время никогда не придет. А заставить не сможете.

– Еще как смогу, – выкрикнул Адам в запальчивости. – Всех заставлю. Забегаете у меня. Все забегают. Вот увидишь. Они как хотели? Чтобы я стал Владетелем и взвалил на себя всю ответственность, в том числе за их прегрешения винные и невинные? Коллективное помешательство, иначе не скажешь. Что же теперь? С ножом к горлу? Получили не то, что думали получить, и застыли в недоумении? Но ведь прекрасно знали, на что шли. Я ничего не скрывал. Предупреждал, объяснял терпеливо, как малым детям, что будет то-то и то-то, а ничего другого, на что вы, господа, в своих умствованиях рассчитываете, не будет. Никогда. Им же до того было невтерпёж, что слушать их, смотреть на них было противно. Твердил, твердил – не слышали. Настояли. Избрали. Добились своего. Теперь, господа, извольте терпеть. И помал-

кивать. Ты, Клупп, постоянно зудишь вместо того, чтобы помочь. Скажи, я могу рассчитывать на тебя? Ведь ты все еще на моей стороне? Так, Клупп? Я могу на тебя положиться?

– Я приносил присягу, – сказал Клупп сдержанно, – и не намерен ей изменять.

– Молодец. Так держать.

– Теперь можно идти? – Клупп поднялся.

– Ступай. И помни, всегда помни, что я неподалеку – сразу же за твоей спиной. Стоит тебе что-то не то сделать, не так подумать, не туда повернуться, как я тут как тут...

– Об этом я помню всегда, господин Владелец, – проговорил Клупп, неловко обернувшись, и распахнул дверь.

10

После досадной гибели Серого контроль был установлен настолько плотный, что уже невозможно было запросто появляться в обитаемом пространстве без риска разоблачения. Особенно после того, как к наблюдению подключились добровольные охотники из пассажиров.

Самые усердные из них согласились помогать, рассудив, что лучше быть чем-то занятым, чем слоняться по кораблю, тупея от безделья. Энтузиасты самостоятельного сыска немедленно образовали общественный комитет под названием «Зоркий глаз» и приступили к вербовке участников. Вскоре комитет заработал в полную силу, появились первые результаты, свидетельствующие о том, что избран правильный курс. Однако реальной пользы от комитета не было никакой – в сети ретивых добровольцев то и дело попадались пассажиры, по невнимательности или из любопытства забредшие в незнакомые отсеки корабля. Отловленных простофиль для порядка строго допрашивали, но все они оказывались невинными – приходилось отпускать, извинившись.

Однако, несмотря на низкую результативность любительского сыска, общая ситуация сделалась настолько тревожной, что Франк счел необходимым вмешаться.

Он открыто появился в отсеке, в котором прятались осажденные, и уединился с Вертом, чтобы обсудить возникшую проблему. Как только они остались одни, Франк заговорил, и сразу же стало ясно, что на этот раз он берет инициативу в свои руки и возражений не потерпит.

– Рано или поздно вы погорите, – приступил Франк к важному разговору, – вас отловят, как отловили бедолагу Серого. А угодите в лапы Винта, этот подонок сначала спустит с вас три шкуры и только потом задаст первый вопрос. Тогда я ничем не смогу помочь. Понимаешь? Остается последняя возможность упрятать вас навсегда. Мы инсценируем коллективное самоубийство.

– Это как же так? – всполошился Верт.

– Я все продумал, должно получиться, – сказал Франк. – Это мое личное решение и вам придется или принять его, или оставить все как есть, но тогда я больше вам не нужен, выкарабкивайтесь сами. Сложилась тревожная ситуация, поздно тратить время на возражения и утряску мелочей. Ты слышишь, Верт? Шутки в сторону. Я больше не смогу прикрывать вас. У меня есть свои задачи. К тому же не я один числюсь в советчиках у Правителя, имеются другие – шустрые, лезущие из кожи.

– Скажи, Франк, а как ты нас так легко находишь?

– Я профессионал, такие вопросы пропускаю мимо ушей. Меня готовили с младых ногтей к действиям в любой обстановке. Потому будет лучше, если ты, много не рассуждая, подчинишься моему решению, разъяснишь команде что и как, а возражения прибережешь до лучших времен.

– У тебя власть, тебе и карты в руки, – сказал Верт, не скрывая обиды. – Мы люди маленькие, наше дело терпеть и помалкивать в тряпочку.

– Вот и терпи. От тебя мне кое-что понадобится. Любые документы и что-нибудь, принадлежащее Еве. Какой-нибудь заметный предмет, например, украшение. Хорошо, если эту вещьцу видел и мог запомнить Правитель. Есть соображения?

– Документов у нас нет, их забрали еще на Земле, когда отряд ставили в строй. Есть форма. Личная, маркированная.

Он отвернул полу куртки. На светлой изнанке были четко обозначены его имя и код подлинности.

– А у твоих солдат?

– То же самое.

– Подойдет.

– У Евы есть чудесный браслет старинной работы, с которым она не расстанется. Подарок Адама. На браслете надпись, что-то о любви до гроба... Правитель видел браслет – он бросается в глаза, как только посмотришь на Еву.

– Принеси.

Вскоре на ладонь Франка лег массивный браслет старого золота.

– Едва уговорил, – сказал Верт. – Ни в какую не хотела отдавать. Влюбленная женщина... Что с нее возьмешь?

Рассматривая браслет, Франк прочел едва различимую мелкую надпись в две строки, нанесенную на внутреннюю полированную поверхность: «Моей любимой. На память о Континенте, где родилась наша любовь. Адам». «Такую вещьцу не увидишь на нынешних женщинах, им и в голову не придет украшаться. Для кого? – думал Франк, разглядывая браслет. – К тому же золото строго запрещено». Он небрежно сунул браслет в карман.

– Объясняю процесс. В одном из отсеков моей службы находится морг, в холодильнике трупы, ожидающие утилизации. Я заранее подберу подходящие по внешнему виду и возрасту. Дальше понадобится помощь – эту операцию придется проделать вдвоем. Когда пассажиры уймутся на ночь, я пришлю за тобой солдата. Он будет ждать у двадцать первого люка. Без шума выйдешь, но из двадцатого – он за поворотом. Солдат на всякий случай не должен видеть, откуда ты взялся. Он проводит тебя в морг. Не забудь амуницию – свою и солдат. Переодеваем покойников в вашу форму. Придется трупам отрезать уши, чтобы не вызвать сомнений в принадлежности к плебейам. Как только все подготовим, вызову дежурных утилизаторов. Они у меня ребята проворные, справятся быстро. Перед утилизацией трупы разденут, снимут все ценное – обычная процедура и отправят прямиком в топку. Я сразу же доложу Правителю. Он наверняка захочет увидеть трупы, явится в морг, но трупов уже не будет. Он не поверит, заподозрит неладное. Тогда я обижусь и, чтобы оправдаться, предъявлю ваши куртки и браслет Евы. Убедительно?

– Складно толкуешь – не подкопаешься. Ты, Франк, большой мастер, – оценил Верт. – Что бы мы без тебя делали?

– Пользуйся, пока Франк жив. Жизнь моя постоянно висит на волоске, – произнес он грустно. – По долгу службы я должен не возиться с вами, а немедленно сдать. Но не могу... почему-то.

Верт выбрался в обитаемое пространство, когда пассажиры спокойно спали. За поворотом коридора у двадцать первого люка его поджидал молодой солдат.

– Ждешь? – спросил Верт.

– Жду, – буркнул парень и сразу же пошагал прочь.

Верт поспешил следом. За спиной у него висел походный мешок, набитый солдатской одеждой.

Они миновали несколько жилых палуб, никого не встретив. Остановились у входа в технические помещения главного двигателя. Солдат нажал сигнальную кнопку, раздался мело-

дичный негромкий звонок, широкие створки медленно и бесшумно расползлись. Верт обратил внимание на толщину дверных полотен – не менее полуметра. Они вошли. Створки плотно сомкнулись за ними.

Сначала шли по долгому коридору, в конце которого пришлось открывать еще одну дверь. Спустились вниз по крутой металлической лестнице, и оказались в полутемном прохладном помещении, пропахшем незнакомым резким запахом. Солдат вернулся в коридор, Верт остался один.

Стены комнаты от пола до потолка были заняты небольшими отсеками с вертикальными ручками-скобами и крупными номерами на передних панелях. На некоторых из них светились ярко-красные точки индикаторов. Откуда-то сбоку бесшумно возник Франк.

– Готов? – спросил он и, не дождавшись ответа, сказал деловито: – Приступим.

Он вытянул за ручки панель с номером 44. Вместе с панелью по направляющим выполз продолговатый металлический ящик, в котором покоился труп молодой женщины, почти девочки. Ее изможденное сухое лицо было бесцветно. Тело до подбородка покрывал темно-серый лоскут грубой ткани.

Франк повозился с пультом управления на столике у двери. Заработал какой-то механизм. С потолка медленно спустились стальные стропы с замками на концах.

– Цепляем, – скомандовал Франк, – ты со своей стороны, я – со своей. Там есть отверстия для замков. Сообразил?

– Нет ничего проще, – выговорил Верт; уж очень не по душе была ему предстоящая операция.

Франк вернулся к столику, постучал по кнопкам, стропы напряглись, вывесили ящик с телом, понесли к двери. Аккуратно опустили на пол. Затем перенесли еще четыре ящика с трупами мужчин. На всех трупах следы пыток, но давние – кровь уже успела подсохнуть и почернеть.

– Девушку я одену сам, – сказал Франк.

– Вот это обрадовал, – сдержанно отозвался Верт. – А то одевать не пробовал, больше нравилось раздевать...

– Шутник, – буркнул Франк. – Теперь возьми нож, там, на столике, и всем покойникам отрежь уши. Не полностью – только мочки.

Нож оказался острым, мочки ушей поддались легко. Верт не смотрел, когда, прицелившись, резал, отворачивался, но с заданием справился. Его подташнивало, он держался.

– Готово, – отрапортовал он и передал Франку пластиковый мешок с мочками.

Тот усмехнулся, принял мешок и метко бросил его в бачок для мусора.

– Теперь займись мужчинами. Одевай только куртки. Остальное – не нужно.

– Я все остальное тоже принес, – сказал Верт. – Как договаривались.

– Ну и что? Положи в бачок.

– А нам бы еще пригодилось, – сказал Верт.

– Теперь эта одежда не для вас. Тряпки уничтожат позже. Вам я достану другую одежду, – пообещал Франк. – У меня такого добра навалом.

– С таких же бедолаг, как эти? – Верт кивнул в сторону ящиков.

– Ну да, – сказал Франк. – Не бойся, сначала стирка, потом дезинфекция.

– Спасибо, что предупредил. Ты такой заботливый...

– Ты чем-то недоволен, Верт? Говори. Я делаю все возможное, чтобы вы были целы. Теперь снимут осаду, вы станете обычными пассажирами. Я присвою вам новые имена, включу в состав своего ведомства, занесу в центральную память. Останется одна проблема – ваши сережки. Как тебе, надеюсь, известно, иступленные сережек не носят. Были бы у вас длинные волосы, можно было бы сережки спрятать. Придется привлечь Тарса, он, наверное, сможет их

удалить. Но это все потом. Главное, никто никогда вас не найдет. Оборудуем вам гнездо, будете жить как лучшие люди. Запомни, Верт, все это делается ради Евы и ее ребенка... Понял?

– Понял, как не понять...

– Теперь иди. Тебя проводит тот же солдат, он ждет. А я вызываю чистильщиков – похоронную команду. До встречи, Верт. Меня не ищи. Я сам вас найду.

Система защиты подтвердила, что Верт покинул подсобные помещения и вышел в обитаемое пространство. Только тогда Франк вызвал команду.

Когда чистильщики явились, он распорядился:

– Этих пятерых в топку. Но сначала разденьте. Одежду нужно сохранить. Найдете документы, какие-то вещи, отдайте бригадиру. Все поняли?

– Все поняли, – было ответом.

Нагие тела одно за другим пронесли мимо. Он вышел в каптерку. Вскоре явился бригадир, доложил, что утилизация завершена. Никаких документов при покойниках не обнаружено. С запястья женщины сняли браслет, возможно, из золота. Браслет положили в сейф. На одежде мужчин маркировка и имена. Все плебеи.

– Одежду оставьте. Браслет принеси мне.

«Операция прошла удачно, – подумал Франк с облегчением. – Будем воевать дальше».

Выходя из отсека, он заметил, что около урны возится юный утилизатор. Стоя на коленках, мальчишка выгребал содержимое ящика и аккуратно раскладывал стопками на расстеленной тряпке – брюки к брюкам, куртки к курткам. Франк обратил внимание, что у мальчишки вороватый вид, но ничего не сказал.

11

«Алексу. Владелец сомневается в том, что его жена добровольно вступила в сговор с Координатором и согласилась покинуть Землю. Прошу рассеять его сомнения. Я жду. Флинт».

Приняв радиogramму, Алекс, как было условлено, немедленно вызвал господина. Тот вскоре объявился.

«Зацепило по-настоящему, – думал Правитель, считывая текст с экрана монитора. – Именно так нужно было действовать – прицельно. Теперь ответим».

– Пиши, – обратился он к Алексу и начал диктовать: – «Флинту. Как только Еве разъяснили, для чего она нужна, особенно в первое время полета, когда предполагалось заложить будущее население Терции, она охотно взялась за выполнение этой миссии. Исходно использовать ее в качестве донора яйцеклеток была моя идея. Оставалось последнее препятствие – беременность. Мы обсудили этот вопрос, и получили ее согласие на искусственное прерывание. Операция подготовлена, выполнить ее согласился доктор Тарс. Спустя небольшое время, необходимое для выздоровления Евы, надеемся приступить к заселению кювет. Доктор Клинт уверяет, что метод стимулирования, который он отработал до совершенства, позволит получать здоровые яйцеклетки, готовые к оплодотворению, до пятидесяти штук раз в две недели. Первый урожай малышей, которым предстоит жить на Терции, появится, как положено, через девять месяцев. Пусть Адам успокоится – Ева не для него, у нее иная миссия. Он будет гордиться своей женой и, не сомневаюсь, с легкостью найдет ей замену. Правитель».

Флинт немедленно связался с Адамом. Тот долго не мог прийти в себя со сна, но очнулся сразу же, как только Флинт начал диктовать полученный текст.

Несколько минут спустя в эфир улетел ответ: «Правителю. К сожалению, у нас нет врача, равного по искусству Тарсу. К тому же хорошо известно, что мы дурно воспитаны и совсем не деликатны. Короче, в ответ на ваше сообщение мы поступим проще. Мы просто выйдем

из Теи ее ребенка – вашего внука. Что касается яйцеклеток, они нам ни к чему, как и их возможный источник. Уж простите, господин Правитель, если пришлось невольно огорчить вас. И запомните: в этом мире в ответе всегда невиновные. Адам».

– Негодяй! – выкрикнул Правитель, задыхаясь – какой же ты негодяй. Ты еще пожалеешь... Пиши, Алекс. «Флинту. Сообщи своему хозяину, что он превзошел отца. Война будет страшной. Обещаю. Отныне никакой пощады. Правитель». Написал? Отправляй.

Вскоре пришел ответ: «Правителю. Не нужно пугать – не страшно. Будьте вы трижды прокляты! Адам».

Правитель долго не отвечал и Франк уже собирался прервать вызов, но ожил глухой со сна голос, пробурчал недовольно:

– Чего тебе, Франк? Будишь ни свет, ни заря. Мне еще спать и спать... Не мог до утра дотерпеть?

– Дело срочное, господин Правитель.

– У тебя всегда так: безотлагательно, срочно... – продолжал ворчать Правитель, но было понятно, что он уже пришел в себя. – Ну, говори, раз начал. Я подслушиваю.

– Мы взяли голубчиков.

– Не может быть. И Еву?

– И Еву. Тепленькими. – Он помолчал, вздохнул. – Но, к великому сожалению, мертвыми. Мы преследовали их по пятам, кажется, загнали в угол. Опоздали на несколько минут. Они успели принять яд – покончили с собой.

– А тела? Где тела?

– Как где? Были в морге. В очереди на утилизацию, как положено. Мне только что доложили о выполнении.

– Говоришь, утилизируют? – взвился Правитель, – А не кажется ли тебе, торопыга, что на этот раз ты прокололся – поспешил не по делу. – Он окончательно проснулся. – Неужели ты подумал, что я поверю на слово?

– Можете не верить, если это принесет вам облегчение.

– Вон ты как заговорил? Но объясни толком, зачем было спешить? Тебя гнали в шею?

– У меня морг переполнен, господин Правитель. – Франк перешел в наступление. – Люди с ног валятся, вкалывают в три смены и все равно не успевают. От вас помощи не дождешься, вы даже слушать не стали, когда я предлагал набрать бригаду из пассажиров.

– Ну-ну, разошелся, – смягчился Правитель, – не остановишь. Неужели так много?..

– А вы как думаете? Я же докладывал. Холодильники переполнены. Трупы в коридорах на полу. На стеллажах места давно нет. Печку сутками не отключаем. Санитарная служба того и гляди возьмет за горло. Сплошные нарушения... Мы не справляемся. А вдруг инфекция?

– погоди, не суетись. Но чем ты теперь докажешь, что это были они? – Очередной приступ напряженности и неверия придавил Правителя, дышать стало нечем. Он помолчал, справляясь. – Придумал? Говори!

– Обычно мы с покойников снимаем одежду, – принялся рассуждать Франк, – прежде чем... ну, вы понимаете. Сняли и на этот раз. Одежда добротная, армейская, особенно хороши куртки. Решили оставить, еще пригодятся. На изнанках курток, как положено, маркировка: имена, коды подлинности. Только на одежде Евы ничего нет. Почему-то мочки ушей у всех аккуратно срезаны. Кто-то постарался. Причем резали, что удивительно, уже после смерти.

– Похоже, ты стоял рядом, – сказал Правитель, подумав. Он не верил ни одному слову Франка. – А нож, которым резали? Нож где?

– Никакого ножа не было.

– Значит, по крайней мере, один соучастник остался в живых – тот, что унес нож с собой, – сказал Правитель определенно. – Вместе с ушами. Возникает вопрос: зачем? Кто ответит? Теперь ищи-свищи?

– Но причем здесь нож? – Франк прикинулся полным идиотом – помогало не раз.

– При том, – рывкнул Правитель. – Я почему о ноже заговорил, недотепа? Они же не сами друг другу уши оттапали. Ты же сказал, отрезали после смерти. Значит, был еще кто-то живой, который уцелел. Кто? Отрезал уши и нож утащил с собой. Так?

– Согласен. Я не подумал. Жаль, что сережки нам не достались, – посетовал Франк. – Были бы безупречные улики. Я пересмотрел одежду – наспех, подробное исследование впереди, и вот что выяснил. Главным у них был человек по имени Верт. Кажется, так звали губернатора Континента? Уж его-то вы должны бы знать...

– Не может быть, – перебил Правитель. – Неужели, Верт? Ах, собака! Выходит, это он со своими шакалами прорвался на шестнадцатый подкидыш. Что еще?

– Да, чуть не забыл. С руки Евы сняли любопытную вещицу – браслет, возможно, из золота. На браслете надпись: «Моей любимой. На память о... Континенте», или что-то подобное, точно не запомнил. Подпись: Адам. Браслет в сейфе у бригадира. Если вам интересно, доставлю утром.

– Да, да, конечно, – сказал Правитель. Но спохватился: – Хотя нет, ты лучше сделай это сейчас же. И побыстрее. Я дожусь...

Правитель рассматривал увесистый золотой браслет, лежащий перед ним на столе. Он действительно видел этот браслет на руке Евы. Помнится, даже спросил, кто подарил ей дорогую вещицу. Она промолчала, он не настаивал.

«Вот и все, – думал он. – Судьба Евы решилась так просто. Жаль. Хорошая была девочка, строптивая. Строптивные хороши, но, к сожалению, плохо кончают. Теперь будет что Адаму сказать, обрадовать... Хотя, какая же это радость? Человек умер. Надеялся, что со временем Ева смирится, привыкнет. Даже... заменит Тею. Но просчитался...».

Забывшись, он распрямился излишне резко, и чуть не взлетел под потолок кабины. Успел ухватиться за поручень, идущий вдоль стены. Опустил себя на пол, ступнями приклеился к палубе. Осторожно ступая, подошел к двери в спальню Кору, приоткрыл, прислушался. Кора дышала неровно, жалобно всхрапывая. Он осторожно притворил дверь.

«Как же она страдает, – подумал. – Как мы все страдаем. Во имя чего?»

Он не стал дожидаться ответа от самого себя – знал, ответа не существует. Без сил улегся на узкое жесткое ложе в кабинете, вытянулся, закрыл глаза. Представил себе, как однажды закроет глаза навсегда – умрет и все забудет.

Сон не шел. Он поднялся. «Нужно идти, – сказал он себе. – Ничего не поделаешь, не умер, должен продолжать жизнь...»

Время связи приближалось к концу, когда он вошел в кормовую рубку. На нем лица не было, его руки тряслись.

– Пиши, Алекс, – потребовал он и начал диктовать. – «Флинту. Мне только что сообщили печальную новость. Ева покончила с собой. Вместе с группой плебеев, которых предположительно возглавлял бывший губернатор Континента Верт. Не понимаю, как могло случиться, что, согласившись сотрудничать, Ева вдруг решилась на такой ужасный ничем не оправданный поступок. Уверен, ее заставили эти крысы. Мы с ней много общались последнее время. Я не замечал ничего, что могло предвещать столь печальный исход. Держу в руках браслет, подаренный, судя по надписи, Адамом. Это все, что осталось от бедной девочки. Браслет только что принесли – сняли с ее руки. Трупы уже кремировали. Трудно поверить, что среди них была Ева. Она не могла при жизни расстаться с бесценной вещицей – памятью, которой так дорожила.

Подозреваю, дело нечисто. Впереди тщательное расследование. О моих сомнениях осторожно доложи хозяину. Он достойный человек, хотя мы так и не поняли друг друга. Пусть попросится с женой. Он слишком молод, чтобы оплакивать ее всю оставшуюся жизнь. Скорблю. Правитель».

Он вернулся к себе, лег. Сон пришел, он забылся, но очнулся, показалось, тотчас же. В дверь поскреблись.

– Войдите, – крикнул он.

Дверь распахнулась – на пороге стоял сияющий Р2.

– Приветствую господина Правителя, забывшего, что нужно вставать вовремя даже господину. Не так ли?

– Много говоришь, Р2, не кажется тебе?

– Так ведь невтерпеж, когда есть что сказать, – оправдался робот и положил на стол небольшой пластиковый пакет.

– Ты где таких слов нахватался, бездельник?

– А у меня полно друзей, они иной раз и не такое отчебучат... А мне нравится.

– Так в чем дело?

– Только что явился мальчонка из похоронной команды, принес это. Я посмотрел. В мешке мочки ушей. Без сережек. Но всем известно, что у плебеев должны быть сережки. Делаю вывод: вчера сожгли не плебеев. Простите, но я подслушал, когда вы говорили с Франком. Уверен, они все еще очень живы... Беглецы, как вы их называете. Тоже хорошее слово, я запомнил. Все это непонятно и довольно странно. Мне показалось, что вам будет интересно. Я правильно поступил, господин?

– Ты поступил правильно, – произнес Правитель строго. – Ступай. И попроси ко мне Винта. Он служащий при тюрьме.

– Винта знаю, – сказал Р2, поскучнев. – Но лучше не знать этого господина – он настоящее чудовище. Стоит держаться от него подальше. Но раз вы настаиваете... отправляюсь за Винтом. С большой неохотой.

– Что ты несешь? – сдавленно прошипел Правитель. – Язык без костей?

– Никакого языка у меня нет, и ничего такого я не несу, – обиделся Р2. – Я всегда говорю то, во что верю. Разумеется, прежде сравнив услышанное с похожими файлами из моей памяти. Еще на Земле этот мерзавец издевался над заключенными. Предпочитал кости ломать – его любимое развлечение. Роботы не врут, роботы все знают. Вспомните чудовищную историю с лекарем Гердом. Рассказывал мой лучший друг и брат господин Агор, известный хирург, он тогда вырвал из лап Винта этого замечательного человека. Помните? Довольно мутная история. Владелец, разобравшись, велел арестовать Винта. Даже приговорил к смерти. Но тут началась война, властям стало не до этого негодяя. Его выпустили на поруки. Знаю, не обошлось без закадычных дружков. Он рванул на космодром от греха подальше, чудом добрался до вас. А уж вы по доброте душевной взяли подонка на корабль в порядке исключения. Вот что говорят люди. Правда в их словах или ложь не знаю – не моего ума дело.

– Несешь какую-то чушь, – оборвал Правитель разошедшегося Р2, – и, верно, сам не понимаешь, о чем говоришь. Я знаю Винта давно, он служил при институте здоровья, командовал охранниками. Исполнительный малый. Я ему всегда доверял.

– Вы доверяете негодяю, – не унимался Р2. – Называется заблуждение. Когда противоречат логике. Плохое объективно плохо. Называть его хорошим никак нельзя... Будет себе дороже.

– Ты, кажется, договоришься у меня, – взвился Правитель. – Я потребую ограничить твои умственные способности. Терплю от тебя, чего не позволяю даже человеку.

– Иному человеку стоит не позволить, – продолжал ворчать Р2. – Но я же не человек, – усмехнулся он. – И потом, у меня одна забота, господин Правитель, – ваше благополучие. Бывает, наговорю, наговорю с три короба... Вы сначала осердитесь, а потом обнаружите в моих глупых словах крохотную такую правду, и давай действовать, только держись. Вам легче нести непосильную ношу, потому что вы не один – я всегда рядом. Так, господин Правитель? Ведь так же! Хорошо. Исполняю вашу волю, отправляюсь за прохвостом Винтом. Но с каким удовольствием я свернул бы шею этому негодяю. Надеюсь, когда-нибудь это случится. Может быть.

Р2 вышел.

Правитель подтянул к себе мешок, приоткрыл. Мочки ушей уже оттаяли, кровь на срезах черная и никаких сережек.

«Франк, кажется, влип – подумал он определенно и постановил: – Ответит по полной программе».

12

Известие о коллективном самоубийстве Евы и ее спутников ошеломило Флинта. Он попытался сосредоточиться и подготовить ответную радиограмму, но ничего не получалось – все смешалось в голове: Владелец, от которого исходила угроза, Ева, которая больше не жива и которую он никогда не видел, Правитель, которому он согласился служить, далекий Алекс, с которым они так споро общались в последнее время... Он не мог сосредоточиться, нужные слова уворачивались, он пребывал в смятении.

И только когда до конца сеанса оставались считанные минуты, сам собой сложился неуклюжий текст:

«Алексу. Не решаюсь сообщить Владетелю ужасную новость. Не исключаю, что мне не поверят, обвинят, замечу, уже не в первый раз, в том, что я только и делаю, что приношу несчастье. Сижу в замешательстве и унынии, готовлюсь к очередному испытанию. И вот, кажется, готов. Отправляюсь без надежды вернуться. На всякий случай прощай, мой единственный безнадежно далекий друг. Всегда твой Флинт».

Сообщение улетело, и следом связь прервалась.

Что делать дальше, Флинт знал. Чтобы немного прийти в себя, он последовательно перебрал действия, которые необходимо совершить: сначала напиться смелостью, этот пункт подготовки он считал выполненным. Затем отправиться во дворец – никаких сложностей. Прорваться на прием к Владетелю и скупыми мужественными словами поведать весть, от которой сердце страшного человека содрогнется. Получить заслуженную награду или...

Машина летела по дороге в столицу, Флинт подгонял и подгонял ее. Мотор надрывно рычал, истошно визжали тормоза, когда он следовал поворотам, мимо проносились дома, сливаясь в серую ленту. Людей он не замечал – такими ничтожными были они на фоне летящего навстречу мира. Но он знал, что люди в городе есть. Их немного, они шевелятся – никак не могут уgomониться.

Наконец последний поворот. Знакомый подъезд. Завизжали тормоза, машина пошла юзом и, ткнувшись в поребрик, встала. Флинт, выключил двигатель, ступил на мостовую. Неверные ноги дрожали, сердце настойчиво било в грудную клетку. Он направился к парадной лестнице, его траектория была произвольной, она состояла из прямых участков, перемежающихся сдвигами то в одну, то в другую сторону, – его шатало. «Хорошо, – подумал он, – что никаких свидетелей рядом».

– Неужели Флинт? – услышал он знакомый голос над головой.

Он остановился, неловко довершив шаг. И следом совсем нестрашный смех:

– Надо же. Сам Флинт пожаловал. Собственной персоной и даже без вызова. Ты ко мне? Флинт поднял голову. Из распахнутого окна второго этажа, перевесившись наружу, на него смотрел Владелец.

– К вам, господин Владелец, – проговорил Флинт, обомлев, – к кому же еще? Примете?

– Отчего не принять? Опять с дурной вестью?

– Да, господин Владелец, – произнес Флинт, и вдруг ощутил, что страх куда-то девался.

– Когда я сегодня проснулся, первым делом подумал, почему-то от Флинта давно нет вестей. Странно, И еще я подумал: где этот прохиндей обретаётся, чем занят? Выходит, все это время я поджидал тебя – подсознательно. И вот ты явился. Поспеш...

Флинт поднимался по парадной лестнице, чувствуя, что приходит в себя. Дыхание восстанавливалось, сердце больше не ощущалось. Ему сделалось безразлично, что с ним будет, он был готов стоять на своем и уже не отступит.

Не заметил, как одолел анфиладу, подумал, что опередил Владетеля и в приемной будет первым.

Когда он вошел, секретарь поднял голову, уставился на него вопрошающе, ничего не сказал.

За спиной объявился Владелец. Быстро прошел в кабинет, на ходу бросив:

– За мной!

Флинт послушно тронулся следом.

– Слушаю, – сказал Адам, усевшись.

– Полчаса назад пришла радиограмма, – осторожно произнес Флинт, продолжая стоять, и протянул Адаму листок. – Я расшифровал и распечатал...

Адам принял листок, стал читать. Прочел, шевеля губами, перевернул, убедился, что на обороте нет продолжения. Вернулся к тексту, перечитал еще раз. Поднял голову, уставился на Флинта. Какое-то время смотрел прямо. Его глаза потемнели – на них навернулись слезы. Не выдержал, опустил голову, проговорил резко:

– Убирайся... – И следом, опомнившись, добавил дрогнувшим голосом: – Ступай, Флинт, придешь потом...

Вновь, как в тяжкие времена после смерти отца, навалились страшные мысли – неподъемными глыбами. Кровь стучала в висках, рыдания сотрясали тело. Наконец пролились слезы. Он их не утирал – дал волю.

«За что мне все это? – думал он в отчаянии. – Неизбывная горечь, обида и одиночество... Чем я виноват? Кто объяснит мне мою вину? И есть ли предел страданиям?»

Эти вопросы отчетливо и последовательно всплывали в сознании, удивляя своей простотой и ясностью.

«На мне проклятье... – наконец объяснил он самому себе, и сразу же ухватился за эту мысль. – За грехи отца. Отец не умер, он продолжает жить – во мне. Он никогда не оставит меня. Будет рядом вечно»

Но опомнился, глухо произнес вслух:

– Нет, не верю. Это все сказки...

13

Офис Винта располагался в том же отсеке, что и внутренняя тюрьма. Р2 дорогу знал, приходилось сопровождать Правителя, но внутри не бывал ни разу – терпеть не мог этого страшного человека. Звукоизоляция офиса Винта была выполнена с большим запасом, чтобы звуки, которыми сопровождался его эксперименты по воздействию на чувствительные точки чело-

веческого тела, не проникали наружу. Винт, бахвалясь, именовал свою деятельность извлечением информации из подопытных кроликов – так он называл узников, угодивших по несчастью в его волосатые лапы.

На сигнал кнопки вызова, расположенной рядом с дверью, Винт отзывался немедленно, если не был занят очередной экзекуцией. Когда за дверью шел производственный процесс, сигнализация отключалась, и тогда приходилось ждать. Обо всем этом Р2 поведал друг, солдатик из ведомства Франка по имени Алек.

– Ты с этим гадом пострже, – предупреждал Алек. – Дави, пока не поймет, что с тобой не совладать. Не давай опомниться, мертвой хваткой бери за глотку и ни с места. На самом деле он трус – связывает человека, прежде чем причинить боль. Результаты его художеств мне не раз приходилось видеть. Будь моя воля, я бы голову оторвал садисту...

Р2 повезло – дверь распахнулась без задержки. На пороге, продолжая смачно жевать, стоял здоровенный малый. Маленькая продолговатая головка прирожденного живодера обрита наголо, рукава хитона, покрытого спереди темными пятнами, закатаны выше локтей, волосатые мощные руки с короткими скрюченными пальцами, которые не разгибались, отвратительны, узкие злые глазки под выступающими надбровьями насторожены.

– Чего тебе? – прорычал великан.

– По твою душу пришел, – сказал Р2. – Собирайся, да побыстрее.

– Ишь ты, какой шустрый, – криво усмехнулся Винт. – Говори, чего нужно, и проваливай.

Некогда мне тут с тобой валандаться.

– Ну-ка, пошел, – железно рявкнул Р2. – Хозяин зовет.

– Так бы и сказал, образина, – проворчал Винт. – Что с собой прихватить?

– Ничего не нужно.

– И чего это ты разошелся? Кто ты такой, чтобы мне приказывать?

– Я тебе сейчас объясню, кто я такой, – сказал Р2 и сделал шаг вперед.

Винт опасливо отступил.

– Ничего не понимаю, – проговорил он, сдаваясь. – Ты что, клоун, катишь бочку на меня?

Тупой робот катит бочку... надо же.

– Усвой, скотина, – взъярился Р2, – я тебе не тупой робот. Я твой персональный ужас.

Причем близкий и страшный.

– Это как понимать? – просипел Винт – от волнения сдал голос.

– Понимай, как хочешь. Все равно ничего не поймешь. Просто запомни. На всякий случай...

– Ты думаешь, самое время?

– Уверен, – сказал Р2, развернулся и пошел прочь.

Он слышал, как ударила дверь. За спиной надрывно дышал Винт – тащился следом, помалкивал.

Они вошли в кабинет. Правитель оторвался от бумаг, предложил Винту присесть.

– С этим заданием, Р2, ты справился хорошо, – сказал он. – Теперь отправляйся за Юником. Знаешь этого господина?

– Да кто же его не знает, – сказал Р2. – Экспонат известный. Будет два сапога пара...

И вышел из кабинета.

С ареста Адама, Евы, старика Гора и их домочадцев миновала пропасть времени, а в судьбе юного прокурорского чиновника Юника, истинного героя той стремительной безупречной операции, не случилось никаких перемен, на которые он рассчитывал. Он по-прежнему довольствовался низшей ступенью служебной лестницы, смирившись, что мечта о повышении все более отдаляется, утрачивая определенность. Однако Юник был стоек, и сетовать на судьбу остерегался. Он охотно и даже самоотверженно продолжал трудиться, но все более

проникался досадным убеждением, что на свете давно не стало подлинной благодарности и впредь рассчитывать на нее не стоит.

Потому, когда робот Р2 материализовался перед рабочим столом и вопрошающе установился на помощника прокурора темными своими глазищами навывкат, Юник не сразу сообразил, что начинается нечто важное и что его судьба готовится войти в очередной крутой поворот.

– Что скажешь? – спросил он робота голосом, севшим от дурного предчувствия.

– Хозяин прислал, – сказал Р2. – По твою душу. Собирайся. Пойдем. Быстро.

– Нужно предупредить начальника, – озаботился Юник.

– Уже предупредил. И получил добро. Поспеш.

– С собой что-нибудь взять?

– Это еще зачем? – удивился Р2. – Ничего не бери. Приказано доставить одного тебя. Поговорить. Понял? Получишь задание, вернешься обратно. Может быть.

Путь был неблизкий. Они одолели его на одном дыхании – впереди широко шагающий Р2, перед которым с опаской расступались праздные пассажиры, следом семенящий мелко Юник в желтом хитоне с голубыми нашивками судебного ведомства на плечах.

Послышался вежливый костяшками пальцев стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Правитель.

Дверь приоткрылась не полностью, в кабинет бочком неловко втянулся Юник.

– Звали, господин Правитель? – спросил он придушенно.

Перед столом Правителя, скучая без дела, сидел Винт.

Правитель ничего не ответил и головы не поднял.

– Звал, – наконец буркнул он и распрямился. – Присядь. – На Юника в упор уставились тусклые глаза бесконечно уставшего человека. – Мне давно известно, что ты, Юник человек исполнительный и скромный. Вот решил поручить тебе наиважнейшее дело. Кроме тебя, как ты понимаешь, задействовать некого. Расследование тяжкого преступления, которое и раскрывать-то нет надобности. Наш преступник настолько наивен, что диву даешься. Позже, когда войдешь в курс, объяснишь мне, как можно на месте преступления оставить такое количество неопровержимых улик.

– Оставили улики? Это же очень...

– Заткнись, – приказал Правитель и с таким презрением посмотрел на Юника, что тот осекся и замолчал, не договорив. – Короче, я нуждаюсь не в доказательствах факта преступления, оно, повторяю, раскрыто, преступник не отопрется. Куда важнее понять мотивы содеянного, так сказать, психологическую подоплеку. И это еще не все. Нужно копнуть глубже, ведь известно, что всякое преступление, даже совершенное одним человеком, обычно только видимая часть другого преступления, нередко большего по размерам и значению. И уже в это большее преступление, как правило, вовлечены другие люди, иногда более важные, чем сам преступник. Известно, что от малого камня, брошенного в воду, расходятся очень большие круги. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Пока не очень – слишком мудрено для меня, – признался Юник. – Но я профессионал. Мое назначение узнать то, что преступник скрывает. Просветить его душу. До самого доньшка, так сказать.

– Мне нужно именно это, – сказал Правитель, поморщившись. – Осторожно шевельнулось сомнение в умственных способностях Юника. – Ты должен узнать, что скрывает преступник, какую цель он преследует, кто стоит за его спиной. Наконец, кто им управляет. Для ответа на эти вопросы я выбрал тебя. Отныне ты следователь по делу о ложном самоубийстве небольшой преступной группы плебеев, а также о неудавшейся попытке это преступление скрыть. Если официально, как по бумагам, речь идет о группе солдат, вызванных с Континента

в помощь так называемым правительственным войскам, но из-за идеологических расхождений переметнувшихся на нашу сторону. Какое-то время они исправно служили – никаких претензий к ним не было. Однако в полет их не взяли – для плебеев у нас, как ты понимаешь, мест не предусмотрено. Останься они на Земле, их участь была бы печальной. Потому перед самым стартом они отважились на авантюру – с боем прорвались в шестнадцатый подкидыш. С тех пор скрываются где-то в подсобных помещениях, не исключая, того же корабля. Мы развернули поиски. Безрезультатно. Теперь ситуация решительно изменилась – в их руках неизвестным образом оказался универсальный ключ, позволяющий легко вскрывать любые двери. Причем неучтенный универсальный ключ. Это дает им неслыханное преимущество – у них появилась возможность менять норы в зависимости от обстановки. Для обследования всех помещений Большого корабля и подкидышей одновременно нужно неисчислимое количество людей, чего, как ты понимаешь, у нас нет. В конце концов, негодяи, сообразив, что рано или поздно их вычислят и переловят, инсценировали коллективное самоубийство, надеясь таким примитивным трюком навсегда замести следы. Даже их трупы, ты, конечно, понимаешь, что это были вовсе не их трупы, сообщники успели кремировать. Однако в спешке или по глупости прохвосты допустили ряд оплошностей. Надеюсь, тебе известно, что плебеям в соответствии с существующей технологией чипы управления вживляются в мочки ушей – этим они отличаются от иступленных. Преступники рассуждали примерно так: чтобы команда, обслуживающая топку, не сомневалась, что сжигает трупы плебеев, достаточно удалить мочки ушей вместе с сережками. И здесь они оплошали. В наших руках совершенно случайно оказались важные улики – срезанные мочки ушей, но, как ты понимаешь, совсем без сережек. Стало ясно: их срезали с трупов иступленных. И нет, чтобы сжечь вместе с трупами, их бросили в урну для мусора. На их несчастье нашелся сообразительный мальчишка, которому поручили утилизировать содержимое урны. Он-то и наткнулся на мешок с мочками. Мигом просек важность открытия, и теперь этот мешок лежит на моем столе.

– И на мочках действительно нет никаких сережек, – догадался Юник.

– Именно так, – обрадовался Правитель. – А ты, Юник, смотрю, парень не промах, на лету схватываешь. Это хорошо. К тому же, как ты понимаешь, мочки не первой свежести. До того, как их отрезали, они в холодильнике провалялись на трупах пару недель, не меньше. Разумеется, еще на трупах. На них нет никаких следов операции по удалению сережек, если предположить, что такая операция была проделана заранее, как нет и самих сережек. Известно также, что впопыхах одну из мочек срезали с левого уха, тогда как сережки всегда помещали на правое ухо. Эта мелочь полностью подтверждает наши выводы.

– Вы кого-то подозреваете? – спросил Юник, с ходу приступая к розыску.

– Пока мне известно имя одного человека, причастного наверняка, – это руководитель нашей службы безопасности по имени Франк.

– Серьезный человек, но и обвинение серьезное, – сказал Юник и, подумав, задал первый вопрос по существу: – Вы предполагаете, что он был один?

– Ему помогали, одному не справиться. Во всяком случае, он или сам готовил трупы, или, что более вероятно, присутствовал при их подготовке. Из персонала штатных утилизаторов подозревать некого, известно, что в это время их в морге не было. По вызову Франка они явились только на завершающей стадии, когда все было подготовлено. Им досталась рутинная работа – переместить трупы в топку.

– Не сомневаюсь, что здесь замешаны плебеи, которых вы безуспешно ищите.

– Смотри-ка, да ты, хват, Юник, сходу въезжаешь в тему. Это хорошо. Представляешь, до чего обнаглели? Трупы обрядили в солдатские куртки, на изнанке которых напечатаны их имена, а перед утилизацией, как положено, раздели. Куртки бросили в тот же ящик для мусора, где уже находился мешок с мочками. Ничего не бояться, негодяи.

– Этих сведений достаточно, чтобы приступить к расследованию, – с профессиональной основательностью подвел итог Юник. – Остается узнать, кого персонально вы подозреваете и каковы мои полномочия.

– Я подозреваю руководителя службы безопасности Франка, – заговорил Правитель, помолчав и еще раз внимательно рассмотрев сидящего перед ним Юника. – Теперь о полномочиях. На время выполнения задания назначаю тебя моим представителем. Отсюда следует, что вмешиваться в твои дела, ограничить или отменить твои решения могу только я один, больше никто. Так что приступай со всей свойственной тебе решительностью, бери в помощь людей из своего ведомства, которым доверяешь, бери под свою ответственность помещение в тюрьме, в котором хозяйничает Винт и где можно расположиться для... как бы это сказать... для серьезной беседы с подозреваемым. И – вперед! Повторяю кратко, узнать нужно следующее: кто, с кем, когда и для чего все это затеял. Можешь расширить круг вопросов, на которые понадобится найти ответ по ходу следствия, но уже самостоятельно. Докладывать будешь мне лично по мере продвижения к цели. Дерзай, Юник. Помни, вся информация по этому делу совершенно секретная. Ни при каких обстоятельствах она не должна проникнуть за стены тюрьмы. – Он помолчал, подумал и, собрав морщины на своем сухом лице, проговорил, смягчив голос: – Да, за прошлую операцию по изъятию родственников Владетеля я тебя даже не поблагодарил – не до того было, как ты понимаешь. Делаю это сейчас. Тогда ты сработал отлично. – Правитель вновь уставился на Юника, но теперь это был внимательный по-отечески добрый взгляд. – Не осталось обид? Мы договорились, Юник?

– Никаких обид, – сказал следователь. – Конечно, договорились, господин Правитель. И последний вопрос. Могу ли я применять специальные методы дознания?

– Разумеется, можешь, – твердо произнес Правитель и продолжал: – Любые методы. Мягкие, жесткие, специальные... Кроме, конечно, тех, которые могут лишить нас подследственного. Мне нужен результат и как можно быстрее. В твоем распоряжении Винт. Можешь положиться на него полностью – он известный мастер. Неоднократно отличался в подобных операциях... Даю в помощь тебе этого рукастого человека для выполнения той части следственной работы, которую по недоразумению называют грязной. Все ясно? Ты все слышал, Винт?

– Слышал, – отозвался великан, – и запомнил.

– Вот и договорились. А теперь, мой полномочный представитель, принимайся за дело!

– Винт, за мной, – скомандовал Юник.

Верзила повиновался.

Выйдя из кабинета Правителя, Юник задержался, чтобы расспросить Р2 о Франке. Робот оказался немногословным, на вопросы отвечал неохотно. Когда же Юник попробовал надавить, помянув о новой своей должности и чрезвычайных полномочиях, прикинулся недоумком и от дальнейшего разговора наотрез отказался. Кое-как удалось вытянуть из него самую малость: узнать, в каком направлении следует идти, чтобы попасть в кабинет Франка. Потому Юник оставил Р2 в покое и решил отыскать Франка самостоятельно. На всякий случай он прихватил с собой сопровождение – четырех солдат из охраны Правителя, хотя было вполне достаточно Винта, грузной тенью следующего за ним.

Руководитель службы безопасности обнаружился в собственном кабинете.

– Франк? – смело выкрикнул Юник, входя без разрешения.

– Да, Франк, – спокойно признался человек, сидящий за столом. – В чем дело?

– Ты арестован.

– Не понял, – усмехнулся Франк. – А ты кто такой?

– Скоро поймешь, – пообещал Юник. – Все поймешь. Господа, приступайте, – обратился он к солдатам. – По приказу Правителя мы забираем этого человека. Предлагаю следовать за господином Винтом.

14

– Объясняю суть обвинения, – начал Юник, дождавшись, когда Винт разложит свои страшные инструменты. – Двенадцать часов назад вы приказали кремировать тела недавно умерших иступленных – одной женщины и четырех мужчин, совершив чудовищный противоправный подлог. Вы заявили, что были кремированы тела якобы отравившихся плебеев, с боем проникших на последний шестнадцатый подкидыш, а затем в Большой корабль. До настоящего времени эти негодяи скрываются от властей, причем так ловко, что наш Правитель вынужден предположить, что на корабле формируется второй центр власти, прочно обосновавшийся и неуловимый. Предполагаю, что вы предприняли эту чудовищную комбинацию в надежде легализовать преступников незамысловатым способом – придать им статус законных пассажиров и, следовательно, навсегда уберечь от преследования и заслуженного наказания. Тем самым вы вступили в сговор с людьми, находящимися вне Закона. Но, замечу, я высказал только предположение. Потому первый вопрос: вы сознательно осуществили это мероприятие?

– Я не стану отвечать, – сказал Франк с нескрываемым презрением, – Мотивы моих поступков относятся к высшим секретам государства и могут быть озвучены только в присутствии господ, имеющих права на владение этими секретами. Мне известно, что вы не входите в круг этих лиц и, следовательно, такими правами не обладаете.

Юник ничего не сказал. Он признал, что это дело не такое простое, как показалось сначала, что впереди подводные камни, преодолеть которые ему едва ли под силу, что он опять ввязался в события, которые заведут его туда, откуда не выбраться. Он с опаской и трепетом всматривался в сидящего перед ним совершенно спокойного человека, едва ли подозревающего, что его ждет. Он мысленно представил себя на месте несчастного и ощутил неодолимо накатывающий приступ тошноты и противной слабости.

– Где у тебя удобства? – обратился он к Винту, едва выговаривая слова от подступившей рвоты.

– Что ты имеешь в виду? Гальян, что ли?

– Ну, да, – еле слышно произнес Юник.

– Там, – отмахнулся Винт. – По коридору, налево.

Юник едва втиснулся в тесные удобства, представив, как тяжело приходится широченному Винту. Его вырвало – завтрак не впрок. Дождавшись, пока ладонь, сложенная горсткой, наполнится струйкой теплой воды из-под крана, он прополоскал рот и смочил лицо. Немного полегчало. Преодолевая головокружение, сгорбившись, он шатко поплелся туда, куда идти ему совсем не хотелось.

Между тем, Винт трудился. Деловито сопя, специальными ремешками, которых у него был целый мешок, он раскреплял руки и ноги Франка к подлокотникам и ножкам прочного металлического стула, на котором тот сидел вызывающе прямо. Франк терпел, не сопротивлялся и вскоре был полностью обездвижен и беззащитен.

Юник с удивлением и тревогой наблюдал зловещие приготовления, но не вмешивался. Все его внимание было обращено на подследственного. В этом человеке ему никак не удавалось обнаружить внешние признаки, присущие, в его представлении, искусным врагам. Напротив, это был самостоятельный знающий себе цену мужчина тридцати с небольшим весен довольно приятной наружности. Его скуластое сухое лицо выглядело приветливым и серьезным, крепкое мускулистое тело было подвижно и наверняка тренировано регулярными силовыми упраж-

нениями. Словом, это был отличный экземпляр иступленного – такого на улицах столицы встретишь не вдруг.

– Вы это напрасно, напрасно, – сдержанно зашепел Юник, помалу стараясь завестись. – Не пожалеть бы... Я ведь не шутить... с вами... с тобой... здесь... Впрочем, уговаривать не собираюсь. Как знаешь... Вынужден предоставить слово Винту. Не пожалеть бы, когда будет поздно. Ты слышишь, Винт? Твоя очередь.

Винт, стоящий расслабленно перед Франком, резко напрягся, повел плечом, дернувшись навстречу, и шумно выдохнул. Удар кулака пришелся подследственному в переносицу, там что-то смачно хрустнуло, обмякшее тело Франка провисло на ремешках, из разбитого носа обильно хлынула кровь.

– Может быть, теперь начнешь отвечать? – спросил Юник дрожащим голосом – он впервые в жизни присутствовал при настоящей пытке.

Франк молчал, только судорожно хватал воздух окровавленным ртом.

– Что с ним? – обратился Юник к Винту. – Неужели?..

– Не бойсь, очухается. Клиент в шоке. Я же только...

– Так сделай что-нибудь, – крикнул Юник. – Приведи его в чувство.

– Правитель велел: не церемониться, – уверенно произнес Винт. – А как не церемониться, не сказал. Вот я и не церемонюсь, какие уж тут церемонии. И еще он приказал действовать круто. А ведь я, считай, и не приступал, как положено, чтобы круто...

– Ты это брось, Винт, – сказал Юник, опомнившись. – Тебе, смотрю, человека уколошить раз плюнуть, а мне отвечать.

Но Винт не слышал. Он коротко размахнулся своей дубинкой и резко опустил ее поперек ключицы. Франк истошно заорал от боли, рывком запрокинув голову и страшно ощерив рот.

Винт высвободил из ремешков руку несчастного, она повисла тряпкой.

– Я же говорю, клиент жив, – сказал он, усмехнувшись. – Видно сразу, живучий гаденыш.

– Подожди, – крикнул Юник. – Ты его убьешь...

– Да не дрожи ты, не дрожи, – проворчал Винт. – Смотрю, лица на тебе уж нет, а ведь мы едва приступили. Успокойся, такого перца не уколошишь вдруг. Это я тебе говорю. Он сам кого хошь уколошит. Продолжай вопрос, начальник, не волынь. Видишь, клиент очухался...

– Я все еще жду ответа, – напомнил Юник, с опаской взглядывая на Винта, поигрывающего дубинкой. – Не гони, Винт, успеешь. Спрашиваю еще раз: ты будешь отвечать?

– Нет, – еле слышно выговорил Франк и немедленно безжалостная дубинка Винта опустилась на его бедро.

И вновь дикий крик и ощеренные зубы... И следом удар за ударом – крушащие, не оставляющие надежды...

– Прекрати, Винт! Остановись!..

Собственный крик Юника перекрыл вопли подследственного...

Правитель всматривался в искаженное мукой лицо руководителя службы безопасности. Франк судорожно дышал разбитым ртом, его лицо было в крови, нос сворочен на сторону, губы – кровавое месиво, между ними вместо передних зубов черная щель. «Умеет, подонок, – зябко поеживаясь, думал он о Винте. – Только что был человек живой, и вот он изломан и неспособен даже держаться прямо – обвис мешком».

– Не понимаю, Франк, как ты мог предать? – наконец заговорил он сдержанно, но не совладал с собой, сорвался на визгливый обиженный крик: – Молчишь? А ведь я тебе верил. Никому не верил, одному тебе. Понимаешь, мерзавец? Ты обманул мое доверие, и скоро умрешь. Ты умрешь даже в том случае, если ответишь на все вопросы, которые задает тебе следователь. Даже если назовешь всех своих поделщиков. – Он замолчал, застыл, понурившись головой, и молчал. Продолжал, собравшись: – Но как же ловко вы меня провели. Поду-

мать только... Покончили жизнь самоубийством... Задумано превосходно. Надо же, устроили настоящий спектакль. Жаль, исполнение подкачало, а то... – Оборвался и вновь повысил голос. – Так я тебе и поверил. Нашел простака. Молчишь? Я задаю последний вопрос, Франк. Скажи мне, где ты берешь такую силу? Напрасную силу. Ты говорить будешь?

Но Франк закрыл глаза, обмяк, потерял сознание.

– Позовете, когда придет в себя, – сказал Правитель резко и пошел к выходу. – Больше не бейте, хватит с него – бесполезно... Эти люди на прямые вопросы не отвечают – умирают молча...

Вернувшись к себе, он первым делом постучал в дверь комнаты Кору. В ответ тишина. Приотворил дверь. В комнате было темно. «Спит, – подумал. – Приняла лекарство, уснула. Как же она измаялась. Какая все же глупость забрать ее с собой. Осталась бы на Земле, прожила бы еще какое-то время. Тея была бы неподалеку...»

«Больше нет Теи, – сказал он самому себе и почувствовал, как деревенеет от приступа злобы. – Она одна виновата – ее предательство. И этот лекаришка Герд... Ничтожество... Представить Тею рядом с ним – немыслимо».

Он вспомнил, что, как только узнал, спросил: «Как такое могло случиться?» – Она, виновато пряча глаза, коротко объяснила: «Это любовь». – «Какая еще любовь? – загорелся он. – Это же выдумка, миф...» – Она возразила упрямо и просто: «Нет, это не выдумка и не миф, это любовь...»

«До Герда бы дотянуться теперь – вот задача. А что, если попробовать?...»

Эта мысль показалась заманчивой. «Действительно, стоит приказать и дело будет сделано в лучшем виде, – подумал он. Ожила надежда. – Верные люди, оставшиеся на Земле, справятся. Может быть, и вправду приказать?.. Но тогда Адам точно убьет Тею. Накажет за своего прихвостня. Разве она заслужила? Ну уж нет, только не это. Какое несчастье – покуситься на собственное дитя...»

Спустя час объявился Юник. Его лицо светилось. Он изо всех сил старался согнать неуместную стыдную улыбку, вернуть серьезность, но ничего у него не выходило, он бросил стараться. И оттого его лицо окончательно исказилось, сделалось тупым и безнадежным. Теперь Правитель испытывал неодолимое отвращение, всматриваясь в это серое нечеловеческое лицо.

«С кем вынужден работать?» – в отчаянии спросил он самого себя и решил остановиться, не искать ответа.

– С чем пришел? – грубо спросил он.

– Заговорил, – прошипел Юник торжественным шепотом. – Франк заговорил.

– Все-таки добились своего? Умельцы, ничего не скажешь...

– Никак нет, больше не заставляли – он сам. Я запретил Винту. Отошел немного, решил не упорствовать. Никакого смысла...

– Тогда пошли, – приказал Правитель.

Франк все так же сидел, обвиснув. Свободно висели плечи перебитых рук. При приближении Правителя он вздрогнул, трудно приподнял голову – взгляд его был осмысленным и непреклонным.

– Говори, – потребовал Правитель. – Некогда мне.

– Эти пусть уйдут, – выдохнул Франк едва слышно и напрягся в сторону Юника и Винта.

– Зачем? – взвился Правитель.

– Пусть уйдут, – повторил Франк твердо и объяснил: – Не для их ушей.

– Выйдите, – приказал Правитель.

Юнику приказ не понравился, но он подчинился. Винт в окровавленном переднике, до того державшийся в тени, вышел понуро следом.

– Вы должны знать, кто я такой на самом деле, – заговорил Франк монотонно. – Объясню. Я первый заместитель командора Фарна. Вы должны его помнить. Послан на Терцию тайной службой. Оберегать вас, защищать, предостерегать... От глупостей, неловких движений, досадных ошибок. Со мной мои люди, их много. Наша задача: как только возникнет риск отказа от главной цели, захватить корабль, а вас изолировать. Так что берегитесь. Дойдет до моих, что со мной неладно... они приступят... к исполнению. Немедленно. В соответствии с инструкцией. Уверен, они уже осведомлены, готовятся... Никому не покажется мало, можете мне поверить. А когда начнется, даже я не смогу пресечь... – Он помолчал, собираясь с силами, и продолжал, неразборчиво, по отдельности выговаривая слова: – На что я гожусь теперь? Вы совершили ошибку, отдав меня этим выродкам вместо того, чтобы выслушать, обсудить проблему, понять, наконец, почему я поступил так, а не иначе. Теперь у вас нет иного выхода, как только принять мои условия. В полном объеме... Чтобы не было поздно. Слушайте внимательно. Удалите Юника и этого... людоеда, пока он не добил меня... Определенно добьет, если будете медлить. Тогда ничего не получите... потеряете все... Отвечайте, я долго ждать не могу...

Голова Франка упала на грудь, он вновь потерял сознание.

– Юник! – крикнул Правитель.

Юник возник рядом.

– Вызови Тарса. Немедленно. Франком займется Тарс. Возвращайтесь к своим обычным делам по службе. Операцию прерываем. На время. Открылись новые обстоятельства. Это все. Понятно?

– Понятно, – глухо отозвался Юник, сообразив, что ему и на этот раз не повезло, – удача вновь обошла стороной.

– Садись, – велел Правитель, едва Тарс переступил порог. – Что скажешь? – Он кивнул на Франка.

– Кто это? – спросил Тарс.

– Франк, – коротко выдохнул Правитель.

– Но почему?.. – спросил Тарс шепотом. – Он жив?

– Жив, – сказал Правитель. – Вроде еще жив. Скоро умрет, или... уже умер.

– Вам это было нужно? – спросил Тарс, помолчав.

– А тебе?

– Мне – нет.

– Мне тоже не очень, но... что поделаешь. Провинился – получай. Такова жизнь.

– Это неправильно, – строго проговорил Тарс. – Зачем вы приказали так... с Франком? Хотели что-то узнать? Что-то такое, что он скрывает? Вы посчитали его врагом? Опасным для вашего замысла? Не проще ли было прежде спросить, что он затеял, куда направляется...

– Болтаешь много, – перебил Правитель жестко. – И все не по делу. Не думаешь, о чем говоришь. Учишь...

– Зачем вы меня позвали? Я врач, я призван лечить – не калечить.

– Понятно, – выдохнул Правитель. – Значит, лечить... а я, значит, калечить. А ты не калечишь, ты лечишь. Как же понятно и просто. Молодец. Но скажи мне, лекарь, как следует поступить, если человек предал? Ты знаешь, как поступают с предателями? Не знаешь. Их истребляют. Чтобы пресечь заразу. Чтобы не пошла дальше. Ты понял?

– Нет, – сказал Тарс.

– Послушай, тебе когда-нибудь надоест перечить?

– Не надоест, пока будет нужда и смысл.

– Понятно, – сказал Правитель, остывая. – Твое упрямство известно. Лучше оставим спор. Скажи, ты сможешь поставить на ноги этого заблудшего человека?

– Постараюсь, – неуверенно проговорил Тарс. – Только зачем? Вы его все равно убьете – труды насмарку. Да и ему мучений меньше...

– Не рассуждай мне! – сорвавшись, крикнул Правитель. – Действуй! Вели переместить Франка в камеру внутренней тюрьмы. Постарайтесь не повредить. После зайдешь ко мне, получишь универсальный ключ.

15

О решении завезти плебеев на Остров Адам упомянул вскользь на первом же заседании Сената как о деле решенном и обсуждению не подлежащем.

Вскоре в порту Континента загрузили стратосферный носитель двумя сотнями плебеев и перенесли на Остров. Их разместили в просторном здании, не пострадавшем от взрывов, в котором прежде размещались войска столичного гарнизона. Небольшую отдельную часть здания продолжали занимать уцелевшие разнородные воинские подразделения под общим командованием Кента.

Плебеи должны были приступить к восстановительным работам на важных объектах жизнеобеспечения, определенных Адамом как первоочередные.

Еще на Континенте, заключая с каждым контракт, им объяснили, что их ждет необременительный и простой труд на свежем воздухе, хорошее питание и отдых в благоустроенном общежитии. Взамен они должны прилежно трудиться и соблюдать воинскую дисциплину. Контракт был рассчитан на полные три месяца. По истечении этого срока власти обещали вернуть их на Континент, а взамен завезти следующие двести человек. В качестве награды тем, кто особенно отличится в труде, посулили трудоустройство на Острове с предоставлением всех прав, которыми до того обладали только иступленные.

Попытались Адама отговорить хотя бы от возвращения плебеям прав свободного человека, но он только отмахивался, продолжая упрямо стоять на своем.

Однако, как и предсказывали старики и бывшие члены Сената, проблема плебеев в первые же дни их появления на Острове обострилась, подтвердив, что недаром эта человеческая порода испокон считалась непредсказуемой и опасной.

Незаметно плебеи сплотились, из их среды выделились агитаторы, зашумели митинги. Наконец они наотрез отказались выходить на работу – забастовали. Их попробовали наказать – ограничили в еде. В ответ они начали мародерствовать, отнимая последнее у немногочисленных иступленных, которые не смели дать им отпор.

Власти вступили в переговоры с бунтовщиками. Удалось утрясти все претензии, кроме двух, удовлетворить которые, не ущемив при этом права местных жителей, не было никакой возможности.

Во-первых, они потребовали достойной и обильной пищи. Положение с питанием скоро выправили, хотя источники пищи – сельскохозяйственные угодья Острова вместе с армией роботов, безжалостно разграбленные и истребленные отступавшими отрядами Координатора, только начинали оживать, но до первого урожая было еще далеко. Коренные жители тоже терпели скудость рациона, довольствуясь небогатой однообразной пищей из стратегических запасов.

Во-вторых, они захотели избавиться от надзирателей – иступленных, которые на самом деле были пожилыми мастерами с обширными трудовыми навыками и опытом. Удовлетворить это их желание было намного сложнее, поскольку плебеи не были способны даже на простую самостоятельную работу. Им нужно было поминутно подсказывать и показывать, как и что следует делать. Причем они, не утруждая себя усвоением приемов труда, выполняли поручен-

ную работу небрежно, спустя рукава. Нередко приходилось разрушать до основания сделанное и все начинать сызнова.

Сообразив, что их претензии не могут быть удовлетворены полностью, а силы иступленных ограничены, плебеи забыли о контрактах и договоренностях. Не желая слышать никаких доводов, они бросили приготовленное для них общежитие, где находились все же под присмотром, и откочевали на окраину города, самовольно захватив полуразрушенное здание местной школы, частично взорванное при отступлении по приказу Координатора. Обосновались в нем и с наглой бесцеремонностью приступили к наведению собственных порядков в ближней округе.

Вскоре их передовой отряд обнаружил Большую Лабораторию и множество прозябающих там изголодавшихся девушек-плебеек. Покатилась шумная нескончаемая оргия.

В конце концов они обзавелись оружием – отступавшие побросали его немало. Начались убийства, причины которых были однообразны и незатейливы: не поделили девчонку или кусок хлеба – пуля в лоб.

Мириться с беспределом дальше не было никакой возможности. Созвали Сенат. Единогласно при воздержавшемся Адаме постановили: подавить бунт силой, плебеев собрать и немедленно вернуть на Континент. Выполнение этой задачи поручили Кенту. Он справился с ней, как всегда в кратчайшие сроки и малой кровью.

На Острове был восстановлен порядок. Было также принято решение: если уж завозить плебеев, то только юных, которые хотели и могли учиться в восстановленном университете. Взрослых же разрешили привлекать по-прежнему, но лишь небольшими группами под конкретные задачи, обязательно с предварительным обучением и под полную ответственность работодателей.

Зачинщиков бунта после краткого энергичного дознания и определения вины построили на площади перед входом во дворец. Получился жидкий ряд – два десятка изможденных слабосильных немолодых мужиков, соединенных общей цепью, в ручных и ножных кандалах. Они едва держались на ногах после обработки в застенках разъяренного Кента, отомстившего за нескольких своих солдат, потерянных в схватках. На их лицах стыла, навсегда закрепившись, непримиримость. Дай волю таким ребятам – вцепятся в горло, не отобьешься.

Ожидали Владетеля.

Спустя полчаса, появился Адам в сопровождении сенаторов.

– Что мне с вами делать? – обратился он к осужденным. В ответ презрительное молчание. – А ведь мы пригласили вас на Остров для доброго дела – восстановительных работ. Я подумал, что вы примете приглашение как знак, что нам удалось договориться. Больше того, положить начало совместной жизни плебеев и иступленных. Меня предупреждали бывалые люди, отговаривали, что из этой затеи ничего путного не получится, одна смута. Я настоял на своем, поверил и даже теперь продолжаю верить, что поступил правильно, дальновидно. Чем же ответили вы? Преподали нам бессмысленный и жестокий урок? Не стану благодарить – этот урок того не стоит. Но доложу вам, я ошибаюсь только однажды. Ошибки свои крепко усваиваю и больше не повторяю. Скоро вы все умрете – таково решение Сената, хотя, признаюсь, утверждая приговор, я испытывал сожаление. Распоряжайся, Кент, твоя очередь.

Тишина повисла над площадью, только тонко позванивали цепи узников. Их спешно уводили, чтобы убить.

Сразу же после заседания Сената и объявления приговора зачинщикам бунта Герд принял очередную попытку объясниться с Адамом. У него накопилось множество вопросов по службе, которые не полагалось решать самостоятельно, не обсудив с Владетелем. Выносить же в Сенат на обсуждение, не выяснив мнения Адама, он не хотел. Однако Адам на ходу,

невнимательно выслушав его, от дальнейшего разговора уклонился, даже не пообещав принять. Причем форма отказа была вызывающе невежливой – он небрежно отмахнулся от Герда.

Герд задумался. Никто, никогда не говорил с ним в таком пренебрежительном тоне. Немедленно ожили, придавили сомнения: а правильно ли он поступил, согласившись на пост Координатора, и не пришло ли время решительно и навсегда переиграть отношения с властью вообще и с Адамом в частности. Впервые в жизни он почувствовал себя лишним и понял, что только немедленное прошение об отставке позволит сохранить лицо. Готовя текст документа, он главной причиной своего решения назвал нездоровье, проявлявшееся в постоянной слабости и неожиданных приступах головокружения.

Тея попыталась отговорить мужа, дожидаться, когда Адам успокоится и придет в себя, но Герд твердо стоял на своем. Не удержавшись, он добавил к короткому тексту свои претензии к новой власти, особенно в связи с неподготовленным массовым завозом плебеев на Остров и последующим чрезмерно жестоким подавлением бунта. В заключение он выразил желание остаться в должности директора воссоздаваемого института здоровья, напомнив, что на этот пост его назначил прежний Владелец и по Закону он все еще продолжает его занимать.

Однако ответа на послание не последовало. Тогда Герд решил, что его прошение принято к сведению, и перестал являться в Сенат. Теперь все свое время он проводил на стройке института.

16

Освободившись из заточения и подлечившись, Юри и Афоня вернулись в поместье Гора. На свободе они быстро отъелись на добрых харчах – запасах старого Гора, свыклись с одиночеством и необходимостью самим заботиться о себе.

Когда небольшие запасы хозяина были исчерпаны, пришлось искать другие источники пропитания. Юри по старой памяти скитаний на Континенте отправился в лес, прихватив охотничье ружьецо Гора, и настрелял птиц – жирных голубей, которых здесь оказалось великое множество. Не было хлеба, но оставалась мука. Афоня наловчился месить тесто и выпекать пресные лепешки. Они собрались зимовать, решив, что Адам забыл о них, по слухам сделавшись Владетелем, но особенно не горевали.

Беда пришла неожиданно. Небольшой отряд плебеев, отколовшийся от основной массы, теснимой правительственными войсками, в поисках пищи отступавший все дальше и дальше в горы, обнаружил в стороне от дороги сначала ветряк, продолжавший работать, затем дом, показавшийся им обширным и богатым. Они решили обосноваться здесь – до лучших времен.

В дом ворвались шумной ватагой – полтора десятка оборванных грязных мужиков, голодных и жадных. Афоня возился на кухне – разогревал сковородку, готовясь испечь лепешку из последней горсти муки. Юри дома не было, он отправился в очередной поход в лес за дичью.

– Ну-ка ты, козел нечесаный, чего уставился? – прокричал с порога горластый молодец, голова которого была перевязана белой тряпкой с бурыми пятнами крови, судя по замашкам, предводитель шайки. – Давно людей не видал? Говори, кто в доме живет?

– Еще Юри, – неприязненно отозвался Афоня, не отвечая на грубость. – Мы с Континента.

– Рабы, что ли?

– Нет, не рабы. Мы просто живем здесь.

– Как вы сюда попали?

– Нас привезли друзья – Адам и Ева.

– Кто такие – ваши друзья?

– Адам теперешний Владелец. Этот дом принадлежит ему, – соврал Афоня и пожалел – плебеев это известие не испугало, напротив, они обрадовались.

– А теперь этот дом наш, – закричал кто-то.
– Мы его реквизируем...
– Братцы, да мы же самого господина Владетеля уделали.
– Мы здесь поселимся навсегда, у него целый дворец в городе. Ему хватит...
– Точно, хватит...
– И даже много будет.
– Я бы на вашем месте поостерегся, – сдержанно посоветовал Афоня. – Господин Владетель шуток не понимает. Он у нас строгий...
– А как он узнает?
– У тебя есть связь с городом?
– Говори...
– Так и узнает, – вежливо ответил Афоня, дождавшись, когда шум голосов поутихнет. – А связи у меня никакой нет. Про связь Юри знает. Спросите у него, когда вернется. Видел у него такую штуковину, называется коммуникатор. Можно связаться с кем захочешь...
– Ладно, подождем Юри. А пока вали на стол все съестное, что есть в доме.
– Мы страшно голодны.
– И вина неси, не жалей.
– Вина? – удивился Афоня. – Здесь нет никакого вина.
– Быть такого не может, – рявкнул кто-то. – Не пудри нам мозги, козел.
– Ты за козла ответишь, – не выдержав, ощерился Афоня. – Сказал же, никто здесь вина никогда не держал и не пил. Здесь жил профессор Гор, отец старого Владетеля, дед нынешнего. Он был трезвенником.
– Куда же девался трезвенник? – поинтересовался предводитель.
– Прилетели на вертолете солдаты Координатора, господина Гора повязали и увезли. Потом убили. Тогда как раз прежний Владетель помер. Остался Адам – в тюрьме. Нас тоже в тюрьме держали.
– Болтаешь много...
– Язык-то укоротить можно...
– Мы ждем, – подвел итог предводитель. – Шевелись. Мы голодны.
– Мне угостить вас нечем, – продолжал упираться Афоня, почуяв, что скоро приступят бить. – Вот придет Юри, принесет голубей, пожарю, а так у меня только лепешка. Пресная. Собрался испечь да выйдет всего одна – последнюю муку подобрал.
– Тогда мы изжарим и сожрем тебя, – возгласил кто-то не в меру веселый.
– Поджарим и с солью... – уточнил другой.
– Так и соли-то нет, – уныло проговорил Афоня.
– Ты, кажется, доигрался, – прорычал предводитель, нахмурившись. – Мы спалим этот паршивый домик.
– Хоть погреемся...
– И тебя заодно с ним...
– Дом-то чем виноват? – возвысил голос Афоня. – Я же говорю, дом принадлежит господину Владетелю, и если вы посмеете его сжечь, вам уж точно будет не сдобровать.
– Ах, вон ты как? – крикнул предводитель. – Мое терпение лопнуло, господа. Ну-ка, пошел на улицу! Полкан! Поди, прихлопни этого идиота.

Поднялся здоровенный детина – Полкан, сграбастал Афоню за шиворот, потащил вон из дома. Афоня терпел, не упирался, и вывернуться не надеялся, не было у него сил, чтобы совладать с такой мощью. К тому же с юности был он приучен к терпению и к тому, что все в этом мире по воле божьей.

Полкан волоком вытащил Афоню во двор, прислонил к стенке. Попятился на несколько шагов, взвел затвор автомата, целя Афоне в живот. Но выстрелить не успел. В недалеких кустах

раздался щелчок, детина обмяк, осел и медленно, неохотно повалился на бок. С его виска на лицо весело побежала черная струйка крови.

– Афоня, – прошипел голос Юри, – вали сюда.

– Куда, сюда? – недоуменно спросил Афоня, озираясь по сторонам.

Юри стоял поодаль, высунувшись из кустов по пояс и держа ружье наизготовку. Афоня бросился к нему и скоро уже бежал следом что было мочи. Одолев приличное расстояние, они остановились, чтобы перевести дух. Прислушались, нет ли погони, и наперегонки понеслись дальше, больше не останавливаясь до самого входа в знакомую пещерку. Здесь можно было укрыться и переждать напасть.

Повалились навзничь на стожок сена – натаскали, еще сухо было, вот и пригодилось. Между ними серой кучкой лежал десяток голубей на веревочной сворке и легкое охотничье ружьишко, которое Юри презрительно именовал пукалкой.

Пахнуло паленым. Афоня прянул к выходу.

– Надо же, подожгли, гады! – крикнул он. – Юри, смотри.

Сверху было видно, как разгорается рыжее пламя.

– Остались мы с тобой, Юри, без крыши над головой. Бедные, бесприютные. Горе нам, горе...

– Не ной, – твердо сказал Юри. – Крышу над головой имеем и то ладно. Будем в пещерке жить. Разведем костер и возрадуемся, что остались живы. С Адамом свяжемся. Он нас в беде не бросит.

– Знаешь, Юри, это не дом горит – летняя кухня. Может, пойдем, погасим? Вода есть, ведро найдется...

17

– Ты знаешь, Верт, – заговорила Ева, дождавшись, когда солдаты в очередной раз отправились в поиск, и они остались одни, – мне в голову явилась довольно странная, пожалуй, шальная мысль. Сейчас я выскажу ее тебе, только, пожалуйста, не смейся. Попробуй со всей серьезностью, на которую ты иногда способен, принять ее или отвергнуть.

– Когда ты начинаешь в таком тоне, – сказал Верт, с трудом сдерживая смех, – у меня по спине начинают мурашки бегать.

– Все бы тебе смеяться, – упрекнула Ева. – Сосредоточься и выслушай. – Она помолчала, собираясь с духом, и продолжала: – Мы летим четыре месяца, впереди пропасть – целая жизнь. А я уже измаялась одним и тем же глупым женским вопросом: а зачем, собственно, мы летим? Нам что, плохо жилось на Земле? Или из-за того, что какой-то мудрец с перепуга вякнул, будто Земля умирает, а мы сразу же лапки кверху? Мы не можем предсказать урожай овощей на нашем огороде, а, недолго думая, предсказывать будущее огромной планеты – это пожалуйста? Земля не огород, она не вчера возникла, она существует миллионы весен. Она вытерпела страшные напасти, умирала, с нею умирала жизнь, но, спустя время, планета упрямо возродилась и вместе с нею возрождалась жизнь. Не верю я этому умнику. Не верю... На досуге я занялась анализом аргументов, которые Хоган приводит в жалкой своей брошюре, с которой все начиналось. Ничего настоящего – пустые слова, предположения, которые он рассматривает как аксиомы... Да, земной механизм дал сбой, да, поднялся уровень океана, исчезли полярные шапки... Катастрофа? Согласна. Но ведь причина понятна, объяснима, следовательно, нельзя утверждать, что это апокалипсис. Почти четыреста весен люди живут под гнетом внушенного страха, приняв за истину то, что, уверена, попросту высосано из пальца. Пора кончать с этой правдоподобной чушью...

– Круто! Восхищаюсь, – проговорил Верт.

– Не смейся, – я серьезна как никогда. Подумай, что нас ждет на Терции? Если мы, конечно, долетим туда.

– Будем жить поживать и добра наживать, – рассмеялся Верт.

– Шутишь? Это не шутки, Верт. Я еще могу представить себе, что группа людей, специально подготовленных, совершенно здоровых, первоклассно оснащенных, имеющих постоянную профессиональную занятость на все время полета, отправляется в столь рискованное путешествие, сознательно исключив надежду когда-нибудь вернуться обратно. На безумный шаг эти люди идут из любопытства – самого дорогого удовольствия на свете.

– Насколько я понимаю, в этой жизни только таким способом можно идти вперед.

– Размышляя, я поняла, что нам не очень-то повезло, что мы совершенно случайно угодили в переплет человеческих амбиций, что мы все без вины виноватые. С самого начала было видно, что экспедиция не подготовлена. И, прежде всего, не готовы люди. Не специалисты, которые спокойно делают свое дело и ведут корабль, и, пожалуй, доведут до цели, а те, многочисленные ленивые существа, выполняющие роль балласта. И даже топлива.

– Здесь ты права, – сказал Верт серьезно.

– Теперь их одного за другим исключают из списка живых, – продолжала Ева, ведь даже на начальном участке полета они не в состоянии выдержать не самые жесткие условия. Несчастных усыпляют, сжигают в топке как дрова, точно они виноваты в том, что их здоровье заранее не было исследовано. Ведь если бы эту работу выполнили и убедились, что многие не дотягивают до кондиций, их оставили бы на Земле вместо того, чтобы, ничего толком не объяснив, тащить в космос на преждевременную гибель.

– И это верно. Но что же делать теперь? Где выход? Существует ли он на самом деле?

– Адам рассказывал, что настоящую подготовку к полету должны были начать через две весны, что процесс этот невероятно сложный и длительный. Каждый должен быть уверен, что выдержит испытания, не станет обузой для остальных, а уж если погибнет, то не оттого, что элементарно не вынесет невесомость или перегрузки.

– Смотришь в корень, но выводы, выводы... – уже волновался Верт. – Что делать? Или ничего сделать уже нельзя?

– Выводы самые печальные. Но я не об этом. Я думаю и не нахожу ответа на главный вопрос: так ли все это нам нужно? И не следует ли, пока не поздно, взять и решительно переиначить сложившуюся ситуацию.

– Что нужно делать? – крикнул Верт. – Говори!

– Успокойся. Есть выход: изменить направление полета на прямо противоположное.

– Ты даешь... Хорошо подумала? Или брякнула и понимай, как знаешь?

– Я рассуждаю очень просто. Мы знаем, что наш корабль тянут ракетные двигатели, направление полета определяют умные ребята, которых называют навигаторами. Возникает естественный вопрос: если можно лететь к Терции и при маневре изменять направление полета на любое другое, почему нельзя развернуться? Ведь тогда наша экспедиция закончится через пять или шесть месяцев, мы окажемся дома, в привычной обстановке, и ты сможешь прижать к своему истосковавшемуся сердцу младшенькую, я уж не говорю о тех, кто постарше. Что ты об этом думаешь, Верт? Отвечай.

– Ты, наверное, очень долго думала, – отозвался Верт, представляя себе теплую и живую младшенькую, ощущая ее всем своим широким телом, и сделалось ему так хорошо, как давно не бывало. – Эти мысли у меня возникали неоднократно, но, в отличие от тебя, я не отваживался их обнародовать, боялся, что меня сочтут полным идиотом. Ты что же, всерьез думаешь, что мы можем вернуться? Но как это сделать, ты знаешь?

– Когда я чего-нибудь не знаю или не понимаю, я сначала узнаю тем или иным способом и понемногу начинаю понимать. Думаю, что сделать разворот уж точно не сложнее, чем доби-

раться до Терции. Правда, сначала нужно будет поработать, чтобы обрести свободу действий. А это значит, придется захватить корабль и приказать навигаторам разворачиваться.

– А Правителя? В топку?

– Зачем? Арестовать и запереть. Едва ли его станут выручать, как выручили меня. И тогда остается лечь на обратный курс – к Земле, – подвела итог Ева. – Что может быть проще?

– Смотрю, тебе очень нравится захватывать. Не боишься?

– Не боюсь. Тем более что заниматься этим мне не придется. Это дело, Верт, мы поручим тебе, как самому старому и опытному. Ты часто напоминал еще на Континенте, когда гонял нас с Адамом, что у тебя огромный административный опыт. Теперь к этому опыту добавилась склонность к авантюрам. Не сомневаюсь, ты охотно возьмешься за это дело – организуешь бунт. Первым делом арестуем Правителя. Нет, убивать его мы не станем, мы вернем негодяя на Землю. Там его будет судить народ.

– Согласен. А тебя выберем Владетелем в изгнании. Идет?

– Все шутишь, Верт? А ведь я предлагаю серьезное дело. Шутки здесь неуместны. Ты же знаешь, никто ничего не отдаст нам по доброй воле. Выход один: захватить самим то, что нам нужно.

– Нет, ты только подумай, это же крутая мысль провозгласить тебя Владетелем, – не унимался Верт. – И обязательно пустить слух, что новый Владетель женщина. Представляешь, как оживут люди? Быть под началом прелестной женщины это так необычно, увлекательно. Я сегодня же приступлю к агитации за твою кандидатуру.

– Ты как мальчишка... Серьезно не можешь?

– Я, Ева, серьезен как никогда. Я рассуждаю так: если мы сами не посмеемся над собой, кто-то другой обязательно посмеется над нами. Жизнь без смеха скучная штука. А теперь шутки в сторону, с этой минуты я совершенно серьезно объявляю Правителю тотальную войну. Мы захватываем корабль, блокируем Правителя в той же каюте, в которой держали тебя, и немедленно приступаем к развороту. Курс – Земля! Теперь, Ева, изложи первые задания для меня.

– Ты немного знаком с навигаторами. Вот и выбери одного из них, способного разделить наши заботы, и приведи ко мне для разговора. Я расскажу ему о наших планах. Понимаю, это рискованно, но еще больший риск морочить человеку голову. Он наверняка откажется от сотрудничества. Не исключаю, что его придется списать. Исполнение приговора поручишь кому-нибудь из своих ребят и сразу же начнешь искать того, кто согласится.

– Понял. Короче, ты предлагаешь для начала перебить навигаторов. А как полетим дальше? Нет, Ева, я решу эту задачу без крови. Найду подходящего, сначала уломаю, чтобы не думал сопротивляться, а затем, тепленького, приведу к тебе.

– Жаль, что Франк выпал надолго, – сказала Ева. – Тарс говорит, месяца на два, не меньше. Ты знаешь, мне кажется, начинать нужно с Венка. Попробуй найти к нему подход. Вот тебе маленькая зацепка. Тарс рассказывал, что однажды Франк стоял рядом с Венком перед открытым сейфом с универсальными ключами, причем все двенадцать ключей были на месте. Он потянул руку, чтобы запереть сейф, его запястье обнажилось и Венк увидел на руке Франка тринадцатый точно такой же ключ, которого не должно быть в природе. И представь себе, этот наблюдательный господин смолчал, сделал вид, что ничего не заметил, хотя по инструкции должен был поднять шум. Он определенно понял, что существует лишний ключ, и что владеет им Франк. Тогда Франк еще не решил помогать нам. Теперь ты можешь объяснить Венку, кого он выручил. Если не дурак, поймет, что с нами лучше сотрудничать, и станет шелковым.

– Ну, ты даешь, Ева. Впрочем, никогда не сомневался, что интриги любимое женское дело...

– Опять смеешься? Тогда действуй сам, а я посмотрю и посмеюсь. Я хорошо умею смеяться. Вспомни Континент.

– Не обижайся, Ева, я восхищаюсь тобой, а когда я восхищаюсь, не могу быть серьезным. Уж извини.

– И последнее. Как продвигаются дела с кормовой радиорубкой?

– Туда даже для Франка нет доступа. Известно только, что штатный радист связался с Землей. Правитель хлестался обиняками, еще до того, как мы расплевались, что оставил на Земле целую сеть верных людей... Представляешь, что будет, если они не успокоились и замышляют какую-то пакость, а мы не можем предупредить. Правда, пока до надежной двухсторонней связи с Землей далеко – там серьезно повреждены передатчик и антенны. Сведущие люди объясняют, что если передатчик на Земле уничтожен, его восстановление займет несколько месяцев. А мы к тому времени улетим еще дальше...

– Ясно, что начинать нужно с Венка. А он сможет немного притормозить полет, чтобы никто не заметил?

– Это невозможно. Правителя не проведешь. В его кабинете на стене висят индикаторы с основными параметрами полета, среди них индикатор скорости. Правитель то и дело посматривает на него.

– Откуда ты все это знаешь, Верт?

– А я расторопный, должна бы привыкнуть. К тому же робот Р2, прислуживающий Правителю, мой лучший друг. Мы регулярно общаемся, он подробно докладывает об обстановке в окружении господина. Даже записывает видео в кабинете, а потом для меня на своем дисплее запускает картинку. Представляешь? Я недавно наблюдал уморительную сценку: Правитель размахивает руками и истошно орет то ли на свою жену, то ли на служанку.

– Ты завербовал робота? – спросила Ева. – А не подумал, что он может выдать?

– Ни за что, – сказал Верт уверенно. – Он крепко зависит от меня. Дело в том, что Р2 больше всего на свете любит изречения великих людей и анекдоты, в которых люди выглядят как полные идиоты. А я, да будет тебе известно, знаю великое множество умных фраз. Если же изречение приписать роботу, Р2 приходит в полный восторг, еще не дослушав. Сейчас готовлю новую тему – любовные похождения наших предков. Эту тему он особенно почитает, просто млеет. Спрашиваю, как он это все понимает. Молчит смущенно.

– Смотрю, ты обложил Правителя как зверя...

– Похоже на то. Но мы еще не развернулись по-настоящему. Так что, Ева, у нас все впереди.

– Ты не забыл о Венке?

– Не забыл. Венка закрючить это тебе не хухры-мухры. Особенно без помощи Франка. Здесь придется напрячься. Но я справлюсь...

18

Щадя несчастного Франка, первые лечебные процедуры Тарс выполнил под общим наркозом. Затем, установив общий ущерб, нанесенный безжалостными мучителями, и осуществив неотложные лечебные меры, он перевел пациента в состояние искусственной комы и велел перевезти его в небольшую тюремную камеру, рассчитанную на одного заключенного, и там запереть.

Спустя неделю Франк подал первые признаки жизни, но был слаб и склонен время от времени проваливаться в небытие.

Он слышал, как в камеру входили, но не мог видеть вошедшего, – спеленатая бинтами тяжелая голова не слушалась.

Наконец наступил черед изощренного издевательства – его попытались кормить. Бесцеремонно приподнимали голову, кое-как держа на весу, нечто, лишенное вкуса, падало в рот или скользило мимо, и, холодея щеки, стекло под бинты. То, что удавалось удержать, он никак не мог проглотить, мелко дрожа всем телом от грубых прикосновений ледяных ладоней. Потом все же глотал, и долго не мог унять неотвязную дрожь и согреться.

Раз в два дня меняли повязки на изувеченных руках, ногах, голове – мучительные процедуры полагались сразу же после завтрака. Его грубо ворочали, обтирали голое тело душистыми влажными салфетками, отбирая последнее тепло и насыщая тело холодом, пробирающим до костей.

Через несколько дней его попытались облечь в нижнее белье. Он подвывал от боли противным чужим голосом, терял сознание, уходил, падая, возвращался. Перебитые ноги, заключенные в блестящие пространственные конструкции, нестерпимо зудели, когда он бодрствовал. Измаявшись, он засыпал, совсем как в прежней жизни, и просыпался в полной тишине и одиночестве. Он видел над собой низкий потолок, неровно освещенный тусклым ночником. Говорить он еще не мог – рот был разбит, губы и десны распухли, он пробовал шевелить губами, но было больно, наверное, так же, как если бы с лица сдирали кожу.

Тарс упорно не замечал, что пациент вышел из небытия, а, может быть, делал вид, что не замечает. Молчал и, споро завершив свое дело, уходил.

И все же Франк упрямо шел на поправку. Во всяком случае, сознание закрепилось и больше не гасло. В своем враче, чаще других склонявшегося над ним, он признал Тарса, и подумал, что Тарс наверняка осведомлен о решении Правителя на его счет. Но спросить об это Тарса не решался.

Сознавая полную безнадежность своей участи, он не мог взять в толк, зачем с ним возятся, тратят время. Не проще ли разом оборвать жалкую ниточку жизни, все еще теплящуюся в изуродованном теле. Однако спросить прямо остерегался – уж очень не хотелось знать определенно, сколько ему осталось жить. В том, что его убьют, сомнений не было, но когда это произойдет, было бы знать нелишне. И еще, что он очень хотел узнать, живы ли Ева и ее товарищи, которых он так бездарно похоронил.

Вместе с тем, он понимал, что всегда остается надежда выторговать жизнь для себя – достаточно сдать Правителю этих людей, и дело будет сделано. То есть сохранится жизнь, как плата за неслыханную подлость. От гнусной мысли его корбило, но он не стал отвергать последнюю возможность уцелеть – отложил на время, когда существование станет совершенно невыносимым.

Вскоре Франк ожил настолько, что сумел подготовить первый разумный вопрос. Несколько раз в одиночестве, пробуя, он произносил его вслух. Выходило не очень разборчиво, но понять было можно. Дождавшись очередного явления Тарса, он выговорил невнятно:

– Как поживает Ева?

В это время Тарс натягивал свой шуршащий халат и обращенный к нему вопрос не слышал или решил не слышать. Однако Франк краем глаза отметил, что Тарс на мгновение прервал движение – слегка споткнулся.

– Я, кажется, спрашиваю тебя, – прорычал он увереннее. – У меня всего один вопрос: как живет Ева? Почему ты не отвечаешь?

– Я не отвечаю, когда нет ответа, – невозмутимо объяснил Тарс. – Или если не знаю, какой ответ выбрать.

– Все-то ты знаешь, – прохрипел Франк. – Вижу. А молчишь, потому что не веришь мне. А то, что ради Евы я рисковал жизнью... не в счет?

– Все мы рискуем, каждый по-своему, – вздохнул Тарс. – Мне непонятно, почему ты думаешь, будто я знаю, где сейчас Ева.

– Не где Ева, а как она поживает, – поправил Франк в отчаянии.

– Не понимаю, зачем тебе знать, как поживает Ева. Ты наломал столько дров, поступил так опрометчиво, что теперь только ты один виноват в том, что эти люди в глазах нашего господина отяготили ложью свою участь... Теперь ты взаперти, твои перспективы туманны. Во всяком случае мне, как врачу, они совсем не нравятся. Повторяю, я не знаю, как поживает Ева. Просто поверь и успокойся. Ты пострадал, согласен, но Ева при чем?

– Хорошо, – согласился Франк. – Давай поступим так: я сообщу тебе нечто важное, чего ты ни от кого не услышишь.

– А это зачем? – удивился Тарс.

– Поможешь сначала мне, потом всем нам. Неужели откажешься?

– Конечно, откажусь.

– Тогда я заставлю тебя... – немного подумав, сказал Франк.

– Ты не в том состоянии, чтобы угрожать, – усмехнулся Тарс. – Не нужно.

– Согласен. – Франк помолчал, собираясь с силами. – Понимаю, ты не готов. Наблюдаю за тобой уже две весны, прикрываю, а ты ни о чем так и не догадался. А вот твоего друга прикрыть не сумел – слишком несговорчивый, так и несло его на рожон. Я готов был пойти навстречу, даже забыть о его дурацкой выходке, но мы не смогли найти общий язык. Наконец эта дикая история с его женой. Ну, скажи, зачем она пошла за ним? Тянули ее? Я упрасивал: нужно жить. Ни в какую. Знай, твердит, он мой муж, а жена должна следом... Странная постановка вопроса. Вот бы узнать, кто ее надоумил... Неужели ты?

– Сама дошла, – сказал Тарс. – Они были редкие люди, умницы. Мне очень их не хватает. Ты-то откуда знаешь эту историю?

– По долгу службы. Я вел следствие, мне ли не знать?

– Ты что же, из этих, которые...

– Из этих, которые, – быстро признался Франк. – Тогда и к тебе подобралась вплотную, даже сверху прошла команда: брать. Но по какой-то причине Правитель, когда ему доложили, жестко велел: не трогать. Ослушаться побоялись. Почему?

– Мы с ним однажды встречались, долго говорили, он, видно, запомнил меня, чем-то я его зацепил. Тогда он был Координатором. Мы крепко повздорили...

– Знаю. Ваш разговор записали. Но хода не дали.

– Опять он вмешался?

– Не исключаю.

– Повезло мне? – спросил Тарс.

– Еще как, – отозвался Франк и закрыл глаза. – Ты, верно, забыл, что я доверил тебе ключ и тем подписал себе смертный приговор. А теперь не желаешь говорить со мной о Еве. По крайней мере, скажи, она на свободе?

– На свободе, – сказал Тарс.

– Вот это хорошо, – еле слышно выдохнул Франк. – Больше мне ничего от тебя не нужно. Можешь катиться ко всем чертям... Проваливай!..

– Я почти не спал последние сутки, – заговорил Франк, как только Тарс вновь вошел в его камеру и запер за собой дверь, чего обычно не делал. – Лежал, смотрел в потолок, ничего у меня не болело, это я понял позже, когда анализировал наш разговор. Ты догадался, кто я такой на самом деле. Но догадаться одно, а знать точно совсем другое. Я подумал, что именно ты должен знать, – достоин. Готов выслушать? Это не займет много времени.

– Говори, – сказал Тарс. – Сказки люблю с детства.

– Смеяться над умирающим человеком дурно, – сказал Франк серьезно. – И стыдно. А еще лекарь...

– С чего ты взял, что умираешь? Скоро поправишься. Неделя, другая...

– Ты удивительно добрый человек, Тарс. В прежние времена я бы насторожился – приучен не верить. Теперь рад, что встретил тебя. Считаю, что мне повезло. Итак, слушай внимательно. Перед самым исходом в нашем ведомстве произошли перемены: командор Фарн принял решение обновить руководство службы. Это означало, что люди из его ближайшего окружения, всего их было шестеро, начали забывать о своем долге перед государством – быть честными и бескорыстными. Они провинились настолько, что простое отстранение от власти уже не уравнивало их прегрешения. И он вынес свой приговор – все они были исключены из жизни. Именно такими словами он проводил этих людей туда, откуда возврата нет. Ни для грешника, ни для праведника. Тогда он приблизил меня и моего давнего товарища и соперника Хрома – назначил нас своими заместителями. Сколько помню, всегда был только один заместитель, теперь же почему-то стало два. Вскоре выяснилась причина: он принял решение разделить службу примерно поровну. Одной половине во главе с Хромом было предписано оставаться на Земле, где работы убавилось, вторая под моим водительством отправлялась на космодром. Так я со своей командой оказался в составе экспедиции. Кстати, членам моей группы категорически запрещено показывать, что они знают друг друга, а также кто они на самом деле. Предельная конспирация – у нас это так называется. Теперь, когда я надолго или навсегда выпал из обоймы, два десятка опытных оперативников осиротели. Возникает проблема: как с ними быть дальше. Что предпринять немедленно, чтобы эти ребята, отчаявшись связаться со мной, не начали сбиваться в стаю. Представляешь, что произойдет? Специализированная сила, лишившаяся законного управления, окажется беспризорной... Они, конечно, попробуют выбрать вожака, но верить ему, подчиняться не будут из принципа. Распад этой машины, Тарс, нельзя допустить ни в коем случае. И вот такая мысль меня посетила. Я вынужден передоверить сеть другому человеку – временно. Вместе с кодами связи и прочими атрибутами. Ни один из моих поддужных для выполнения этой миссии не годится. Принципиально. Причиной тому избыточные авантюрные наклонности, бездумная преданность делу, зачаточный интеллект и многое другое, столь же неодолимое. Кроме того, возвышать одного над равными остальными у нас не принято – немедленно возникает опасность раздора, а это прямой путь к катастрофе. Вожакom может быть только посторонний, обязательно назначенный сверху. Я знаю этого человека. Его имя Тарс.

– Еще чего не хватало, – возмутился Тарс. – В стукачах не ходил, слава Богу...

– Мы, доктор, не стукачи. Мы охранители. Даже не охранники. Прошу тебя, не отвергай мое предложение, подумай. Мои люди очень даже пригодятся, скажем, в случае непосредственной опасности для Евы и ее команды. А этот момент приближается. Ева беременна, срок беременности не меньше семи месяцев. Не успеешь опомниться, как придет время рожать. Что вы сможете в подполье? А если осложнение? Понадобится страховка. Я не боец, как видишь, от меня никакого прока. Остаешься ты – единственный легальный друг и защитник. Что ты на это скажешь?

– Сегодня ее состояние не вызывает опасений, процесс идет нормально. Срок беременности двадцать девять недель. Через месяц, самое позднее через полтора я заберу ее в стационар и доведу беременность до нормального разрешения. Палату для нее мы уже подготовили.

– Чую, ты хорошо подумал. Но одному не справиться, ты будешь вынужден подключить персонал. А эти люди, как бы они к тебе ни относились, донесут немедленно – так уж воспитаны.

– Не успеют. Мы почти готовы. Через неделю, если повезет и нам удастся захватить власть на корабле, твои опасения потеряют смысл.

– Вот даже как? – удивился Франк. – А я ничего не знал. Хороши конспираторы. Вы крепко рискуете, господа...

– Меня заверили, что есть план...

– А если провал?

- Тогда активная оборона. Пока будем живы, в руки не дадимся.
- Предположим, ваша затея удастся, вы захватите корабль. Но что дальше?
- Там будет видно, – уклончиво ответил Тарс. – В подробности я не посвящен.
- Но полет будет продолжен?
- Говорю же, не знаю. Скорее всего, нет. Ева настаивает на возвращении. Полет не подготовлен. Люди гибнут.
- Резонно. Но как вы представляете себе разворот? Что говорят пилоты?
- С пилотами сложно связаться, но этим занимаются. Предполагаю, что пилоты начнут действовать, как только поверят, что руки свободны.
- Что ж, если с пилотами сладится, дело может выгореть. Теперь, Тарс, у тебя тем более нет выхода. Ты согласишься с моим предложением, если не захочешь получить серьезного противника – отряда бойцов, способных решать любые задачи. Куда лучше, если они будут союзниками. Даю тебе день. Посоветуйся с Евой и Вертом. Они разумнее тебя.

19

Вера улетала на Континент.

Расставались холодно – безразлично. Она зашла попрощаться в его кабинет, всем своим видом напоминая, что спешит. Он прервался, выпроводил посетителей, надеясь хотя бы напоследок побыть с матерью наедине, поговорить по душам. Так и не собрался сделать это, когда она была рядом, откладывал разговор. Когда еще предстоит им встретиться, он не знал, и удастся ли встретиться – не ведал.

Его угнетало ее осуждающее молчание в последнее время. Ставили в тупик каждодневные походы на кладбище на могилу отца. От машины она отказывалась наотрез, шла пешком. Проводила там день, возвращалась затемно, измученная, и сразу же, отказавшись от ужина, уходила в свою комнату и запиралась. А он не решался нарушить ее одиночество. Не раз пыривался, подходил к запертой двери, намереваясь постучать, но, оказавшись рядом, утрачивал смелость и понуро возвращался к себе.

– Я надеялся, что ты останешься со мной. – Адам всматривался в свежее лицо матери. – Предстоит большая работа... Дети без присмотра. Поможешь. С твоим-то опытом...

– Нет, Адам, я своих детей не брошу. Я им нужна.

– Не будет больше детей, а те, что остались, прекрасно вырастут без тебя. Подбери достойного человека на замену, передай инкубатор с рук на руки и возвращайся. Я восстанавливаю университет, студентов не хватает. И еще долго взять их будет нигде. Одна надежда на твой инкубатор, на славов. Для начала привезем сюда старших. За весну подготовим низший технический персонал, начнем запускать заводы. Кому-то придется заведовать бытом, это же дети. Лучше тебя никто не справится.

Вера смотрела в окно, тонкая голубая жилка билась на шее. Адам вспомнил, что так она уходила от немедленного ответа или если смущалась. Ее пышные русые волосы, собранные на затылке черной траурной лентой, обрамляли лицо. «Как же она молода и как одинока», – думал Адам, любясь матерью. Теплое чувство к ней на мгновение вернулось, но он без усилия подавил его и осознал окончательно, что больше не жалеет свою мать.

– Мне не дает покоя одна мысль, Адам, – заговорила она монотонно, продолжая смотреть в окно. – Не слишком ли ты спешешь, желая что-то изменить? Не думаешь, что придется давать обратный ход? – Она обернула к нему лицо, всматриваясь и не веря. – Ничего у тебя не получится, Адам... Как не получилось у твоего отца.

– У меня обязательно получится, мама, – поспешно возразил Адам. – Но если бы ты была рядом... Неужели тебе не хочется, наконец, пожить общей жизнью с собственным сыном?

– Мы с тобой два обломка, сынок, к сожалению, – тихо проговорила Вера и вновь отвернулась. – И останемся обломками, как ни соединяй, как ни склеивай. Пока разделяет пространство, мы будем испытывать взаимное тяготение. Если же будем рядом, рано или поздно возникнет отталкивание. Ты думал об этом?.. Недаром последние дни мною владеет панический страх. Его причина в том, что мой сын, которого я люблю больше жизни, шаг за шагом превращается в своего отца... Эта коллективная казнь...

– Не понимаю, – оторопел Адам. – Они преступники... виновные в смерти ни в чем не повинных людей.

– Нет, это не так, – произнесла Вера. – И не это событие главное... Кровь не обманешь. Рано или поздно она вынесет свой приговор. Как же хочется, чтобы ты научился жить по совести, чтобы поверил сердцем, что и другие люди тоже хотят жить...

– Что ты такое говоришь, мама?..

– Я давно живу на свете... меня, сынок, не обманешь, – сказала Вера тоскливо. – Не забывай, я знала... твоего отца. Этого достаточно, чтобы теперь видеть, как ты пытаешься преодолеть то, что он дал тебе... Но ведь не преодолеешь, чувствую, знаю... Я не хочу присутствовать... при твоём падении. Мне страшно...

– У меня не было отца, – поспешно сказал Адам то, что давно хотел сказать, но поправился: – Его не было в моей жизни. То есть я рос, не подозревая, что он существует. А когда вырос, сначала нашлась ты. Как же я был горд, что у меня такая мать. Позже я попал в настоящий переплет, опустили руки... Я не надеялся выпутаться. Но неожиданно он обо мне вспомнил, выручил... А я даже не поблагодарил его при единственной нашей встрече, на которую он почему-то долго не решался. Ты была далеко, отдельно. Я никак не мог привыкнуть к вашему присутствию в общей реальности – во мне самом. Я ничему не научился у него, ничего от него не взял...

– Запутанная история, – согласилась Вера. – Так трудно понять людские поступки.

– Но это наша история, – сказал Адам.

– Конечно наша, – вздохнула Вера. – Чья же еще? Ладно, сынок, отдыхай. Пойду к себе. Подойдя к двери, она остановилась, обернулась.

– Я так устала за эти дни. Об одном мечтаю поскорее вернуться домой и все забыть.

– Ты мне так и не рассказала, почему ты пошла за отцом тогда, много лет назад.

– Ты очень хочешь знать? Не пожалеешь, когда узнаешь?

– Не пожалею.

– Тогда слушай. Сначала он просто уговаривал меня. Объяснял, что я ему очень понравилась, что он жизни своей без меня не мыслит, что он хочет любить меня вечно... Не скрою, мне льстило, что такой человек ухаживает за мной. Нежный смелый открытый. К тому же эта мерзкая свадьба, на которую меня обрекли. Я отлично знала, что меня ждет – этому чудовищному событию предшествовала основательная подготовка... Моей участью после свадьбы, если все пройдет благополучно, должна была стать беременность, роды, утрата ребенка и два коротких пути – быстрая легкая смерть или та же смерть, но растянутая на несколько весен, – донорство до износа. В Большой лаборатории на Острове. И все же я отказала ему. Тогда он пообещал явиться на распределение девушек и выбрать меня – перечить ему никто не посмеет. Я продолжала стоять на своем. Он сказал, подумав, что я толкаю его на преступление. Он вернется на Остров, снарядит экспедицию на Континент и уничтожит мое племя до последнего человека. Всех славов – поголовно. И ты знаешь, Адам, я поверила, что он именно так поступит. Что было дальше и чем закончилось, ты знаешь.

– Но ты любила его?

– Никогда. Он был груб со мной, я смертельно боялась его...

– Понимаю. Он догадывался, что ты никогда не полюбишь его, и потому отнял меня, а тебя спровадил на Континент. Так?

– Не совсем. Я ненавидела его, ведь он заставил меня предать родину, близких. Позже я смирилась. Думаю, то же происходит со всеми женщинами, оказавшимися в подобном положении. Я изо всех сил старалась быть хорошей женой и матерью, я пошла навстречу... Но могла ли я простить ему, что вместо меня на свадьбу пошла другая девушка – не в очередь? Первое время я осторожно напоминала ему об обещании, что этого не случится. Он выслушивал и ничего не делал. Потом стал отмахиваться, как от назойливой мухи. И напоследок сказал, чтобы меньше думала о других, о них есть, кому думать. Он не спас несчастную, хотя стоило сказать слово... Я пыталась узнать о судьбе этой девушки, ничего определенного не узнала – ее следы затерялись на Острове. На этом моя жизнь закончилась. Все, что было потом, не интересно. Только обретение тебя – последний проблеск надежды, удержавший меня от последнего шага... Это все, Адам, что я могу сказать...

Она резко развернулась и вышла из кабинета.

Когда звук ее энергичных шагов, нарушивших мертвую тишину пустого дворца, стих, Адам с горечью ощутил свое бесконечное одиночество, бессилие изменить собственную жизнь, избавиться от рутины заурядных дел, которые захлестнули, угнетая, не позволяя вздохнуть, спокойно сесть и подумать.

И в последний день уже перед самым отъездом поговорить с матерью снова не удалось – ее ждала машина в порт, а в порту грузовой носитель, битком набитый плебеями первого завоза, завершившегося большой неудачей.

В порт он не поехал, хотя понимал, что следовало самому проводить мать.

Гнетущие мысли давили, на душе было горько и безнадежно.

О Еве он теперь вспоминал редко – поверхностно. Ева канула в прошлое навсегда. Только нет-нет и накатывала теплая волна восторга, памятная по счастливому времени, когда они были вместе. Теперь же, едва ощутив это чувство в себе, он подавлял его спешно, безжалостно. Он смирился с утратой. В его жалкой жизни больше не было Евы...

Еще утром, приводя в порядок бумаги, скопившиеся на столе, он наткнулся на листок с заявлением Герда. Принялся читать ровные бесстрастные строки, слыша одновременно голос автора, будто бы читающего для него. В тексте подспудно присутствовал вызов – нескрываемый, исключаяющий компромисс. «А ведь я так и не наказал Герда, – подумал он отвлеченно, точно дело касалось постороннего человека, а не единственного друга. – Давно следовало наказать, да все как-то руки не доходили, отвлекался по пустякам. Интересно, как он живет теперь? Как Тея? Он больше не является в Сенат – устранился. Что означает этот дерзкий вызов напоказ, и как следует к нему отнестись?»

Никаких дел с Гердом больше не было. Но и преемника, он не стал подбирать – думать об этом не мог. Обошелся отдельными поручениями то одному сенатору, то другому. И вроде бы стало получаться и уже не было нужды в отдельном человеке, который мог бы освободить его от досадных мелочей.

Он отложил листок в сторону, чтобы был под рукой на тот случай, если Герд все же объявится. Но понимал, ощущая горечь, что Герд не вернется, что им не жить вместе. Скоро, так и не дождавшись, ждать перестал.

Он пристроил, было, бумагу Герда на стопку несрочных бумаг, но передумал, взял ее, внимательно перечитал еще раз, и положил на стол справа, где копились документы, требующие неослабного внимания.

Оставалось последнее средство, способное оживить. Он впервые определенно подумал, что, пожалуй, вскоре отправится на Континент и найдет для себя жену.

Кора слабела с каждым днем – угасала. Помногу спала, проснувшись, не узнавала – всматривалась в лицо, совмещая то, что видит, с тем, что помнит. По имени называла с заминкой. Часами молчала, судорожно прижимая к груди, укачивая как ребенка, потертую деревянную рамку с нечетким снимком смеющейся девочки. Равнодушно выслушивала, на вопросы не отвечала, уклонялась от прямого взгляда, но исподтишка, он замечал, послеживала за ним – играла в давно забытую детскую игру в прятки, которую так любила маленькая Тея.

С некоторых пор с самым серьезным видом спрашивала всякого, кто оказывался поблизости, стоит ли ей надеяться, что когда-нибудь, в будущем, произойдет чудо, они вернутся на Землю, и она увидит свою дочку. Ей терпеливо объясняли, что возвращение невозможно. Она не понимала или делала вид, что не понимает, а минуту спустя, повторяла тот же вопрос и уже не ждала ответа.

Первое время она повадилась в обсерваторию, просиживала там днями. Ее угнетало, что голубой диск Земли неумолимо уменьшается, превращаясь сначала в самую яркую звезду на черном бездонном небе, затем постепенно гаснет, становясь едва различимой пылинкой среди множества нестерпимо ярких звезд, теряется, и, наконец, исчезает, ничего по себе не оставив. Ее охватывала тоска, она заговаривалась, впадала в беспамятство, или яростно раздражалась, когда он неловко пытался ее успокоить, оживить напоминанием о прежней счастливой жизни.

В редкие минуты просветления его одного упрямо винила она во всех бедах, постигших ее семью. Измученная невесомостью, она наотрез, до истерик отказывалась от сеансов искусственной гравитации в малом барабане в носовой части Большого корабля, предназначенном для отдыха экипажа. Категорически не желала видеть незнакомых людей. Старенькая Адель и робот Р2 ограничивали круг ее общения. Вместе им было хорошо. Кора на глазах оживала, ее речь свободно лилась, было видно, что ей нравится говорить и говорить. Их беседы длились часами. И никому из них не являлось желание прервать неиссякающий поток слов об одном и том же. Что они обсуждали, он не знал. При его появлении они разом, как по команде, смолкали.

Здоровье Кору стремительно приближалось к ожидаемому концу. Он велел созвать консилиум. Результат был краток и однозначен: ни малейших надежд, он должен готовиться к самому худшему.

Вернувшись к себе, он вошел к Коре. Комнату слабо освещал голубоватый свет ночника. Подошел к кровати, склонился к лицу жены, темнеющему на подушке, прислушался. Дыхания не было слышно. Коснулся губами ее виска – кожа была ледяной. «Она умерла, – подумал он совершенно спокойно и ощутил озноб, охвативший тело. – Я остался один – окончательно. Сначала меня покинула Тея. Теперь ушла Кора. Скоро – следом – уйду я».

«И это правильно», – неожиданно согласился он.

Он постучал в стенку – там была Адель. Послышались шаркающие шаги, старуха возникла в проеме двери.

– Господин, ну, почему вы шумите, – проговорила она с укором. – Кора приняла таблетку от бессонницы, просила не беспокоить.

– Адель, Кора не спит, – вышептал он. – Ее больше нет с нами. Моей Кору нет. Понимаешь? Она покинула нас – умерла.

– Можно, я включу свет? – засуетилась Адель.

– Включай, – разрешил он.

Она принялась шарить рукой по стене в поисках тумблера. Он не выдержал, раздраженно прикрикнул:

– Ну что же ты?

Вспыхнул свет.

– Я еще подумала, хорошо ли так долго спать, – суежливым шепотом выговорила Адель. Но не удержалась, вскрикнула, тонко завывала, затряслась в рыданиях.

– Не горюй, Адель, скоро мы все умрем, – успокоил ее Правитель. – Я тебе обещаю. Веришь?

– Конечно верю, – эхом отозвалась старуха, продолжая всхлипывать. – Я и всегда вам верила...

Правитель в скорбном молчании долгие часы просидел у тела жены – прощался, молил о прощении, был прощен.

Паст прислал ворох огромных желтых хризантем, которые так любила Кора, предпочитая их другим цветам. Душный полынный запах наполнил каюту. Оказалось, Адель, не спросив разрешения, отрядила Р2 в цветник.

Адель вызвала Тарса. Они спеленали тело Кору в тугий белоснежный кокон, маленький жалкий. Уложили на носилки. Два солдата понесли носилки в крематорий. Правитель и Тарс поспевали следом, Адель отстала. Время было обеденное, им никто не попался навстречу.

Для траура он отвел сутки. Ничего не стал объяснять, отменил до особого распоряжения очередное заседание Сената, заперся в своем отсеке, приказал не тревожить.

Он перебирал свою жизнь с Корой, оказавшуюся такой короткой, и пытался вспомнить, как же все начиналось. В памяти неуверенно проявилась легконогая девушка с ярко-синими вопрошающими глазами, имени которой он еще не знал. Его поразило, как пристально, без малейшей почтительности всматривалась она в его лицо при первой встрече. Теперь он мысленно наблюдал эту встречу со стороны: друг перед другом стояли Великий Координатор государства иступленных, второй человек на планете Земля, явившийся, как было принято, в столичную женскую гимназию, чтобы поздравить выпускниц, и шестнадцатилетняя девочка с непокорной шапкой темных волос. Он вспомнил, что им овладело тогда незнакомое мягкое чувство к ней, такой простой незащищенной. Почему-то ему захотелось повторить только ей одной те же напутственные слова, которые он только что произнес перед всем классом. Но что-то невозможное произошло с ним, у него не нашлось слов для нее, и он понял тогда, что для этой девочки не слова нужны, нужно что-то иное. Она продолжала смотреть на него неотрывно, а он молчал и тоже смотрел на нее, замороженный и уже покорный. И тогда он понял, что это судьба у него такая. Позже, когда он не выдержал и позвал ее, она покорно пошла следом, не раздумывая. Он принял ее в свою жизнь однажды и навсегда. Больше ничего из того первого времени в памяти не осталось.

Потом Кора была уже не одна – это время он помнил лучше, у нее на руках появилась Тея. Она крепко прижимала к себе плотное тельце дочери, увернутое в тонкую простыню, избыток которой почему-то небрежно свешивался до пола. Было на Земле тепло, покойно, весь мир был пропитан солнечным светом, любовью и счастьем.

У него было право, в отличие от других иступленных, забрать дочку домой сразу же после того, как ее извлекут из кюветы. Стоя рядом перед последней запретной дверью клиники-инкубатора, они слышали, как их девочка, едва отделившись, отчаянно закричала. Ее не пришлось понуждать к жизни, как других детей, и долго не удавалось унять – так много энергии было в этом скользком красном тельце.

Вскоре послышались тяжелые шаги, дверь распахнулась, явился профессор Клинт, торжественно и гордо неся на вытянутых руках посапывающее чудо – их крохотную Тею.

Тея стала расти рядом, становилась девушкой.

Он был очень занят в те весны. Множество сложных, часто рискованных дел. Иногда отлучался надолго, но всегда, где бы ни затерялся на огромной планете, его тянуло домой к милым родным людям.

Он возвращался, оставляя хлопоты позади, не пуская их в свой устойчивый домашний мир.

Теперь он сознавал, что жизнь завершается. Ушла Тея, следом его оставила Кора. Он потерял их навсегда. Ничего из того, что удерживало в живых, не осталось...

Очередная шифрограмма Флинта была короткой.

«Конфиденциально. Только для Правителя. Шифр номер четыре. Флинт».

Этого шифра в коллекции Алекса не было, потому, не сумев прочесть сообщение, он отправился на поиски господина. По регламенту службы при получении известия такого содержания следовало сразу же обратиться к Правителю, причем лично, не прибегая к посредникам или средствам связи.

Однако в офис его не пустили, объяснив, что Правитель не принимает – он в трауре по жене. Как с ним связаться, знал секретарь, но он как заведенный твердил, что информация закрытая и разглашению не подлежит.

Алекс вынужден был признать, что добиться встречи с Правителем напрасный труд. Он совершал преступление, не желая того, не зная хотя бы приблизительно, когда сможет выполнить эту свою обязанность. И все же он рискнул, сообщил охранникам, что получено экстренное сообщение, которое, возможно, потребует немедленной реакции, и, поспешно вернувшись к себе, решил переждать в рубке и повторить попытку через какое-то время.

Аппаратура была включена – происходило сканирование пространства в автоматическом режиме. Время связи близилось к завершению. Он наблюдал очередной захват – в поле индикатора точной настройки неспешно всплыла яркая точка. Подрожав, утвердилось в перекрестии, замерла, подрагивая, – антенная система настроилась в точности на далекую Землю. Следом ожил и засветился синим индикатор приемника. Яркой змейкой, заполняя экран построчно, побежал текст Флинта.

«Алексу. Ты сообщил Правителю о последней радиограмме? Что сказал Правитель? Когда состоится сеанс? Мне важно знать. Ситуация обостряется, не исключено, что промедление приведет к серьезным последствиям. Пожалуйста, поспеши. Флинт»

Алекс набрал ответ:

«Флинту. Использую все возможности для доступа. Господин в трауре по жене, которая умерла вчера. Никого не принимает. По регламенту сообщения такого вида я должен вручать лично. Оповестил охрану о срочности, нарушив запрет. Буду наказан. Потерпи немного. Алекс».

«Алексу. В памяти твоего декодера этот код наверняка есть. Может оказаться, что это сообщение потребует немедленного осуществления мер помимо Правителя. Если не удастся расшифровать, сообщи мне. Помогу. Флинт».

Алекс пропустил принятое сообщение последовательно через все фильтры, имеющиеся в его распоряжении, и скоро обнаружил, что совет Флинта сработал: на экран монитора после некоторого раздумья неохотно выполз текст секретной радиограммы: «Правителю. В нашей структуре произошли перемены: как вам, надеюсь, известно, что мы потеряли великого человека – командора Фарна. Его преемником стал я – Хром. Первым заместителем командора остается Франк. В связи с новыми обстоятельствами вынужден раскрыть его подлинное назначение, чтобы избежать недоразумений в будущем. Предлагаю относиться к Франку как к полномочному представителю службы и в соответствии с положением, которое он занимает. Командор Хром».

Сначала Алекс ничего не понял из этого текста, но, рассудив, вынужден был признать, что на свете существует власть, соразмерная с властью Правителя и, возможно, даже превосходящая ее.

Только на следующий день Алексу удалось доставить по назначению странную радиogramму.

– Вчера получил? – строго спросил Правитель, прочитав текст. – Почему не принес сразу? Прекрасно знаешь, что означает послание с таким шифром. Или не знаешь?

– Знаю, конечно, но вы были недоступны. Меня не пустили и отказались вас потревожить.

– Неужели?

– Ну да. Мне сказали, что у вас траур по жене.

– Кто именно сказал?

– Ваш секретарь.

– Иди за мной. Хочу показать тебе, к чему привело промедление. Если он умер, ответишь – отправишься следом.

Они вышли из отсека, прошли сквозным безлюдным тоннелем вдоль корабля. По дороге пришлось открывать несколько дверей – одну за другой. Алекс никогда не бывал здесь и не знал, что этот тоннель существует. Наконец они оказались в кормовых помещениях, где, как предположил Алекс, размещается внутренняя тюрьма. Правитель остановился перед широкой дверью, малозаметной на фоне стальной стены, открыл ее, распахнул, проворчал не зло:

– Слушаешь, черт знает кого, веришь. Доверчивый? Ну давай, входи.

– А кто здесь сидит?

– Франк. Ты знаешь его?

– Пару раз видел. Большой начальник – служба безопасности или что-то в этом роде. Точно не знаю.

– В рубку к тебе заходил?

– Нет.

– Уверен?

– Уверен.

– Тогда ладно.

Они оказались в тесной плохо освещенной камере, посередине которой стояла широкая больничная кровать из стальных никелированных прутьев, застеленная белоснежной простыней. На кровати лежал человек – на спине. Он показался Алексу слишком маленьким для взрослого человека. Его голова и тело были в бинтах, а голые ноги, перемазанные чем-то черно-коричневым, были заключены в блестящие пространственные конструкции, состоящие из множества стержней, винтов и гаек, собранных воедино. Это был Франк, точнее то, что осталось от Франка. Алекс подумал, что если Франк откроет глаза, ему станет страшно. Он отвернулся.

– Не смей отворачиваться, – приказал Правитель, – смотри внимательно. Видишь, к чему приводит промедление с доставкой какой-то паршивой радиogramмы. Покалечили человека. Не по делу...

– Вижу, – сказал Алекс. – Но я не виноват, я же объяснил, как все было.

– От твоих объяснений ему легче не станет, – резко выговорил Правитель. – Сколько он еще проваляется? Месяц, два?

– Не знаю, – тихо произнес Алекс.

– Вот и я не знаю, – сказал Правитель. – А он нужен. Очень. Что будем делать?

– Наверное, ждать...

– Предлагаешь ждать?

– Ничего другого не остается, – неуверенно произнес Алекс.

– Знаешь, Алекс, я, пожалуй, погорячился, когда обвинил тебя, – сказал Правитель мягко. – Прости меня, ты ни в чем не виноват. Эта радиограмма должна была прийти две недели назад. Франк был бы цел. Жаль...

21

Театр полон. Публика – сплошь старики. Молодых не видно – опустел Остров. Приглушенно, необязательно вступает простенькая несогласная музыка – спотыкается виолончель, поскрипывая натужно и басовито, рядом незамысловато вьется скрипица, жалобно всхлипывая, барабан трактует высокомерно о чем-то своем, особенном – интродукция. Музыка обрывается на высокой тревожной ноте и – тишина.

На сцене последний акт представления. Берег моря, яркий солнечный день, порывистый ветер. Вдали, на волнах покачиваясь, суденышко – парусник. Предлагается верить, что солнце, что ветер, что парусник и что он покачивается.

В пустой директорской ложе, куда провели Адама, темно. Сцена видна сбоку.

Из левой кулисы вбегает юноша в яркой одежде. Он возбужден, суматошен. В руках у него бинокль. Он смотрит на суденышко.

Навстречу из правой кулисы является девушка – воздушная легкая, в облегающем синем платье.

Аста (кричит; между ними продолжается спор). Она сама согласилась. Не спорь. Твердишь, что ее заставили, а я тебе вот что скажу, дорогой, никто ее не неволил. Сама пошла за этим... как его? Когда ты, наконец, это поймешь?

Юсав. Ты все врешь. Ты привыкла врать. Ее похитили, я знаю... Есть, наконец, свидетели, которым можно верить... И потом, подумай своей дурной башкой, могла ли она бросить меня?

Аста. Чушь! Женщину нельзя похитить без ее согласия. Я подслушала... Она говорила, что не выдержит издевательств и уйдет с Эрлом. Даже беременная... Она сказала, что любит его... А ты... Разве ты способен любить? От тебя не дождешься... Чуть не по тебе – в глаз. А что нужно женщине, подумай. Немного любви и ласки. Запомни это, урод... Представляю, чего она от тебя натерпелась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.